

Гюстав Флобер

МАДАМ БОВАРИ

радиосценарий и его перевод

Александра Пономарёва

(стук палки и деревянных каблуков;

песенка сумасшедшего слепого)

Эмма – Какой жалкий... Какой жалкий человек мой муж!.. Что же, значит, это прозябание в Тосте, в этом городишке, будет длиться вечно? Значит, всё безысходно? А чем я хуже всех этих избранных дам? Да, в Вобьесарском замке я навидалась герцогинь - тучные фигуры, вульгарные манеры... Возмутительная несправедливость! Где же эта беспечная жизнь, ночные маскарады, порочные наслаждения, неиспытанный мною восторг, в который все они, наверное, приводят?..

Шарль Она стала бледнеть день ото дня, у нее начались сердцебиения. Я прописал ей валерьяновые капли и камфарные ванны. Но это как будто еще больше ее раздражало. Бывали дни, когда на нее нападала неестественная разговорчивость; потом вдруг эйфория сменялась апатией - она могла часами молчать и не шевелиться.

Эмма - Я лью себе на руки флакон одеколона - только это несколько ободряет меня...

Шарль Эмма стала пить уксус, чтобы похудеть, у нее появился сухой кашель, она окончательно потеряла аппетит... Эмма постоянно бранила Тост и я предположил, что все дело в здешнем

климате. Утвердившись в этой мысли, я стал серьезно подумывать, нельзя ли перебраться в другие края. Мне нелегко было расстаться с Тостом, ведь я прожил здесь несколько лет и только-только начал становиться на ноги. Но ничего не поделаешь! Я повез жену в Руан и показал профессору... Нервное расстройство! Требуется переменить атмосферу. Покрутившись там и сям, я наконец выяснил, что в Невшательском округе есть основательный городок Ионвиль-л'Аббеи, откуда как раз на прошлой неделе уехал врач - поляк. Я написал ионвильскому аптекарю и попросил сообщить, каково там население, далеко ли до ближайшего коллеги, сколько получал мой предшественник и т.п. Получив благоприятный ответ, я решил, что мы переедем туда весной, если здоровье Эммы не пойдёт на поправку.

Эмма Однажды я, готовясь к отъезду, рылась в комод и укололась обо что-то. Это была латунная проволока от свадебного букета. Флердоранж пожелтел и запылится, атласная лента с серебряной бахромой обтрепалась по краям. Я бросила букет в огонь. Он загорелся мгновенно, точно сухая солома. Немного погодя на углях осталось что-то вроде красного кустика, и кустик этот медленно догорал. Я смотрела на огонь. Лопались картонные ягодки, от жара скручивалась проволока, плавилась позументы, а свернувшиеся на огне бумажные венчики долго порхали черными бабочками в камине и, наконец, улетели в дымовую трубу...

Автор Когда мадам Бовари покидала Тост в марте, она была беременна...

.....

В тот вечер, когда в Ионвиль должны были приехать супруги Бовари, хозяйка постоянного двора, вдова Лефрансуа была вся в хлопотах над своими кастрюлями, и пот катился с нее градом.

Вдова Лефрансуа - Завтра базарный день... Нужно заранее разделать туши, выпотрошить цыплят, сварить суп и кофе. Да еще надо приготовить обед не только для тех, кто у меня на пансионе, но еще и для нового лекаря, его жены и служанки...

(взрывы хохота из соседней комнаты)

Мельники – Хозяйка, водки!..

Автор Дрова горели, угли потрескивали. На длинном кухонном столе, среди кусков сырой баранины, виселись стопки тарелок, дрожавшие при сотрясении чурбана, на котором рубили шпинат. На птичьем дворе стоял отчаянный крик - это кричала жертва, которую преследовала служанка, чтобы отрубить ей голову.

У камина грелся рябой человек в зеленых кожаных туфлях, в бархатной шапочке с золотой кистью. Лицо его не выражало ничего, кроме самовлюбленности и держал он себя так же невозмутимо, как щегленок в клетке из ивовых прутьев, висевшей как раз над его головой. Это был местный фармацевт.

Вдова - Артемиза! Наломай хворосту, налей графины, принеси водки, пошевеливайся! Понятия не имею, что приготовить на десерт тем вот, которых вы ждете! Милостивый Боже! Опять грузчики загалдели в бильярдной! А повозка-то ихняя у самых ворот! "Ласточка" подъедет - разобьет в щепы. Поди скажи Ипполиту, чтобы он ее отодвинул!.. Подумайте, господин Оме: с

утра они уж, наверно, пятнадцать партий сыграли и выпили восемь кувшинов сидра!.. Да они мне все сукно изорвут!

Оме – Не велика беда, купите новый.

Вдова - Новый бильярд?!.

Оме - Да ведь этот уже еле держится, госпожа Лефрансуа! Сколько раз я вам повторял: вы себе этим наносите большой вред, очень большой!.. Да и потом игроки теперь предпочитают узкие лузы и тяжелые кии. Всё меняется! Надо идти в ногу с веком! Берите-ка пример с Телье...

Вдова – Телье?!..

Оме - Его бильярд, по правде говоря, симпатичнее вашего, и если б кому-нибудь пришло в голову устроить состязание с патриотическими целями - в пользу поляков или же в пользу пострадавших от наводнения в Лионе...

Вдова – Он не из тех бездельников, которых можно опасаться! Ничего, ничего, господин Оме! Пока "Золотой лев" существует, в нем никогда не убудет. Мы-то ещё при денежках! А вот в одно прекрасное утро вы увидите, что кофейня "Франция" заперта, а на дверях висит объявление! Сменить мой бильярд!.. На нем так удобно раскладывать белье для стирки, а когда начинается охота, на нем свободно спят шесть постояльцев!.. Ох уж эта копуша Ивер, всё никак не прибудет на своей «Ласточке»!

Оме – Вы собираетесь ожидать с обедом до его приезда?

Вдова - Ожидать?! А месье Бине? Вот увидите: он придет ровно в шесть, - на всей земле не сыщешь такого пунктуального человека! И непременно обеспечь ему место в маленьком зале! Убей его, он

не станет обедать в другом месте! До того привередлив! А уж как трудно угодить ему сидром! Это не то, что месье Леон. Приходит когда в семь, а когда и в половине восьмого. Ест все подряд, не разбирая. Такой милый молодой человек! Голоса никогда не повысит, не то что другие.

Оме - Образованный человек и податной инспектор из бывших карабинеров - это, я вам скажу, далеко не одно и то же... А вот и месье Бине ...

(пробило шесть часов)

Даже не поздоровается... Однако вежливостью он не блещет!

Вдова - Он всегда такой. На прошлой неделе заехали ко мне два коммивояжера по суконной части, ну до того веселые ребята - весь вечер балагурили, и я хохотала до слез и что же!.. Он не проронил ни слова, как рыба.

Оме - Да, ни воображения, ни остроумия, всего того, чем отличается человек из общества!

Вдова - Говорят, он со средствами...

Оме - Со средствами? Кто, он? Со средствами? Он знает средство выколачивать подати, только и всего. Ну, если негоциант, который делает большие дела, юрист, врач, фармацевт так всегда заняты своими мыслями, что в конце концов становятся угрюмыми фантазёрами, это я еще могу понять, это нам подтверждает история! Но зато они все время что-то обдумывают. Со мной, например, сколько раз случалось: надо написать этикетку, ищущее перо на бюро, а оно у меня за ухом!

Вдова - Погляжу не едет ли "Ласточка"... (*столкнувшись в дверях со священником*) А!.. Месье кюре... Чем могу служить вашему преподобию? Не угодно ли чего-нибудь выпить? Рюмочку смородиновой, стаканчик вина?

Священник – Нет, благодарю вас. Я забыл в Эрнемонском монастыре зонт... Прошу вас, г-жа Лефрансуа доставить его вечером ко мне на дом. А мне пора идти служить вечерню.
(*уходит*)

Оме - Этот священник ведет себя отвратительно... Отказываться пропустить стаканчик - это гнусное лицемерие и больше ничего; все попы пьянствуют, только тайком, и все мечтают восстановить десятину.

Вдова - Да он с четырьмя такими, как вы, справится. В прошлой осени он помогал нашим ионвильским солону убирать, так по шесть охапок сразу таскал – вот какой силач!

Оме - Bravo!.. Вот и посылайте своих дочерей на исповедь к славным парням с таким темпераментом! Я бы на месте правительства распорядился, чтобы всем попам раз в месяц отворяли кровь. Да, госпожа Лефрансуа, каждый месяц - обширную флеботомию в интересах нравственности и общественного порядка!

Вдова - Будет вам, господин Оме! Вы безбожник! У вас нет религии!

Оме - У меня есть религия, своя особая религия... Я даже религиознее, чем все они со их комедиантством и фиглярством. Напротив, я чту Бога! Верю в высшее существо, в Творца, в кого-

то - все равно, как его ни назвать, - кто послал нас сюда, дабы мы исполнили свой гражданский и семейный долг. Но я не считаю нужным ходить в церковь, целовать серебряные блюда и прикармливать ораву шутов, которые и так лучше нас с вами питаются! Молиться Богу можно и в лесу и в поле, даже просто, по примеру древних, созерцая небесный свод. Мой Бог - это Бог Сократа, Франклина, Вольтера и Беранже! Вот почему я отрицаю боженьку, который прогуливается с палочкой у себя в саду, размещает своих друзей во чреве китовом, умирает, испустив крик, и на третий день воскресает. Все эти нелепости в корне противоречат законам физики, а из этих законов, между прочим, явствует, что попы сами погрязли в гнусном невежестве и жадно поглощают в него народ.

(отдаленный стук экипажа, скрип, цоканье подков)

Вдова – Вот, наконец, и "Ласточка"!..

Эмма и Шарль *(входя)* – Добрый вечер...

(Оме и Леон отвечают приветствиями)

Оме - Сочту своим долгом представиться – фармацевт и аптекарь Оме. Позвольте, мадам, засвидетельствовать вам свое почтение. Буду рад служить вам и вашему мужу. *(добродушно)* Моя жена уехала, и поэтому я беру на себя смелость напроситься на совместную трапезу.

Автор Войдя в кухню, г-жа Бовари подошла к камину. Она приподняла двумя пальцами платье до щиколоток и стала греть ногу в черном ботинке прямо над куском мяса, который поджаривался на вертеле. Пламя озаряло ее всю: и ее платье, и ее

гладкую белую кожу, а когда она жмурилась, то в его резком свете веки ее казались прозрачными. В приотворяемую дверь временами дуло, и тогда по Эмме пробежал яркий багровый отблеск.

Сидевший по другую сторону камина белокурый молодой человек молча смотрел на неё.

В Ионвиле он служил помощником у нотариуса, г-на Гильомена, очень скучал (это и был Леон Дюпюи, второй завсегда "Золотого льва") и в надежде, что на постоянный двор завернет путник, с которым можно будет поболтать вечером, сплошь да рядом являлся к обеду с запозданием.

Вдова – Господин Дюпюи! Вы тоже присоединяйтесь к господам. Я велела накрыть стол на четыре прибора в большом зале...

Леон – Охотно, охотно...

Оме (*усаживаясь за стол*) – Прошу вашего разрешения не снимать феску, - боюсь схватить насморк. (*все рассмеялись*) Вы, наверно, устали, сударыня? Нашу "Ласточку" трясет немилосердно!

Эмма - Это правда, но подобные беспокойства только развлекают меня. Я люблю перемену мест.

Леон - Да, это раздражает, если тебя пригвоздили к одному месту!

Шарль - Если бы вы, как я, целыми днями не слезали с лошади... .

Леон - А по-моему, это очень приятно, лишь была бы такая возможность.

Оме - Да у нас тут условия для врача не такие уж тяжелые, дороги в порядке, всюду можно проехать в кабриолете, а платят прилично, - местные крестьяне живут богато. Если же говорить с точки зрения медицинской практики, то, помимо обычных явлений энтерита, бронхита, желтухи и тому подобного, в пору жатвы иногда встречается перемежающаяся лихорадка, но тяжелые случаи редки, одним словом - ничего достопримечательного, вот только золотуха у нас свирепствует, и тут все дело, конечно, в антисанитарном состоянии крестьянских домов. Да, господин Бовари, вам придется вести борьбу со множеством предрассудков, косность будет оказывать постоянное и упорное сопротивление вашей науке, - ведь есть еще такие люди, которые пойдут не к врачу, не к фармацевту, а к попу, который вместо лечения велит молиться да прикладываться к мощам. А между тем климат здесь, в сущности говоря, не плохой, в нашей округе можно найти даже девяностолетних стариков. Температура, по моим собственным наблюдениям, зимою падает до четырех градусов, а в жару поднимается до двадцати пяти, самое большее - до тридцати, что составляет по Реомюру максимум двадцать четыре, а по Фаренгейту, по английскому градуснику - пятьдесят четыре, не выше. В самом деле, с одной стороны мы защищены Аргейльским лесом от северного ветра, а с другой - холмом Сен-Жан от западного, и благодаря этому жара, которая усиливается от водяных паров, поднимающихся над рекой, и от скопления на лугах изрядного количества скота, выделяющего, как вам известно, много аммиака, то есть азота, водорода и кислорода, -

нет, виноват, только азота и водорода, - жара, которая поглощает влагу, содержащуюся в почве, смешивает все эти различные испарения, связывает их, если можно так выразиться, в один сноп, вступает в соединение с электричеством, когда оно бывает разлито в воздухе, и которая, как в тропических странах, могла бы с течением времени образовать вредные для здоровья миазмы, - эта жара, говорю я, именно там, откуда она приходит, или, вернее, откуда она должна была бы к нам приходиться, то есть на юге, умеряется юго-восточным ветром, - ветер же этот, охлаждаясь над Сеной, порой налетает на нас внезапно, как ветра из России.

Эмма - По меньшей мере, в окрестностях есть места для прогулок?

Леон - О, совсем немного... Есть одно место, на взгорье, у опушки леса, на так называемом выгоне. Иногда в воскресенье я ухожу туда с книгой и люблюсь закатом.

Эмма - По-моему, нет ничего восхитительнее заката, особенно на берегу моря.

Леон - О, я обожаю море!

Эмма - Тогда не кажется ли вам, что над этим безграничным пространством наш дух парит вольнее, что его созерцание возвышает душу и наводит на размышления о бесконечности, об идеале?

Леон - Так же воздействует и горный пейзаж... Мой двоюродный брат в прошлом году путешествовал по Швейцарии, и он потом говорил мне, что невозможно себе представить, как поэтичны озера, как прекрасны водопады, как величественны ледники. Через потоки переброшены сосны сказочной величины, над

провалами повисли хижины, а когда облака расходятся, вы видите под собой, на дне тысячефутовой пропасти, бескрайнюю долину. Такое зрелище должно настраивать человеческую душу на высокий лад, располагать к молитве, доводить до экстаза! И меня нисколько не удивляет, что один знаменитый музыкант для своего воображения отправлялся играть на фортепьяно в какие-нибудь величественные места.

Эмма - А сами вы музицируете?

Леон - Нет, но я очень люблю музыку...

Оме - Ах, не слушайте его, мадам Бовари! Это он из скромности. Как, дорогой вы мой? Ведь на днях вы чудесно пели у себя в комнате "Ангела-хранителя". Я слышал вас из лаборатории. Вы отчетливо выделяли все оттенки, как настоящий певец.

Эмма - Какую же музыку вы предпочитаете?

Леон – О! немецкую музыку, - она пробуждает мечты!

Эмма - А итальянцев вы знаете?

Леон - Нет еще, но я их услышу на будущий год, - мне придется ехать в Париж заканчивать юридический факультет.

Оме - Я уже имел честь докладывать вашему супругу о несчастном поляке - беглеце Яноде. Благодаря тому, что он сглупил, вы будете жить в одном из самых комфортабельных ионвильских домов. Для врача он особенно удобен тем, что одна из его дверей выходит прямо на бульвар, так что можно незаметно и войти и выйти. Кроме того, в доме есть все, что нужно семейному человеку: прачечная, кухня, буфетная, уютная гостиная, фруктовый сад и прочее. Этот славный польский парень

тратил деньги без счета! В самом конце сада, над рекой, он выстроил себе беседку обвитую зеленью, чтобы летом пить в ней пиво. Если же вы, сударыня, любите садоводство, то вы сможете...

Шарль - Мою жену это не интересует, хотя ей и рекомендуется моцион, однако она предпочитает сидеть в комнате и читать.

Леон - Это вроде меня... В самом деле, что может быть лучше - сидеть вечером с книжкой у камина? Горит лампа, в окна стучится ветер...

Эмма - Не так ли?..

Леон - Вы ни о чем не думаете, часы идут... Сидя на месте, вы путешествуете по разным странам и словно видите их перед собой; мысль, подогреваемая воображением, восхищается отдельными подробностями или же следит за тем как разматывается клубок приключений. Вы перевоплощаетесь в персонажей, у вас такое чувство, точно это вы трепещете в их костюмах.

Эмма - Верно! Верно!..

Леон - Вам случалось находить в книге вашу собственную мысль, но только прежде не додуманную вами, какой-нибудь неясный образ, теперь как бы возвращающийся к вам издалека и удивительно полно выражающий тончайшие ваши ощущения?

Эмма - Я испытывала это...

Леон - Вот почему я особенно люблю поэтов. По-моему, стихи чувствительней прозы - они трогают до слез.

Эмма - Однако со временем утомляют... Напротив, теперь я пристрастилась к романам, к таким, от которых захватывает дух.

Ненавижу пошлых героев и сдержанность в проявлении чувств, - этого и в жизни довольно.

Леон - Я с вами согласен. На мой взгляд, если художественное произведение вас не волнует, значит, оно не достигает истинной цели искусства. Так отрадно бывает уйти от горестей жизни в мир благородных натур, возвышенных чувств, полюбоваться картинами счастья! Здесь, в глуши, это мое единственное развлечение. Да вот беда: в Ионвиле трудно доставать книги.

Эмма – Как и в Тосте, без сомнения... Поэтому я всегда брала книги в читальне.

Оме – Мадам окажет мне честь, если воспользуется моей библиотекой, составленной из лучших авторов: Вольтера, Руссо, Делиля, Вальтера Скотта, "Эха фельетонов" и так далее. Плюс к тому, я получаю периодические издания, в том числе ежедневную газету "Руанский светоч", - у меня есть преимущество быть ее корреспондентом и я сообщаю, что делается в Бюши, Форже, Невшателе, Ионвиле и его окрестностях.

Автор Общество сидело за столом уже два с половиной часа, так как служанка Артемиза, лениво шаркая по полу веревочными туфлями, приносила по одной тарелке, все забывала, путала, оставляла открытой дверь в бильярдной, и та беспрестанно ударялась щеколдой об стену.

Продолжая беседу, Леон машинально поставил ногу на перекладину стула мадам Бовари. На Эмме был синий шелковый галстучек, который держался прямо, стягивая гофрированный батистовый воротничок; когда Эмма поворачивала голову,

подбородок ее то весь уходил в батист, то снова появлялся. Так, пока Шарль и фармацевт толковали друг с другом, у Эммы и Леона завязалась беседа на общие темы, одна из тех бесед, в которых любая случайная фраза тяготеет, однако, к строго определенному центру, и этим центром является взаимная симпатия. Парижские спектакли, названия романов, новые кадрили, высший свет, о котором они, однако, и понятия не имели... Тост, где раньше жила она, Ионвиль, где они находились теперь, - все это уже обсудили, обо всем успели поговорить до конца обеда.

Когда подали кофе, служанка Фелисите ушла в новый дом стелить постели, а немного погодя обедавшие встали из-за стола. Г-жа Лефрансуа спала у истопленной печи, конюх с фонарем в руке ждал чету Бовари, чтобы проводить их домой. Он припадал на левую ногу, в его рыжих волосах торчала солома. Он захватил с собой зонт священника, и вся компания вышла на улицу.

Городок спал. От столбов крытого рынка ложились длинные тени. Земля была совершенно серая, как в летние ночи.

Дом врача стоял всего в полусотне шагов от трактира, поэтому очень скоро пришлось проститься, и спутники расстались.

Эмма В передней я тотчас же почувствовала, как холод свежей известки влажною простыней окутывает мне плечи. Стены были только что побелены, деревянные ступеньки скрипели. Голые окна спальни, расположенной во втором этаже, пропускали белесый свет. В окна заглядывали верхушки деревьев, а там дальше при лунном свете над рекой клубился туман, и в нем тонули луга.

Посреди комнаты были свалены в кучу ящики от комода, бутылки, пруты для занавесок, позолоченные карнизы, на стульях лежали перины, на полу стояли тазы, - носильщики, таскавшие вещи, сложили их как попало. Четвертый раз в жизни мне предстояло спать на новом месте. Первый раз это было, когда меня отдали в монастырскую школу, второй - когда я приехала в Гост, третий - ночь в Вобьесарском замке, четвертый - сегодня. И каждый раз это было началом новой фазы в моей жизни. Нет!.. В новой обстановке все не останется как было, на старом месте мне жилось плохо, а с наступлением иной полосы все у меня изменится к лучшему...

Наутро, проснувшись, я выглянула в окно - по площади шел помощник нотариуса. Я была в пеньюаре. Леон поднял голову и поклонился. Я ответила ему быстрым кивком и закрыла окно.

Леон Я целый день ждал шести часов вечера; когда же я вошел в трактир, то, кроме сидевшего за столом Бине, там никого не оказалось. Вчерашний обед явился для меня крупным событием; до этого мне еще не доводилось беседовать два часа подряд с дамой. Как же это я сумел сказать ей столько, да еще в таких выражениях? Прежде ведь я никогда так хорошо не говорил. Я был всегда робок и отличался той сдержанностью, которую питали во мне застенчивость и скрытность. Весь Ионвиль находил, что манеры мои «ком иль фо». Я терпеливо, выслушиваю разглагольствования людей в летах и равнодушен к политике, что у людей моего возраста встречается не часто. Я не без способностей: рисую акварелью, играю, правда одним пальцем,

на фортепьяно, после обеда люблю почитать, если только не предоставляется возможность поиграть в карты. Г-н Оме ценит во мне мои познания, г-же Оме нравится, что я такой обязательный, и точно: я часто гуляю в саду с детьми Оме, вечно перепачканными, дурно воспитанными и немного лимфатическими, как их мать, малышами.

Шарль Фармацевт оказался на редкость приятным соседом... Он дал мне все необходимые сведения о поставщиках, нарочно для меня вызвал торговца, у которого постоянно покупал сидр, сначала попробовал сам и даже не поленился слазить к соседям в погреб, посмотрел, так ли поставлена бочка; еще он сообщил, где можно доставать дешевое масло, и нанял нам в садовники пономаря Лестибудуа...

Автор Необыкновенная услужливость фармацевта объяснялась не только его любовью к ближним - тут был и особый расчет. Господин Оме нарушал статью 1-ю закона от 19 вентоза XI года Республики, воспрещавшую лечить больных всем, кто не имеет лекарского звания. Мэр его недолюбливал, коллеги завидовали, надо было быть на чеку. Обязать г-на Бовари своими любезностями значило заслужить его благодарность и замазать ему рот на тот случай, если он что-нибудь заметит. Вот почему г-н Оме каждое утро приносил лекарю "газетку", а днем часто забегал к нему "на минутку" потолковать.

Шарль Я приуныл: пациенты все не шли. По целым часам молча сидел я в ожидании, потом отправлялся спать к себе в кабинет или же наблюдал за тем, как вышивает моя жена. От скуки я сам к

себе нанялся в работники и, обнаружив, что маляры оставили немного краски, попытался выкрасить чердак. Но денежные дела продолжали меня беспокоить. Я массу истратил на ремонт в Тосте, на туалеты жены, на переезд, - словом, за два года просадил все приданое, то есть больше трех тысяч эку. А сколько вещей сломалось и потерялось при переезде из Тоста в Ионвиль!..

Но меня отвлекала более приятная забота - беременность жены. Чем ближе подходило время родов, тем нежнее я ее любил. Меня связывали с ней теперь еще одни узы физической близости, связывало гораздо более сложное и непреходящее чувство. Когда я видел издали ее медлительную походку, ее лениво колышущийся стан, не затянутый в корсет, когда мы сидели друг против друга и я впивался в нее глазами, а она принимала в кресле изнеженные позы, я вдруг вскакивал, обнимал ее, гладил ее лицо, называл мамочкой, тащил танцевать и, смеясь сквозь слезы, придумывал множество шуток. Мысль о том, что я зачал ребенка, приводила меня в восторг. Это был предел моих желаний. Я познал жизнь во всей ее полноте и теперь блаженствовал.

Эмма Сначала я была изумлена, потом мне захотелось как можно скорей разрешиться от бремени, чтобы наконец почувствовать, что же такое материнство. Но мне не хватало денег ни на колыбельку в виде лодочки с розовым шелковым пологом, ни на кружевные чепчики, и с досады я, ничего не выбрав, ни с кем не посоветовавшись, заказала все детское приданое здешней швее. Таким образом, я себя не порадовала теми

приготовлениями, которые подогревают материнскую нежность, и моя любовь к ребенку в самом начале была этим ущемлена... А Шарль постоянно говорил за столом о малютке, и немного погодя я тоже привыкла все время думать о нем. Мне хотелось сына. Это будет черноволосый крепыш, я назову его Жоржем. Мысль о мальчике давала мне надежду, что судьба вознаградит меня за несбывшиеся мечты. Мужчина, по крайней мере, свободен: ему доступны все страсти, все чужие края, он волен преодолевать препятствия, вкушать от трудно достижимых наслаждений. А женщине всюду помехи. Косная и вместе с тем гибкая по натуре, женщина находится между двух огней: между слабостью своей плоти и бременем закона. Ее воля, точно вуаль ее шляпки, держащаяся на шнурке, трепещет при малейшем дуновении ветра; ее вечно увлекает какая-нибудь прихоть и вечно сдерживает какая-нибудь условность...

Автор Эмма родила в воскресенье, около шеста, часов, на утренней заре.

Шарль - Это девочка!..

Автор Роженица отвернулась и потеряла сознание.

Почти тотчас же прибежала и расцеловала ее г-жа Оме, вслед за ней - тетушка Лефрансуа, хозяйка "Золотого льва". Фармацевт из деликатности ограничился тем, что, приотворив дверь, поздравил ее пока наскоро. Затем попросил показать ребенка и нашел, что девочка хорошо сложена.

Эмма Когда я начала поправляться, я усиленно занялась выбором имени для дочки. Сначала я перебрала все женские имена с

итальянскими окончаниями: Клара, Луиза, Аманда, Атала; мне нравилась Гальсуинда, но особенно - Изольда и Леокадия. Шарлю хотелось назвать дочку в честь матери, но я не соглашалась. Перечли календарь с первой до последней страницы, советовались с посторонними.

Оме - Недавно я беседовал с Леоном. Он удивляется, почему вы не дадите своей девочке имя Магдалины, - оно теперь в большой моде.

Эмма - Свекровь, услышав имя грешницы, решительно воспротивится.

Оме - Сам я предпочитаю имена, напоминающие о каком-нибудь великом человеке, славном подвиге или же благородной идее. Так, Наполеон представляет в моем семействе славу, Франклин - свободу; Ирма знаменует уступку романтизму, Аталия же являет собою дань непревзойденному шедевру французской сцены!..

Эмма Наконец я вспомнила, что в Вобьесарском замке маркиза назвала при мне одну молодую женщину Бертой; на этом я и остановилась, а так как мой отец не смог приехать, то в крестные отцы пригласили г-на Оме.

Автор После совершения обряда был устроен торжественный обед; на нем присутствовал и священник; после выпитого языки у всех развязались. За ликером г-н Оме затянул песню Беранже "Бог добрых людей", Леон спел баркаролу, старуха Бовари, крестная мать, спела романс времен Империи. В конце концов старик Бовари велел принести ребенка и принялся крестить его, поливая ему на головку шампанским из стакана. Аббат

Бурнизьен выразил свое возмущение этим издевательством над первым из таинств. Старик Бовари ответил ему цитатой из "Войны богов". Священник собрался уходить, дамы начали просить его остаться, Оме взял на себя роль миротворца, и священник, сев на свое место, как ни в чем не бывало поднес ко рту недопитую чашку кофе.

Шарль Отец прогостил в Ионвиле с месяц, и обыватели не могли надивиться его великолепной, военного образца, обшитой серебряным галуном фуражке, в которой он выходил по утрам на площадь выкурить трубку. Он был не дурак выпить и теперь часто посылал служанку в "Золотой лев" за бутылкой, которую там записывали на мой счет; на свои носовые платки он извел весь невесткин одеколон.

Эмма Но меня его общество не раздражало. Он много видел на своем веку, рассказывал мне о Берлине, о Вене, о Страсбурге, о своей службе в армии, о своих любовницах, о пирушках, которые он устраивал, а кроме того, он за мной ухаживал и даже иногда, на лестнице или в саду, обнимал за талию и кричал: «Берегись, Шарль!»

Автор В конце концов старуха Бовари, испугавшись за счастье сына, боясь, как бы ее супруг не оказал вредного влияния на нравственность молодой женщины, поспешила увезти его домой, Возможно, что ею руководили и более серьезные опасения. Для г-на Бовари не было ничего святого.

Эмма Однажды у меня явилась острая потребность повидать свою девочку, которую отдали, кормить жене столяра, и я, не

заглянув в календарь, прошли или не прошли положенные шесть недель, отправилась к Роле, жившим на окраине, под горой, между лугами и дорогой.

Был полдень; ставни всюду были закрыты, крыши блестели в резком свете синего неба, их гребни точно искрились. Дул жаркий ветер.

Я шла с трудом; мне больно было наступать на камни; я подумала, не вернуться ли мне, не зайти ли куда-нибудь посидеть.

В эту минуту из соседнего дома вышел Леон с кипой бумаг под мышкой.

Леон – Добрый день, мадам...

Эмма - Вот вышла навестить ребенка, но уже утомилась...

Леон - Если...

Эмма - Вы куда-нибудь по делу?

Леон – Нет, нет...

Эмма – Тогда проводите меня...

Автор К вечеру это стало известно всему Ионвиллю, и жена мэра, г-жа Тюваш, провозгласила в присутствии своей служанки, что "мадам Бовари себя компрометирует".

Эмма Чтобы попасть к кормилице, надо было, пройдя улицу до конца, свернуть налево, по направлению к кладбищу, и идти между двумя рядами домишек и двориков, по тропинке, обсаженной кустами бирючины. Бирючина цвела; цвели и вероника, и шиповник, и крапива, и гибкая ежевика, тянувшаяся вверх. Сквозь лазейки в изгородях видно было, как возле "хибарок" роются в навозе свиньи, а привязанные коровы трутся рогами о

деревья. Мы медленно шли рядом, я опиралась на руку Леона, а он приноравливался к моему шагу.

Леон Перед нами в знойном воздухе кружилась, жужжа, мошкара... Лачугу кормилицы затенял старый орешник - по этой примете мы и узнали ее. **Эмма** Лачужка была низенькая, крытая коричневой черепицей; под слуховым окном висела связка лука. Вязанки хвороста, прислоненные стоймя к терновой изгороди, тянулись вокруг грядки латука и маленьких клумбочек лаванды и душистого горошка, обвивавшего подпорки. По траве растеклась грязная вода, на изгороди было развешано разное старье, чулки, красная ситцевая кофта, большая, грубого полотна, простыня. На стук калитки вышла кормилица с грудным ребенком, на руке.

Леон Другой рукой она вела жалкого, хилого золотушного малыша, сына руанского шапочника, которого родители, люди занятые, отправили подышать деревенским воздухом.

Кормилица - Пожалуйте, ваша малютка спит...

Эмма В единственной комнате у задней стены стояла широкая кровать без полога, а под разбитым окном, заклеенным синей бумагой, - квашня. В углу за дверью, под умывальником, были выстроены в ряд башмаки, подбитые блестящими гвоздями, и тут же стояла бутылка с маслом, из которой торчало перышко. Наконец, последнее украшение этого жилища составляла прибитая к стене шестью сапожными гвоздями трубящая Слава, вырезанная, вероятно, из какой-нибудь парфюмерной рекламы. Моя девочка спала в стоявшей прямо на полу люльке,

сплетенной из ракушечных прутьев. Я взяла ее на руки и, баюкая, стала напевать.

Леон Я прохаживался по комнате; мне как-то дико было видеть эту красивую женщину в нарядном платье среди такой нищеты. Г-жа Бовари покраснела; решив, что смотреть на нее сейчас не деликатно, я отвернулся. Девочка срыгнула ей на воротничок, и она положила ее опять в колыбельку.

Кормилица – Дайте-ка вытру... Не беспокойтесь, пятна не останутся. Меня она еще и не так отделяет!.. Только успевай обмывать ее! Будьте настолько любезны, скажите лавочнику Камю, чтоб он мне мыльца отпускал, когда понадобится! Так и вам будет удобней - я уж вас не побеспокою.

Эмма - Хорошо, хорошо!.. До свидания, тетюшка Роле!

Кормилица – Я провожу вас... *(выходят на двор)* Как же трудно мне вставать по ночам. Иной раз до того умаюсь - сижу на стуле и клюю носом. Дали бы вы мне хоть фунтик молотого кофе - мне бы на месяц хватило, я бы его утром с молоком пила.

Эмма – Я обязательно пришлю.

Кормилица – Благодарю вас, мадам!.. Дай Бог вам здоровья!..

Эмма Мне пришлось долго слушать, как та рассыпается в благодарностях; наконец я с ней распростилась, но не успела пройти немного вперед по тропинке, как стук деревянных башмаков заставил меня оглянуться...

- Что еще?

Кормилица – Заработка моего мужа и тех шести франков в год, которые капитан...

Эмма - Говорите короче.

Кормилица - Так вот, что, если ему станет завидно смотреть, как я пью кофе? Сами знаете, эти мужчины...

Эмма - Да ведь у вас будет кофе, я же вам обещала!.. Вы мне надоели!

Кормилица - Ах, милая барыня, у него от ран такие сильные спазмы бывают в груди! Он говорит, что даже от сидра слабеет.

Эмма - Тетушка Роле, не тяните!

Кормилица - Ну да уж что там, вы уж меня извините за мою назойливость... Будьте такая добренькая, графинчик бы водочки... Я бы вашей доченьке ножки растирала, а они у нее нежные-пренежные, что твой атлас!

Эмма Отделавшись от кормилицы, я опять оперлась на руку Леона. Некоторое время я шла быстро, потом замедлила шаг, и мой взгляд остановился на плече этого юноши и на черном бархатном воротнике его сюртука. На воротник падали гладкие, тщательно расчесанные темно-русые волосы. Я заметила, что таких длинных ногтей, как у Леона, нет ни у кого во всем Ионвиле...

Леон Уход за ними составлял для меня предмет неустанных забот; с этой целью я держал в своем письменном столе особый ножичек.

Автор В Ионвиль они возвращались вдоль реки. В жаркую погоду побережье расширялось, стены, которыми были обнесены сады, обнажались, до самого основания, от садов к воде вели небольшие лесенки. Река, быстрая и на вид холодная, текла бесшумно. В ясных ее водах по воле течения склонялись высокие тонкие травы, напоминая взъерошенные зеленые кудри.

Молодая женщина и ее спутник слышали только свои мерные шаги по тропинке, слова, которыми они обменивались, да шелест платья, струившийся вокруг Эммы.

Эмма Я мимоходом задевала цветы краем своего раскрытого зонтика, и от этого прикосновения увядшие лепестки рассыпались желтой пылью, а то вдруг веточка жимолости или ломоноса, свесившаяся через стену и нечаянно сбита зонтом, цеплялась за бахрому, а потом скользила по его шелку.

Леон – Вы слышали, испанская балетная труппа должна скоро приехать в Руан.

Эмма - Вы пойдете?

Леон - Если удастся...

Эмма Неужели нам больше нечего сказать друг другу? Нет, наши глаза говорят о чем-то гораздо более важном. Подыскивая банальные фразы, мы оба чувствуем, как все наше существо охватывает томление. Это - шепот души - сокровенный, немолчный, заглушающий голоса. Потрясенные этим новым для нас наслаждением, мы не пытаемся поведать о нем друг другу, уяснить себе, где его источник. Грядущее счастье, словно река в тропиках, еще издали наполняет неоглядные просторы тою негой, какой оно дышит всегда, еще издали повеваает благоуханным ветром, и человек, упоенный, погружается в забытие, не заглядывая в даль и даже не помышляя о ней.

Леон В одном месте стадо так растолкло землю, что пришлось перебираться по большим зеленым камням, кое-где торчавшим из грязи.

Эмма Я поминутно останавливалась, смотрела, куда бы мне поставить ногу, и, покачиваясь на шатающемся булыжнике, расставив локти, подавшись всем корпусом вперед, растерянно оглядывалась: как бы не упасть в лужу... *Эмма заливается смехом*

Автор Дойдя до своего сада, г-жа Бовари толкнула калитку, взбежала на крыльцо и скрылась за дверью. Леон вернулся в контору. Патрона не было. Леон окинул взглядом папки с делами, очинил перо, взял шляпу и ушел.

Он взобрался на вершину Аргейльского холма и, очутившись на выгоне, у опушки леса, лег в тени елей и стал смотреть из-под руки на небо.

Леон - Какая скука! Какая скука!.. Как опостылела жизнь в этой деревне, где единственный мой приятель, за неимением других, фармацевт Оме, а наставник - нотариус Гильомен. Нотариус, вечно занят делами, носит очки с золотыми дужками и белый галстук, оттеняющий его рыжие бакенбарды, и ничего не понимает в сложных переживаниях души. Что же касается аптекарши, то это лучшая жена во всей Нормандии; кроткая, как овечка, она обожает своих детей, отца, мать, всю свою родню, близко принимает к сердцу чужие беды, хозяйство же ведёт спустя рукава и ненавидит корсеты. Она до того неповоротлива, до того скучна, до того бесцветна, такая неинтересная собеседница, что хотя ей и минуло всего лишь тридцать лет, а мне - двадцать, хотя наши спальни находятся «дверь в дверь» и разговариваем мы друг с другом ежедневно, я никогда не думал о ней как о женщине, все признаки ее пола заключаются для меня только в её одежде...

Кто же еще? Лавочники, кабатчики, священник и, наконец, мэр, г-н Тюващ, и два его сына; все это скопидомы, нелюдимы, тугодумы, землю они обрабатывают своими руками, пьянствуют только у себя дома, а на людях эти отвратительные ханжи прикидываются святыми.

И на фоне всех этих пошлых лиц отчетливо вырисовывается облик Эммы, такой своеобразный и все же такой далекий... Да. Между мной и ею лежит пропасть...

Автор На первых порах Леон часто навещался к ней вместе с фармацевтом. Шарль особого радушия не проявлял, и он не знал, как себя держать.

Леон Я боялся показаться навязчивым и вместе с тем стремился к близости, которая мне же самому представлялась чем-то почти несбыточным.

.....

Эмма Как только настали холода, я перебралась из своей спальни в длинную, с низким потолком, залу, где на камине подле зеркала раскинул свои ветви коралловый полип. Из окна, у которого я обычно сидела в кресле, мне были видны шедшие по тротуару обыватели.

Два раза в день из конторы в "Золотой лев" проходил Леон. Шаги его я узнавала задолго до того, как он появлялся; я подавалась вперед и слушала; молодой человек, одетый всегда одинаково, не оборачиваясь, мелькал за занавеской. Но когда я здесь сумерничала, опершись подбородком на левую ладонь и уронив

на колени начатое вышиванье, меня часто заставляла вздрагивать эта вдруг промелькнувшая тень. Я вставала и приказывала накрывать на стол.

Автор Во время обеда приходил г-н Оме. Держа феску в руке, он ступал неслышно, чтобы никого не побеспокоить, и всегда говорил одно и то же: "Мир дому сему!" Потом садился за стол на свое обычное место, между супругами, и спрашивал лекаря, как его больные, а тот советовался с ним относительно гонораров. *(на втором плане - разговор Оме и Шарля)* Говорили о том, "что пишут в газетах". К этому времени Оме успевал выучить газету почти наизусть и пересказывал ее теперь слово в слово, вместе с комментариями журналистов, не опуская ни одной скандальной истории, где бы она ни случилась: во Франции или за границей. Исчерпав и эту тему, он всякий раз делал свои замечания по поводу приносимых блюд. Иногда он даже привставал и деликатно указывал хозяйке наиболее лакомый кусочек или же, обращаясь к служанке, давал ей советы, как надо готовить рагу и какая приправа к какому блюду идет. Об ароматических веществах, о мясных вытяжках, соусах и желатине он говорил так, что его можно было заслушаться. Надо заметить, что г-н Оме держал в голове больше рецептов, чем в его аптеке умещалось склянок...

Оме - Я сам великолепно варю варенье, делю уксус, сладкие ликеры, знаю все нововведения в области экономных переносных плит, знаю секрет хранения сыра и выхаживания больных вин...

Автор В восемь часов за ним приходил Жюстен - пора было закрывать аптеку. Г-н Оме лукаво поглядывал на него, особенно

если тут была Фелисите, - он заметил, что его ученик повадился в докторский дом.

Оме - Мой паренёк начал что-то задумывать... Я полагаю, черт меня побери, что он влюбился в вашу служанку!..

Автор На воскресных вечеринках у фармацевта народу бывало немного, - злой язык хозяина и его политические взгляды мало-помалу оттолкнули от него людей почтенных. Зато помощник нотариуса не пропускал ни одной вечеринки. Заслышав звонок, он бросался встречать мадам Бовари, принимал ее шаль, а грубые калоши, которые она надевала на ботинки для защиты от снега, отставлял в сторону, под аптекарскую конторку.

Эмма Сначала играли в тридцать одно, потом г-н Оме играл со мной в экарте, а Леон, стоя сзади, давал мне советы.

Автор Опираясь на спинку стула, он смотрел на гребень, впившийся зубьями в её причёску...

Леон Когда Эмма сбрасывала карты, на груди у нее всякий раз приподнималось с правой стороны платье. От зачесанных кверху волос ложился на спину коричневый отблеск и, постепенно бледнея, в конце концов сливался с полумраком. Внизу платье Эммы, пузырясь, морщась бесчисленными складками, свешивалось по обеим сторонам стула и ниспадало до полу...

Автор Нечаянно дотронувшись до него ботинком, Леон с таким испуганным видом отшатывался, словно наступил кому-нибудь на ногу.

Эмма После карт аптекарь с врачом сражались в домино, Эмма пересаживалась и, облокотившись на стол, перелистывала

"Иллюстрацию". Она приносила с собою журнал мод. Леон подсаживался к ней; они вместе смотрели картинки и ждали друг друга, чтобы перевернуть страницу.

Эмма Я часто просила его почитать стихи; Леон декламировал нараспев и нарочно делал паузы после строк, в которых говорилось о любви.

Леон Но меня раздражал стук костяшек домино.

Автор Г-н Оме был сильный игрок и всегда обыгрывал Шарля на дубль-шесть. Дойдя до трехсот, оба разваливались в креслах у камина и очень скоро засыпали...

Эмма Огонь дотлевал; в чайнике было пусто; Леон все читал. Я, слушая его, машинально вертела газовый абажур, на котором были нарисованы Пьеро и плясуньи на канате с балансирами в руках...

Автор Леон указывал Эмме на заснувших и переставал читать; тогда они начинали говорить шепотом; и эта беседа казалась им еще приятнее, оттого что их никто не слышал...

Эмма Мы заключили между собой нечто вроде соглашения, предусматривавшего постоянный обмен книгами и романсами. Шарль не был ревнив, и это его не задевало. На свои именины он получил в подарок прекрасную френологическую голову, выкрашенную в синий цвет и покрытую цифрами до самой шеи. Это был знак внимания со стороны Леона.

Леон Я вообще был внимателен к лекарю и даже исполнял его поручения в Руане. А когда один нашумевший роман ввел в моду кактусы, я стал покупать их для мадам Бовари и привозил в

"Ласточке"; всю дорогу держал их на коленях и постоянно укалывался колючками.

Эмма Я велела приделать у себя под окошком полочку с решеткой, чтобы было куда ставить горшки с цветами. Леон тоже устроил у себя подвесной садик. Ухаживая за цветами, мы видели друг друга в окно.

Леон Как-то вечером, вернувшись домой, я увидел у себя в комнате коврик из бархата и шерсти, расшитый листьями по палевому полю. Я позвал г-жу Оме, г-на Оме, Жюстена, детей, кухарку, рассказал об этом патрону. Всем хотелось поглядеть на коврик.

Оме (с иронией) - С чего это жена лекаря "расточает дары"? Это кажется подозрительным, уж не влюблена ли она?..

Леон Я ломал себе голову, как объясниться Эмме в любви. Я боялся оттолкнуть ее от себя; с другой стороны, мне было стыдно за свою трусость, и от полноты чувств и от сознания своей беспомощности на глазах у меня выступали слезы. Я принимал твердые решения, писал письма и тут же их рвал, назначал себе сроки, а потом отодвигал их. Я часто шел к ней, готовый как будто бы на все, но в ее присутствии мужество покидало меня, и когда Шарль, войдя, предлагал мне прокатиться в шарабанчике в одну из окрестных деревень, где надо было навестить больного, я немедленно соглашался, прощался с хозяйкой и уходил. Я утешал себя тем, что в муже есть что-то от нее самой.

Эмма Да, он очарователен! Очарователен!.. Не влюблен ли он? В кого же?.. Да в меня!.. Ах, если б это сбылось! А почему бы и

нет? Кто может этому помешать?.. Шарль вернулся в полночь, и я сделала вид, что только сейчас проснулась; когда же он, раздеваясь, чем-то стукнул, я пожаловалась на головную боль...

Эмма (*безучастным тоном*) - Как прошел вечер?

Шарль - Леон заходил ненадолго...

Эмма Я не могла сдержать улыбку и, отдавшись во власть нового очарования, уснула.

Автор На другой день, когда уже смерклось, к ней пришел торговец модными товарами г-н Лере. Ловкий человек был этот купец...

Лере - Мадам!.. Как жаль, что до сих пор я не заслужил вашего доверия!... И то сказать: чем же моя жалкая лавчонка может привлечь такую элегантную даму? А между тем стоит вам только приказать, и я достану для вас все, что угодно: и белье, и чулки, галантерейные, и модные товары - ведь я непременно каждую неделю езжу в город. У меня дела с лучшими торговыми домами. Можете спросить про меня в "Трех братьях", в "Золотой бороде", в "Долговязом дикаре" - хозяева знают меня как свои пять пальцев! Так вот, нынче я хотел показать, между прочим, мадам некоторые вещицы, которые попали ко мне по счастливой случайности... Вот чудесные вышитые воротнички...

Эмма – Мне ничего этого не нужно...

Автор Тогда г-н Лере бережно вынул три алжирских шарфа, несколько коробок английских булавок, соломенные туфли и, наконец, четыре рюмки для яиц, выточенные каторжниками из скорлупы кокосового ореха. Опершись обеими руками на стол,

вытянув шею, подавшись всем корпусом вперед, он жадно следил за выражением лица Эммы, растерянно перебегавшей глазами с предмета на предмет. Время от времени г-н Лере, будто бы снимая пылинку, проводил ногтем по разостланному во всю длину шелковому шарфу, и шелк, чуть слышно шурша, трепетал, а золотые блески ткани мерцали звездочками в зеленоватом свете сумерек.

Эмма - Что это стоит?

Лере - Пустяки, сущие пустяки, да и дело-то не к спеху. Когда вам будет угодно. Мы ведь с вами не жиды!

Эмма – Нет... нет, благодарю вас. Не нужно...

Лере - Ну, хорошо, после столкуемся. Я со всеми дамами лажу, кроме собственной жены!.. Это я вот к чему... Я о деньгах не беспокоюсь... Денег я и сам мог бы вам дать, когда нужно...

Эмма – Да что вы?..

Лере (*понижив голос*) - Да, да!.. Я бы вам их мигом раздобыл. Можете на меня рассчитывать!.. Как здоровье папаши Телье, которого лечит ваш муж? Что это с ним?.. Он кашляет так, что весь дом трясется. Боюсь, как бы вместо фланелевой фуфайки ему не понадобилось еловое пальто. В молодости он любил кутнуть! Такие люди, как он, сударыня, ни в чем меры не знают! Он сгорел от водки. А все-таки грустно, когда старый знакомый отправляется на тот свет... Да!.. Много пациентов у мсье Шарля... Впрочем, Все эти заболевания от погоды! Мне тоже что-то не по себе. Надо будет зайти на днях посоветоваться с доктором - спина

очень болит. Что ж, до свидания, госпожа Бовари! Всегда к вашим услугам! Низжайшее почтение...

(с этими словами он тихонько затворил за собою дверь)

Эмма Я велела подать обед ко мне в комнату и села поближе к огню; ела я медленно; все казалось мне вкусным...

"Как умно я поступила с этим торгашом!"

Автор На лестнице слышались шаги: это был Леон. Эмма встала и взяла с комода из стопки первое попавшееся неподрубленное полотенце для вышивания. Когда Леон вошел, у нее был в высшей степени деловой вид...

Леон Разговор не клеился. Эмма поминутно прерывала меня, я тоже как будто чувствовал себя крайне неловко. Я сидел на низеньком стуле у камина и вертел в руке футлярчик из слоновой кости; Эмма вышивала и время от времени расправляла ногтем рубцы. Она не говорила ни слова; я, замороженный ее молчанием, как прежде ее разговором, также был нем...

Эмма – *(про себя)* - Бедный мальчик!..

Леон - Чем я ей не угодил?.. *(вслух)* На днях мне придется по делам нотариальной конторы съездить в Руан... Ваш нотный абонемент кончился. Возобновить его?

Эмма - Нет...

Леон - Почему?

Эмма - Потому что...

Леон Поджав губы, она медленно вытянула длинную серую нитку. Это её занятие раздражало меня. Мне казалось, что она все время колет себе пальцы.

- Так вы больше не будете?..

Эмма (*живо*) - Что?.. Музицировать? Ах, Боже мой когда же? Надо хозяйство вести, о муже заботиться - словом, у меня много всяких обязанностей, масса куда более важных дел!.. Шарль запаздывает... Я беспокоюсь... Он такой добрый!.. Такой добрый...

Леон – Да!.. Все от него в восторге, особенно фармацевт Оме...

Эмма - Да, он очень хороший человек!..

Леон – Бесспорно... Но г-жа Оме одевается слишком неряшливо и до смешного просто...

Эмма - Ну и что ж такого? Хорошая мать семейства о своих туалетах не заботится...

Леон С этого дня так и пошло. Ее слова, поведение - все изменилось. Она вся ушла в хозяйство, постоянно бывала в церкви, приструнила служанку. Берту она взяла домой. Когда приходили гости, Фелисите приносила ее, и Эмма раздевала девочку и показывала, какое у нее тельце...

Эмма – Ах!.. Я обожаю детей...

Шарль Когда я приходил домой, мне всегда теперь грелись подле истопленного камина туфли. У всех моих жилетов была теперь подкладка, на сорочках все до одной пуговицы были пришиты, ночные колпаки, ровными стопками разложенные в бельевом шкафу, радовали глаз. Когда мы гуляли по саду, Эмма уже не хмурилась, как прежде; что бы я ни предложил, она со всем соглашалась, всему подчинялась безропотно, не рассуждая...

Леон И когда Шарль, покрасневшийся после сытного обеда, сидел у камелька, сложив руки на животе, поставив ноги на

решетку, и глаза у него были масляные от испытываемого им блаженного состояния, когда девочка ползала по ковру, а эта женщина с гибким станом перевешивалась через спинку кресла и целовала мужа в лоб, я невольно думал:

"Что за глупая страсть! Ну как тут к ней подступиться?"

подавив в себе желания, я вознес ее на небывалую высоту. Чисто женские свойства отсутствовали в том образе, который я себе создал, - они уже не имели для меня никакой цены. В моем представлении она все больше и больше отрывалась от земли и, точно в апофеозе, с божественной легкостью уносилась в вышину. Я любил ее чистой любовью...

Автор - Такая любовь не мешает заниматься делом, ее лелеют, потому что она не часто встречается в жизни, но радости этой любви перевешивает горе, которое она причиняет в конце...

Автор Эмма похудела, щеки её побледнели, фигура удлинилась. Казалось, эта всегда теперь молчаливая женщина, с летящей походкой, с черными волосами, большими глазами и прямым носом, идет по жизни, едва касаясь ее, и несет на своем челе неясную печать какого-то высокого жребия. Она была очень печальна и очень тиха, очень нежна и в то же время очень сдержанна, в ее обаянии было что-то леденящее, бросавшее в дрожь, - так вздрагивают в церкви от благоухания цветов, смешанного с холодом мрамора. Никто не мог устоять против ее чар...

Оме – Эта женщина с большими способностями, - ей бы в субпрефектуре служить.

Вдова – Как она учтива и, вместе с тем, расчетлива... Сердечная моя!..

Эмма А между тем я была полна вожделений, ненависти и ярости. Под моим платьем учащенно билось наболевшее сердце, но мои стыдливые уста не выдавали мук. Я была влюблена в Леона, но я искала уединения, чтобы, рисуя себе его образ, насладиться им без помех. При виде его кончалась нега этого созерцания. Заслышав его шаги, я вздрагивала, при встрече с ним моё волнение утихало и оставалось лишь состояние безмерного изумления, которое постепенно вытесняла грусть.

Автор Когда Леон, в полном отчаянии, уходил от нее, он не подозревал, что она сейчас же вставала и смотрела в окно, как он идет по улице.

Эмма Меня волновала его походка, я следила за сменой выражений на его лице; я придумывала целые истории только для того, чтобы под благовидным предлогом зайти к нему в комнату...

Автор Но чем яснее становилось Эмме, что она любит, тем настойчивее пыталась она загнать свое чувство внутрь, чтобы оно ничем себя не обнаружило, чтобы уменьшить его силу...

Эмма - Я была желала, чтобы Леон догадался сам. Мне приходили в голову разные стечения обстоятельств, катастрофы, которые могли бы облегчить наше сближение. Удерживала меня, конечно, медлительность, а кроме того, страх. Мне казалось, что я его слишком резко оттолкнула, что теперь уже поздно, что все кончено... Я целомудренна!..

Автор Радостно, придав своему лицу выражение покорности, посмотреть на себя в зеркало. Это отчасти вознаграждало ее за принесенную, как ей казалось, жертву.

Веление плоти, жажда денег, томление страсти - все слилось у нее в одно мучительное чувство. Она уже не могла не думать о нем - мысль ее беспрестанно к нему возвращалась, она бередила свою рану, всюду находила для этого повод. Ее раздражали неаккуратно поданное блюдо, неплотно запертая дверь, она страдала, оттого что у нее нет бархата, оттого что она несчастна, от несбыточности своих мечтаний, оттого что дома у нее тесно.

Эмма Шарль, видимо, не догадывался о моей душевной пытке, и это приводило меня в бешенство. Он был убежден, что создал для меня счастливую жизнь, а мне эта его уверенность казалась обидной нелепостью, я расценивала ее как проявление черствости. Ради кого я была так благоразумна? Не он ли был мне вечной помехой на пути к счастью, причиной всех моих неприятностей, острым шпеньком на пряжке туго стягивавшего ремня?

Автор В конце концов она на него одного перенесла ту ненависть, которая накапливалась у нее в душе от многообразных огорчений, и малейшая попытка смягчить это чувство только обостряла его, оттого что бесплодное усилие становилось лишней причиной для отчаяния и еще больше способствовало отчужденности. Собственная кротость возмущала ее. Серость быта вызывала мечты о роскоши, ласки супруга - жажду измены.

Эмма Мне хотелось, чтобы Шарль побил меня, - тогда бы у меня

было еще больше оснований ненавидеть его и мстить. Порой меня самую пугали те страшные мысли, что приходили на ум. А между тем надо было продолжать улыбаться, выслушивать рассуждения о том, как я счастлива, делать вид, что так оно и есть на самом деле, оставлять в этом заблуждении других! Лицемерие это претило. Меня одолевал соблазн бежать с Леоном - все равно куда, только как можно дальше, и там начать новую жизнь, но в душе тотчас разверзалась мрачная бездна...

- Впрочем он меня больше не любит... Что же делать? От кого ждать помощи, участия, утешения?.. *(плачет)*

Фелисите - Почему же вы не скажете месье?

Эмма - Это нервы... Не говори ему, ты его огорчишь.

Фелисите - Ну да, у вас то же самое, что у дочки дядюшки Герена, рыбака из Боле. Я с ней познакомилась в Дьеппе еще до того как поступила к вам. Она всегда была такая грустная, такая грустная! Станет на пороге - ну прямо черное сукно, что вешают у входа в день похорон. Это у нее, знать, такая болезнь была - что-то вроде тумана в голове, и никто ничего не мог поделать, ни доктора, ни священник. Когда уж очень лихо ей приходилось, она убегала к морю, там ее часто видел при обходе таможенный досмотрщик: лежит ничком на гальке и плачет. Говорят, после свадьбы это у нее прошло.

Эмма - А у меня это началось после свадьбы...

(завонил к вечерне колокол)

Эмма Это было в начале апреля, когда расцветают примулы...

Под этот мерный звон я унеслась мыслью в давние воспоминания юности и пансиона. Мне припомнились высокие светильники на престоле, возвышавшиеся над цветочными вазами и дарохранильницей с колонками. Мне хотелось замешаться, как прежде, в длинный ряд белых косынок, кое-где оттенявшихся черными, стоявшими колом капюшонами монахинь, которые преклоняли колена на скамеечки. За воскресной литургией я поднимала глаза от молитвенника и меж сизых клубов ладана, возносившихся к куполу, видела кроткий лик девы Марии. На мою душу снизошло умиление. Я вдруг почувствовала, что слаба и беспомощна, как пушинка, которую кружит вихрь. И, не рассуждая, направилась к церкви, - я готова была дать любой обет, лишь бы на его исполнение ушли все мои душевные силы, лишь бы он поглотил меня всю без остатка...

(рядом с церковью, на кладбище играют мальчишки)

Эмма - Где кюре?

Мальчишка - Сейчас придет.

Священник *(выйдя из дома)* - Вот шалопаи!.. Всегда одно и то же!

Кто уронил катехизис?.. Ничего для вас нет святого! *(увидев Эмму)*

Извините, я вас не узнал. Как вы себя чувствуете?

Эмма - Плохо... Я страдаю.

Священник - Вот и я тоже! Первые дни жары невероятно расслабляют, правда? Ну да что же вы хотите! Мы рождены для того, чтобы страдать, - так нас учит апостол Павел. А как смотрит на ваше самочувствие господин Бовари?

Эмма *(с легким презрением)* - Он!..

Священник - Как?! Он вам ничего не прописывает?

Эмма - Ах, нет на свете лекарства, что вылечило меня! Я хотела бы знать...

Священник (*в сторону мальчишек*) - Погоди, погоди, Развратэ! Я тебе уши нарву, сорванец!.. Это сын плотника Вратэ. Родители у него зажиточные, вот они его и балуют. А так малый способный, был бы хорошим учеником, если б не лень. Я иногда в шутку называю его Развратэ, Ха-ха-ха! Вечно он что-нибудь наблудит, напроказит... Недавно я рассказал про это владыке, так он посмеялся... изволил смеяться... Ну, а как господин Бовари поживает?.. Наверно, как всегда, в трудах! Мы ведь с ним самые занятые люди во всем приходе. Но только он врачует тело, а я - душу! Ха-ха-ха...

Эмма (*умоляюще*) - Да... Вы утешаете во всех скорбях.

Священник - Ах, и не говорите, мадам Бовари! Не далее как сегодня утром мне пришлось идти в Ба-Дьовиль из-за коровы: ее раздуло, а они думают, что это от порчи. Нынче с этими коровами прямо беда... Виноват! Одну минутку! Лонгмар и Вратэ! Да перестанете вы или нет, чучела набитые?

Автор Священник устремился в церковь. Ребята в это время толклись вокруг высокого анаоя, влезали на скамеечку псаломщика, открывали служебник; другие крадучись уже подбирались к исповедальне. Неожиданно на них посыпался град оплеух. Священнослужитель хватал их за шиворот, отрывал от пола, а потом с такой силой ставил на колени, точно хотел вбить в каменный пол.

Священник (*возвращаясь*) - Да, так вот... Земледельцам есть на что пожаловаться.

Эмма – Есть и другие...

Священник - Совершенно справедливо! Взять хотя бы рабочих в городах.

Эмма – Не только они...

Священник - Простите, мне эта среда знакома! И я знаю случаи, когда у несчастных матерей, добродетельных, воистину святых женщин, не было подчас куска хлеба.

Эмма (*дрогнувшим голосом*) - Но те, месье кюре, те, у кого есть хлеб, но нет...

Священник - Дров на зиму?

Эмма – Ах, что за важность!

Священник – Как?! «Что за важность?» По-моему, если человек живет в тепле, в сытости... ведь в конце-то концов...

Эмма - Боже мой! Боже мой!..

Священник - Вы в замешательстве? Наверно, желудок не в порядке? Идите-ка домой, госпожа Бовари, выпейте чайку для бодрости или же холодной воды с сахаром.

Эмма - Зачем?..

Священник - Вы держитесь за голову. Я и подумал, что вам нехорошо. Ах да, вы хотели меня о чем-то спросить. Что такое? Я не знаю...

Эмма - Спросить? Нет, ничего... ничего...

Священник - В таком случае, госпожа Бовари, извините, долг, знаете ли, прежде всего. Мне пора заняться с моими шалопаями.

Скоро день их первого причастия. Боюсь, как бы они меня не подвели! Поэтому с самого Вознесения я регулярно каждую среду задерживаю их на час.

Ох, уж эти бедные дети! Надо как можно скорее направить их на путь спасения, как то заповедал нам сам Господь устами божественного своего сына. Доброго вам здоровья, мадам! Кланяйтесь, пожалуйста, вашему супругу!

(он вошел в церковь; голоса раздаются оттуда)

Священник - Ты христианин?

Мальчишка - Да, я христианин.

Священник - Кто есть христианин?

Мальчишка - Христианин есть тот, кто принял таинство крещения... *(голоса мальчишек вторят)* крещения... крещения...

Автор Держась за перила, Эмма поднялась на крыльцо и, как только вошла к себе в комнату, опустилась в кресло. В окна струился мягкий белесоватый свет. Все предметы стояли на своих местах и казались неподвижной обычной, - они словно тонули в океане сумерек. Камин погас, маятник стучал себе и стучал...

Эмма - Как все эти вещи могут быть так спокойны, когда в душе у меня так смутно...

Автор Между окном и рабочим столиком топала в вязаных башмачках маленькая Берта; она пыталась подойти к матери и уцепиться за завязки ее передника.

Эмма – Оставь!..

Автор Немного погодя девочка еще ближе подошла к ее коленям. Упершись в них ручонками, она подняла на мать большие голубые

глаза; изо рта у нее на шелковый передник Эммы стекала прозрачная струйка слюны.

Эмма – Оставь меня!!!

(девочка расплакалась)

Эмма *(толкнув девочку)* - Да оставишь ты меня, наконец?..

Автор Берта упала около самого комода и ударилась о медное украшение; она разрезала себе щеку, показалась кровь...

Эмма *(звоня в колокольчик)* – Фелисите!.. Фелисите!..

Шарль *(вбегая)* Что случилось?.. Что?..

Эмма *(спокойно)* - Посмотри, дорогой, девочка упала и поранила себе щечку...

Шарль - Ничего опасного нет... *(уходя)* Я сейчас принесу пластырь.

Эмма Я не вышла в столовую - мне хотелось остаться и поухаживать за ребенком. Я смотрела на уснувшую Берту и последние остатки моей тревоги мало-помалу рассеялись, и я подумала, что очень глупа и очень добра, иначе бы не стала расстраиваться по пустякам...

Автор В самом деле, Берта уже не всхлипывала. Бумажное одеяльце чуть заметно шевелилось теперь от ее дыхания. В углах полузакрытых ввалившихся глаз стояли крупные слезы; меж ресниц видны были матовые белки; липкий пластырь натягивал кожу поперек щеки.

Эмма *(про себя)* – Какая странная вещь, как и сам этот безобразный ребенок!..

Шарль (*осторожно подходя*) - Уверяю тебя, что все пройдет!.. Не мучь себя, бедняжка, а то сама заболеешь!

Автор В тот вечер Шарль засиделся у аптекаря. Хотя он и не имел особенно расстроенного вида, все же г-н Оме старался ободрить его, "поднять его дух".

Оме – Не унывайте, Шарль!.. За детьми нужен глаз да глаз, а особенно за прислугой...

Г-жа Оме – О!.. Я знаю, как легкомысленны прислуги - на груди у меня так и остались следы от горящих углей, как-то упавших мне за фартук с совка, который держала кухарка...

Автор Вот почему нежные родители г-н и г-жа Оме были особенно осторожны. Ножи у них в доме никогда не точились, полы не натирались. Окна были закрыты железной решеткой, каминны ограждены решеточками из толстых прутьев. Дети Оме пользовались самостоятельностью, и тем не менее за каждым их шагом зорко следили; при малейшей простуде отец поил их микстурами от кашля, лет до пяти их заставляли носить стеганые шапочки.

Оме - Правда, это уже мания г-жи Оме... Я боюсь, как бы давление шапочек на мозг не повлияло на их умственные способности... Ты что же это, хочешь сделать из них карайбов или ботокудов из Южной Африки?

Г-жа Оме – А кто это такие?.. (*смех*)

Шарль (*шепотом*) – Леон, мне надо с вами поговорить...

Леон (*про себя*)- Неужели он что-то заподозрил?..

Шарль – У меня к вам просьба... Разузнайте в Руане, сколько может стоить хороший дагерротип.. Я хочу сделать жене сюрприз в знак особого внимания - сняться в черном фраке и преподнести ей свой портрет. Но только прежде надо бы прицениться... Я, однако, надеюсь, что это поручение не затруднит вас, - все равно вы почти каждую неделю ездите в город.

Автор Безответная любовь истомила Леона; к душевной усталости приметалось еще уныние, порожденное однообразием бесцельного, беспросветного существования. Ему до того опостытели Ионвиль и его обитатели, что он уже видеть не мог некоторых знакомых, некоторые дома. Фармацевта, несмотря на все его добродушие, он буквально не выносил. А между тем перемена обстановки не только прельщала, но и пугала его.

Впрочем, боязнь скоро уступила место нетерпению; Париж издалека манил его к себе музыкой на балах-маскарадах и смехом гризеток.

Леон - Ведь мне все равно необходимо закончить юридическое образование, - так что же я не еду? Кто мне мешает?..

Автор И он стал мысленно готовиться к отъезду. Он заблаговременно обдумал план занятий. Решил, как он обставит свою комнату...

Леон - Я буду вести артистический образ жизни! Буду учиться играть на гитаре! Заведу халат, баскский берет, голубые бархатные туфли! Повешу над камином две скрещенные рапиры, а над рапирами - гитару и череп...

Автор В течение месяца Ивер каждый день возил ему из Руана в Ионвиль сундуки, чемоданы, тюки, но, пополнив свой гардероб, перебив свои три кресла новой материей, накупив уйму кашне, словом, приготовившись так, как не готовятся и к кругосветному путешествию, Леон потом стал откладывать отъезд с недели на неделю - до тех пор, пока не пришло письмо от матери, в котором она торопила его, ссылаясь на то, что сам же он хотел сдать экзамены до каникул.

Когда настал час разлуки, г-жа Оме заплакала, Жюстен зарыдал; один лишь г-н Оме, будучи человеком мужественным, сдержался, - он только изъявил желание донести пальто своего друга до калитки нотариуса, который вызвался отвезти Леона в Руан в своем экипаже. Времени у Леона оставалось в обрез, только чтобы успеть проститься с г-ном Бовари.

Леон *(входит, запыхавшись)* - Это я!..

Эмма - Я была уверена!..

Леон - Вашего супруга нет дома?..

Эмма - Его нет... Нет.

Леон - Мне хочется поцеловать Берту...

Эмма - Фелисите, приведите Берту...

Автор Леон пробежал глазами по стенам, по этажеркам, по камину, точно хотел проникнуть всюду, все унести с собой. Служанка привела Берту, - девочка дергала веревку, к которой была вверх ногами привязана игрушечная ветряная мельница.

Леон *(целует девочку)* - Прощай, бедное дитя! Прощай, дорогая крошка, прощай!..

Эмма - Уведите ее, Фелисите...

Фелисите – Слушаюсь... *(уводит ребёнка)*

Эмма - Будет дождь...

Леон - У меня есть плащ...

Эмма - А!..

Леон – Ну что ж, прощайте!..

Эмма *(резко)* - Да, прощайте... Пора!

Леон Дойдя до крытого рынка, я спрятался за столб, чтобы в последний раз поглядеть на белый дом с четырьмя зелеными жалюзи. Мне показалось, что за окном, в комнате, мелькнула тень. Но тут вдруг занавеска как бы сама отцепилась и, медленно шевельнув своими длинными косыми складками, отчего они сразу разгладились, распрямилась и осталась неподвижной, точно каменная стена. Я бросился бежать.

Автор Он издали увидел на дороге кабриолет патрона; какой-то человек в холщовом фартуке держал лошадь под уздцы. Г-н Гильомен разговаривал с Оме. Леона ждали.

Оме *(со слезами)* - Давайте обнимемся... Вот ваше пальто, дорогой друг. Смотрите не простудитесь! Следите за собой! Берегите себя!

Нотариус - Ну, Леон, садитесь!

Оме - Счастливый путь!..

Нотариус - Будьте здоровы! Пошел!... *(уезжают)*

Эмма Я открыла окно в сад и стала смотреть на тучи...

Автор Скоплясь на западе, в стороне Руана, они быстро развертывали свои черные свитки, длинные лучи солнца пронзали

их, точно золотые стрелы висящего трофея, а чистая часть неба отливала фарфоровой белизной. Внезапно налетевший ветер пригнул тополя, и полил дождь; капли его зашуршали по зеленой листве. Потом опять выглянуло солнце, запели петухи, захлопали крылышками в мокрых кустах воробьи, по песку побежали ручейки, унося с собой розовые лепестки акации.

Эмма – Ах!..Он уж теперь, наверно, далеко!..

Автор В половине седьмого, во время обеда, пришел, как всегда, г-н Оме.

Оме - Что ж, проводили мы нашего молодого человека...

Шарль - Кажется так!.. А у вас что новенького?

Оме - Ничего особенного. Вот только жена моя сегодня расстроилась. Ох, уж эти женщины: любой пустяк может их взволновать. А про мою жену и говорить нечего! Тут уж ничего не поделаешь - нервная система у женщин гораздо чувствительней.

Шарль - Бедный Леон!.. Каково-то ему будет в Париже?..

Приживется ли он там?

Оме - Полноте!.. Пирушки у рестораторов! Маскарады!

Шампанское! Жизнь завертится и закружится, уверяю вас!

Шарль - Я не думаю, что он сойдёт с ума от этого...

Оме - Я тоже!.. Но ему нельзя будет отставать от других, иначе он прослышет ханжой. А вы не представляете себе, что вытворяют эти повесы в Латинском квартале со своими актрисами! Впрочем, к студентам в Париже относятся превосходно. Те из них, кто умеет хоть чем-нибудь развлечь общество, приняты в лучших

домах. В них даже влюбляются дамы из Сен-Жерменского предместья, и они потом очень удачно женятся.

Шарль - Но я боюсь... боюсь для него... что там...

Оме - Вы правы, это обратная сторона медали. Там надо ох как беречь карманы! Вот вы, предположим, гуляете в увеселительном саду. Появляется некто, хорошо одетый, даже с орденом, по виду - дипломат, подходит к вам, заговаривает, подлаживается, предлагает свою табакерку, поднимает шляпу. Вы уже подружились, он ведет вас в кафе, приглашает к себе в имение, за стаканом вина знакомит с разными людьми, и в семидесяти пяти случаях из ста все это только, для того, чтобы стянуть у вас кошелек или вовлечь в какое-нибудь разорительное предприятие.

Шарль - Это верно... Но я-то имел в виду главным образом всякие болезни - брюшной тиф, например, им часто болеют студенты, приехавшие из провинции...

Оме - Вследствие перемены режима, и вследствие потрясения, которое из-за этого переживает весь организм. А потом, знаете ли, парижская вода! Ресторанный стол! Вся эта острая пища в конце концов только горячит кровь. Что ни говорите, а хороший бульон куда полезнее! Я лично всегда предпочитал домашнюю кухню - это здоровее! Поэтому, когда я изучал в Руане фармацевтику, я был на полном пансионе, я столовался вместе с профессорами.

Жюстен – Пора делать гоголь-моголь, мсье...

Омен - Ни минуты покоя! Вечно на привязи! На один миг нельзя отлучиться! Трудись до кровавого пота, как рабочая лошадь! Хомут да и только! *(на пороге)* Да, знаете новость?

Шарль - Какую?

Оме - Весьма возможно, что в этом году сельскохозяйственная выставка Нижней Сены будет в Ионвиле. Такие но крайней мере ходят слухи. На это намекает и сегодняшняя газета. Для нашего округа это будет иметь огромное значение! Мы еще об этом поговорим.

Эмма Следующий день был мрачным... Мне казалось, будто все вокруг повито какой-то черной мглой, чуть заметно колышущейся на поверхности предметов, и, жалобно воя, точно зимний ветер в пустом замке, все глубже оседала в душе тоска...

Автор С той поры память о Леоне стала как бы средоточием ее тоски. Она горела в ее душе ярче, нежели костер, разведенный на снегу путешественниками в русской степи. Эмма бросалась к огню, грелась около него, осторожно помешивала в этом догоравшем очаге, всюду искала, что бы еще в него подбросить. Самые далекие воспоминания и совсем недавние происшествия, то, что она испытала, и то, что она воображала, разлетевшиеся сладострастные мечты, думы о счастье, ломавшиеся на ветру, как сухие ветки, ее никому не нужная нравственность, ее неутоленные чаяния, домашние дразги - все это она подбирала, все это она ловила, все это годилось, чтобы разжечь ее тоску.

И все же пламя погасло, - быть может, оттого, что не хватило топлива, а быть может, наоборот, оттого, что Эмма слишком много сразу сожгла.

Разлука мало-помалу притушила любовь, привычка приглушила тоску, зарево пожара, заливавшее багрянцем пасмурное небо Эммы, с каждым днем все бледнело, а потом и совсем померкло. Усыпленное сознание Эммы принимало отвращение к мужу за влечение, ожоги ненависти - за вспышки нежности. Но буря не утихала, а страсть сгорела дотла, помощь ниоткуда не приходила, луч солнца ниоткуда не пробивался, со всех сторон ее обступала темная ночь, и она вся заоченела от дикого, до костей пробирающего холода...

Эмма Женщина, принесшая такие огромные жертвы, может позволить себе фантазии... Я купила молитвенную готическую скамеечку, за один месяц истратила четырнадцать франков на лимоны для полировки ногтей, выписала из Руана голубое кашемировое платье, выбрала у Лере самый красивый шарф, стала подпоясывать им капот и в этом наряде при закрытых ставнях лежала с книгой в руках на канаве.

Автор Теперь она часто меняла прическу: то причесывалась по-китайски, то распускала волнистые локоны, то заплетала косы; потом сделала себе сбоку, пробор, сзади подвернула волосы, и у нее вышло подобие мужской прически.

Эмма Мне захотелось выучиться итальянскому языку: я обзавелась словарями, купила грамматику, купила бумаги. Попробовала читать книги по истории и философии...

Автор Шарль иногда просыпался ночью и вскакивал - ему казалось, что его зовут к больному.

Шарль (*сквозь сон*) - Сейчас приду... приду...

Автор Но это Эмма, зажигая лампу, чиркала спичкой. Между тем с книгами повторилась та же история, что с вышиванием: весь шкаф у нее был завален неоконченными работами, и точно так же Эмма брала одну книгу, бросала и принималась за другую. Временами Эмму охватывало лихорадочное возбуждение, и тогда ее легко можно было подбить на любую дикую выходку...

Эмма Как-то раз я поспорила с мужем, что выпью залпом полстакана водки, и так как Шарль имел глупость раззадорить меня, то я и выпила все до дна...

Автор Несмотря на свой легкомысленный внешний вид, как выражались ионвильские дамы, Эмма все же не производила впечатления жизнерадостной женщины, углы ее рта были вечно опущены, как у старой девы или у незадачливого честолюбца. Она всегда была бледна, бела, как полотно, морщила нос, глаза её смотрели на всё смутным взглядом.

Эмма Я обнаружила у себя на висках три седых волоса...
Начинаю стареть...

Шарль Она заметно слабела. Как-то раз у нее даже открылось кровохарканье. Я встревожился, забегал...

Эмма - А, да не все ли равно!.. Ничего с этим не поделаешь...

Шарль Я забился в свой кабинет, сел в кресло и, облокотившись на письменный стол заплакал... Выписал мать, и мы вели долгие разговоры об Эмме...

- Как быть? Что с ней делать, раз она отказывается от всякого лечения?

Мать Бовари - Знаешь, как бы надо поступить с твоей женой? Приучить ее заниматься делом, ручным трудом! Пришлось бы ей, как другим, работать ради куска хлеба, так небось сразу бы поздоровела, - это у нее все оттого, что голова не тем забита, да от безделья.

Шарль – Однако, она занята...

Мать Бовари – Ах! Она занята... А чем? Романы читает, вредные книги, в которых против религии пишут, да, подражая Вольтеру, высмеивают духовенство. Проку от этого не жди, мой бедный мальчик! Кто не верит в Бога, тот плохо кончит.

Шарль – Да... да...

Мать Бовари – Я беру это на себя: проездом через Руан зайду к библиотекарю и скажу, что Эмма отказывается от абонеента. Если же библиотекарь, этот змей-искуситель, станет упорствовать, то ведь недолго и в полицию заявить...

Автор Свекровь и невестка простились холодно. Если не считать обычных вопросов во время еды и пожеланий спокойной ночи, то за три недели, что они прожили вместе, они и двух слов не сказали друг другу.

Госпожа Бовари-мать уехала в среду - в Ионвиле это был базарный день.

Эмма сидела, облокотившись на подоконник (это было ее излюбленное место - в провинции окно заменяет театр и прогулки), и от скуки смотрела на шумную толпу мужичья, как вдруг

внимание ее остановил господин в зеленом бархатном сюртуке. На нем были щегольские желтые перчатки и вместе с тем грубые краги. Направлялся он прямо к их дому, а за ним, понутив голову, задумчиво брел крестьянин.

Родольф - Доктор дома?..

Фелисите – Да, мсье.

Родольф - Скажите, что его спрашивает господин Родольф Буланже де Ла Юшет...

Автор Новоприбывший присоединил к своему имени название географического пункта не из местного патриотизма, а для того, чтобы сразу дать понять, кто он такой. Ла Юшет действительно поместье под Ионвилем, и он его купил вместе с барской усадьбой и двумя фермами; управлял он имением сам, но жил на довольно широкую ногу. Говорили, что у этого холостяка "по меньшей мере пятнадцать тысяч ренты".

Шарль (*входя в залу*) – Чем могу вам служить?..

Родольф - Вот этот мой работник желает, чтобы ему отворили кровь, а то-де у него "мурашки по всему телу бегают".

Работник – Меня это прочистит...

Шарль – Фелисите. принеси бинт, а ты, Жюстен подержи таз... Не бойся, милейший, не бойся!

Работник - Ничего, ничего, валяйте!..

Автор Расхрабрившись, он протянул свою ручищу. Из-под ланцета выбилась струя крови и забрызгала оконное стекло.

Шарль - Ближе таз, Жюстен!..

Работник - Вот на!.. Прямо целый фонтан! А кровь-то какая красная! Все это хорошо?

Шарль - Некоторые сперва ничего не чувствуют, а потом вдруг падают в обморок... Особенно часто это бывает с людьми крепкого телосложения, как вот он...

Автор При этих словах сельчанин выронил футляр от ланцета, который он все время вертел в руке. У него так свело плечи, что затрещала спинка стула.

Шапка упала на пол.

Шарль - Так я и знал... Надо зажать вену...

Автор В руках у Жюстена заплясал таз, колени у него подгибались, он побледнел и упал.

Шарль - Жена! Жена!..

Эмма (*сверху*) – Что случилось?

Шарль - Уксусу! Ах, Боже мой, сразу двое!

Родольф (*подхватив Жюстена*) - Пустяки!.. Посиди-ка здесь, мальчик... На стуле...

Автор Мадам Бовари стала снимать с Жюстена галстук. Шнурки его рубашки были завязаны на шее узлом. Тонкие пальцы Эммы долго распутывали его. Потом, смочив свой батистовый платок уксусом, она начала осторожно тереть ему виски и тихонько дуть на них.

Конюх очнулся, а Жюстен все никак не мог прийти в себя, зрачки его, тонувшие в мутных белках, напоминали голубые цветы в молоке.

Шарль - Таз надо убрать от него подальше...

Родольф Мадам Бовари взяла таз. Чтобы задвинуть его под стол, она присела, и ее платье, летнее желтое платье (длинный лиф и широкая юбка с четырьмя воланами), прикрыло плиты пола. Нагнувшись и расставив локти, она слегка покачивалась, и при колебаниях ее стана колокол платья местами опадал...

Автор Потом она взяла графин с водой и бросила туда несколько кусков сахара, но в это время подоспел фармацевт. Пока все тут суетились, служанка за ним сбегала. Увидев, что глаза у племянника открыты, он облегченно вздохнул. Потом обошел его со всех сторон и смерил взглядом.

Оме - Бетолочь! Право слово, маленькая бестолочь! Велика важность - флеботомия! А ведь это парень, который ничего не боится! Вы не поверите, это суцья белка, за орехами лазает на головокружительную высоту. Ну-ка, похвастайся! А как же твои благие намерения? Ты "ведь хочешь быть фармацевтом. Тебя могут вызвать в суд, дабы ты пролил свет на какое-нибудь чрезвычайно-запутанное дело, и тебе надо будет сохранять спокойствие, рассуждать, вести себя, как подобает мужчине, а иначе тебя примут за дурака!.. Кто тебя сюда звал? Вечно докучаешь мсье и мадам! Как раз по средам мне твоя помощь особенно необходима. Сейчас в аптеке человек двадцать. А я вот пожалел тебя и все бросил. Ну иди! Живо! Жди меня и поглядывай за склянками! (*Жюстен уходит*)

Эмма – Странно, но я никогда не страдала дурнотой.

Родольф – Это необыкновенно для дамы!.. А ведь есть на свете очень чувствительные люди. При мне на поединке секундант потерял сознание, как только стали заряжать пистолеты.

Оме - А меня вид чужой крови совсем не трогает. Но если я только представлю себе, что кровь течет у меня самого, и буду развивать эту мысль, вот тогда мне ничего не стоит лишиться чувств.

Родольф - Иди, милейший и успокойся, раз прихоть твоя удовлетворена. Впрочем, эта прихоть доставила мне выгоду знакомства с вами... Доктор, я думаю трёх франков хватит?..

Шарль – О. да, конечно...

Родольф – Всего доброго... *(все прощаются)*

Эмма Немного погодя он был уже за рекой (дорога в Ла Юшет тянулась вдоль того берега). Я видела, как он шел по лугу под тополями, порой как бы в раздумье замедляя шаг...

Родольф - Очень мила!.. Очень мила эта докторша! Прекрасные зубки, черные глаза, кокетливая ножка и обращение, как у парижанки. Откуда она, черт побери, взялась? Где отыскал её этот детина? По-моему, он очень глуп... Она, наверно, тяготится им. Ногти у него грязные, он по три дня не бреется. Пока он разъезжает по больным, она штопает ему носки. И как же ей скучно! Хочется жить в городе, каждый вечер танцевать польку. Бедная малышка! Она задыхается без любви, как рыба без воды на кухонном столе. Три галантных слова, и она будет вас обожать, ручаюсь! Она будет с вами нежна! Обворожительна!.. Да, но как потом от нее отделаться?..

Автор В предвидении тьмы наслаждений, которые может доставить Эмма, он по контрасту вспомнил о своей любовнице. Он содержал руанскую актрису. И вот, когда ее образ возник перед ним, он при одной мысли о ней почувствовал пресыщение.

Родольф – А!.. Мадам Бовари гораздо красивее, чем та! А главное, гораздо свежее. Виржини уж очень растолстела. Ее восторженность мне опротивела. А потом, эта ее мания к креветкам!..

Автор Кругом не было ни души, и Родольф слышал только мерный шорох травы, бившей его по башмакам, да стрекотанье кузнечиков в овсах. Ему представлялась Эмма, как она была у себя в зале, точь-в-точь так же одетая, и он раздевал ее.

Родольф - Она будет моей!.. Где мы с ней будем видеться? Каким образом? Свою девчонку она, верно, с рук не спускает, а тут еще служанка, соседи, муж, - возни не оберешься... Только время зря потратишь! Глаза ее, как два буравчика, впиваются тебе прямо в сердце. А эта бледная кожа!.. Обожаю бледных женщин!.. Надо ждать удобного случая, вот и все. Что ж, буду к ним заходить, пришлю им дичи, живности. Попрошу себе даже кровь пустить, если нужен будет предлог. Мы подружимся, я приглашу их к себе...

Ах, черт возьми!.. Ведь скоро же Сельский праздник. Там я её и увижу. С этого мы и начнем. Главное, действовать дерзко и наверняка!

Автор Наконец знаменитый Сельскохозяйственный праздник начался! Утром жители, стоя у своих домов, толковали о

приготовлениях к торжеству. Фронтон мэрии был увит гирляндами плюща. На лугу раскинули для званого пира шатер, а посреди площади, перед церковью поставили нечто вроде установки для пуска фейерверков. Но от ликования, светившегося на всех лицах, явно мрачнела хозяйка трактира, г-жа Лефрансуа....

Вдова – Какая глупость! Какая глупость - эта их полотняная палатка! Что ж они думают,- префект будет рад отобедать под этим тентом, как будто он – уличный акробат? Толкуют о пользе края, а сами неведь что творят! Тогда незачем было вызывать содержателя харчевни из Нефшателя! И для кого? Для пастухов? Для голодранцев?..

Оме (*проходя мимо*) – Ваш покорный слуга, г-жа Лефрансуа! Извините, я тороплюсь.

Вдова – И вы тоже вырядились...

Оме - Вас это забавляет? Я и впрямь сижу у себя в лаборатории, точно крыса у добряка в сыре.

Вдова - В каком сыре?..

Оме – Нет, ничего!.. Я хотел только выразиться, госпожа Лефрансуа, что я - домосед. Однако по такому случаю, необходимо, чтобы...

Вдова – А! И вы тоже туда идете?..

Оме – Да, иду. Разве вы не знаете, что я член консультативной комиссии?

Вдова (*усмехнувшись*) - Тогда другое дело!.. Но только какое отношение вы имеете к сельскому хозяйству? Что вы в нем смыслите?

Оме - Еще как смыслю! Ведь я же фармацевт, следовательно - химик, а так как химия, госпожа Лефрансуа, изучает молекулярное взаимодействие всех физических тел, то, само собою разумеется, к ее области относится и сельское хозяйство! В самом деле, состав удобрений, ферментация жидкостей, анализ газов и влияние миазмов - что же это такое, позвольте вас спросить, как не самая настоящая химия?..

Вдова - Э, да вон и подлипала Лере... С кем это он говорит под навесом?.. А... кланяется мадам Бовари. А на ней зеленая шляпка, и она идет под руку с господином Буланже.

Оме (*вслед*)- Госпожа Бовари!.. Я догоню вас, чтобы выразить своё почтение... Не хотите ли место за оградой, у самых колонн, - может быть, вам там будет удобнее?..

Родольф - Давайте убежим от этого толстяка...

Она толкнула меня локтем... Что бы это значило? Может быть, она просто насмехается надо мной?.. А... следом идет Лере...

Лере (*догоняя их*) - Какая великолепный праздник! Весь город высыпал на улицы! Чем могу служить?

Родольф (*резко обернувшись*) - Добрый день, господин Лере! И всего наилучшего!

Лере (*растерянно*) Всего наилучшего... (*уходит*)

Эмма (*рассмеявшись*) – Как вы его спровадили!..

Родольф - А для чего же нам позволять вторгаться посторонним? И поскольку мне сегодня выпало на долю счастье быть с вами... Гм...
Погода сегодня действительно чудесная... Как приятно идти по траве. Маргаритки уже зацвели... Прелестные цветочки! Их тут так много, что всем здешним влюбленным хватит дарить их друг другу для исполнения желаний. Не нарвать ли? Как вы думаете?..

Эмма (*слегка покашливая*) - А вы разве влюблены?

Родольф - Гм! Гм! Кто знает...

Автор На лугу становилосьлюдно, хозяйки задевали встречных своими большими зонтами, корзинками, малышами.

На кругу, мордами к бечеве, вычерчивая ломаную линию своими неодинаковыми спинами, стоял скот. Уткнув рыла в землю, дремали свиньи, мычали телята, блеяли овцы, коровы с поджатыми ногами лежали брюхом на траве и, мигая тяжелыми веками, медленно пережевывали жвачку, а над ними вился жужжащий рой мух. Жеребцы взвивались на дыбы и, косясь на кобыл, залиристо ржали; конюхи, засучив рукава, держали их под уздцы. Поодаль, шагах в ста от барьера, не шевелясь, точно отлитый из бронзы, стоял огромный черный бык в наморднике, с железным кольцом в ноздре. Мальчик в обносках держал его за веревку.

Голос из толпы - Что же вы нас покинули, господин Буланже?

Присоединяйтесь к нам...

Родольф - Сейчас приду... Ну уж нет, я останусь с вами! Ваше общество куда приятнее!.. Полюбуйтесь на туалеты ионвильских дам... Гм. Впрочем, прошу прощение за небрежность моей одежды...

Эмма Его туалет представлял собою то сочетание банальности и изысканности, в котором мещане обыкновенно видят признак непостоянной натуры, душевного разлада, непреодолимого желания порисоваться, во всяком случае, признак несколько пренебрежительного отношения к правилам приличия, и это пленяет обывателей или, наоборот, возмущает. Так, у Родольфа в вырезе серого тикового жилета надувалась от ветра батистовая рубашка с гофрированными рукавами, панталоны в широкую полоску доходили до лодыжек, а под ними виднелись лаковые ботинки с нанковым верхом. Отлакированы они были до зеркального блеска, и в них отражалась трава. Держа руку в кармане пиджака, сдвинув набок соломенную шляпу, Родольф расшвыривал носками ботинок конский навоз.

Родольф - Впрочем, когда живёшь в деревне...

Эмма – ...все старания напрасны.

Родольф – Это правда! Думаете, хоть один из этой бравой челяди способен оценить, как сидит на вас одежда?

Эмма – Да, провинциальная пошлость засасывает, разрушает все иллюзии.

Родольф - Вот и я начинаю впадать в печаль...

Эмма - Вы? А мне вы кажется таким весёлым!

Родольф – Ах! Да, с виду, потому что на людях я надеваю маску шутника. А между тем сколько раз, глядя на озаренное луною кладбище, я спрашивал себя, не лучше ли присоединиться к тем, кто спит вечным сном...

Эмма - А ваши друзья? О них вы не подумали?

Родольф - Друзья? Какие друзья? Где они? Кому я нужен? (*он издал легкий свист*) Да, мне недостает многого! Я так одинок! Ах, если б у меня была цель в жизни, если б я полюбил кого-нибудь, кого-нибудь встретил... О, я бы этой привязанности отдал все свои силы, я бы все преодолел, все сокрушил!

Эмма - Мне кажется, однако, что вам не на что жаловаться.

Родольф - Вы находите?

Эмма - В конце концов, вы свободны... Богаты.

Родольф - Не смейтесь над мной...

Эмма – Я не смеюсь... (*выстрелила пушка*)

Родольф – Ну, начинается... Поднимемся на второй этаж мэрии, в "зал заседаний"; там никого нет и оттуда нам будет очень удобно смотреть на зрелище...

(*шум толпы стихает*)

Советник - "Господа! Позвольте мне с самого начала (прежде чем перейти к предмету нашего сегодняшнего собрания, и я убежден, что все вы разделяете мои чувства), позвольте мне, говорю я, принести дань восхищения нашей высшей власти, правительству, монарху, господа, королю, нашему обожаемому государю, ибо он неусыпно печется как о благе всего общества, так равно и о благе отдельных лиц, ибо он твердой и вместе с тем мудрой рукою ведет государственную колесницу среди неисчислимых - опасностей, коими грозит бурное море, и не забывает ни о мире, ни о войне, ни о промышленности, ни о торговле, ни о земледелии, ни об изящных искусствах".

Родольф - Я думаю, мне надо немного отсесть...

Эмма - Зачем?

Советник - "Прошли те времена, господа, когда междоусобица обогрела кровью наши стогны; когда собственник, негоциант и даже рабочий, мирным сном засыпая ввечеру, невольно вздрагивали при мысли о том, что их может пробудить звон мятежного набата; когда злокозненные учения дерзко подрывали основы..."

(дальнейший диалог Родольфа и Эммы происходит на фоне импровизированной речи Секретаря)

Родольф - Меня могут увидеть снизу, и тогда надо будет целых две недели извиняться, а при моей скверной репутации...

Эмма - О, вы клеветеете на себя!

Родольф - Нет, нет, у меня отвратительная репутация, уверяю вас.

Советник - "Но, господа, отвращая умственный взор свой от этих мрачных картин, я перевожу глаза на теперешнее состояние нашего прекрасного отечества, и что же я вижу? Всюду процветают торговля и ремесла; всюду новые пути сообщения, подобно новым кровеносным сосудам в государственном организме, связывают между собой различные его части; наши крупные промышленные центры возобновили свою деятельность; религия, воспрянув, всем простирает свои объятия; в наших гаванях снова тесно от кораблей, доверие возрождается, и наконец-то Франция вздохнула свободно!.."

Родольф - Впрочем, с точки зрения света, возможно есть основания...

Эмма - Как так?

Родольф – Что вы!.. Разве вы не знаете о существовании мятущихся душ? Они то грезят, то действуют, предаются то самому чистому чувству, то неистовству наслаждений, - им ведомы всякого рода фантазии, безрассудства.

Эмма - Мы лишены такого развлечения, мы – бедные женщины!..

Родольф - Грустное развлечение, - счастья оно не приносит.

Эмма – Но разве счастье когда-нибудь приходит?

Родольф - Да, в один прекрасный день...

Советник – «И вы это поняли, вы, земледельцы и батраки, вы, скромные пионеры великого дела цивилизации, вы, поборники нравственности и прогресса! Вы поняли, говорю я, что политические бури, безусловно, более разрушительны, нежели беспорядки в атмосфере..."

Родольф - В один прекрасный день оно приходит, приходит внезапно, когда его уже перестаешь ждать. Вдруг открывается горизонт, и чей-то голос, говорит: "Вот оно!" Вы испытываете потребность довериться этому человеку всю свою жизнь, всё сделать для него, пожертвовать для него всем! Объяснений не надо - все понятно без слов. Именно таким вы видели его в мечтах. Наконец сокровище, которое вы так долго искали, здесь, перед вами, и оно сверкает, блестит! Но вы еще сомневаетесь, вы еще не смеее верить, вы ослеплены, как будто из темноты сразу вышли на свет...

Автор Последнюю фразу Родольф подкрепил пантомимой. Он схватился за голову, точно она у него закружилась, затем уронил руку на руку Эммы. Она ее отдернула...

Советник - "Но кого это может удивить, господа? Только слепых, только опутанных (я не боюсь сказать об этом прямо), только опутанных вековыми предрассудками людей, которые до сих пор понятия не имеют о том, каков образ мыслей сельского населения. В самом деле, где мы еще найдем такой патриотизм, такую преданность общему делу, одним словом - такое благоразумие, как не в деревне? Это не поверхностный ум, господа, не мишурный блеск празднословов, но ум глубокий, трезвый, прежде всего ставящий перед собой практические цели, тем самым повышая благосостояние отдельных лиц, соблюдая общественную пользу и служа опорой государству, - цели, которые проистекают из законопослушания и верности долгу..."

Родольф – Ах, опять!.. Вечно долг, долг... Меня убивает это слово. Куча дряхлых тупиц во фланелевых жилетах и ханжей с грелками и четками прожужжала нам все уши: "Долг! Долг!" Эх! Черт подери, долг заключается в том, чтобы понимать великое, поклоняться прекрасному, а вовсе не в том, чтобы придерживаться разных постыдных условностей.

Эмма – Между тем,.. между тем...

Родольф – Э, нет! К чему напыщенно декламировать против страстей? Не лучшее ли это, что есть на земле, источник героизма, энтузиазма, поэзии, музыки, искусства, решительно всего наконец?

Эмма - Но надо же хоть немного считаться с мнением света, уважать его мораль...

Родольф – Ах, в том-то и дело, что есть две морали. Есть мелкая, условная, людская, - она вечно меняется, она всю горланит, она трепещется внизу, у нас под ногами, как вот это сборище дураков внизу на площади, которое вы видите перед собой. Но есть другая мораль, вечная - она, как вот этот пейзаж вокруг нас, как голубое небо, откуда нам светит солнце...

Советник - "Нужно ли доказывать вам, господа, пользу земледелия? Кто же удовлетворяет наши потребности? Кто доставляет нам пропитание? Кто же, как не земледелец? Да, господа, земледелец! Это он, засевая своей трудолюбивой рукой плодородные борозды полей, выращивает зерно, которое, после того как его размельчат и перемелют с помощью хитроумных приспособлений, уже в виде муки доставляется в города и сейчас же поступает к булочнику, а тот превращает ее в продукт питания как для богачей, так и для бедняков. Не тот же ли самый земледелец, чтобы одеть нас, выкармливает на пастбищах тучные стада? Во что бы мы одевались, чем бы мы кормились, если бы не земледелец? За примерами ходить недалеко! Все мы часто задумывались над тем, какую важную роль играет в нашей жизни скромное создание, украшение наших птичников, которое одновременно снабжает нас мягкими подушками для нашего ложа, сочным мясом и яйцами для нашего стола. Впрочем, если бы я стал перечислять многообразные дары, которые, словно добрая мать, балующая детей своих, расточает нам заботливо возделанная земля, я бы никогда не кончил. Здесь - виноград, в другом месте - яблоки, а следовательно - сидр, там - рапс, еще

дальше - сыр. А лен? Не упустите из виду, господа: лен! За последние годы посевная площадь льна значительно увеличилась, вот почему я хочу остановить на нем ваше внимание".

(в конце речи начал раздаваться то протяжный рев быка, то блянье ягнят)

Родольф *(склонившись к Эмме, шепотом)* - Разве этот заговор света вас не возмущает? Есть ли хоть одно чувство, которое бы он не осудил? Благороднейшие инстинкты, самые чистые отношения подвергаются гонениям, клевете, и если двум страдающим душам посчастливится в конце концов найти друг друга, то всё подстраивается таким образом, чтобы им нельзя было соединиться. Но они напрягут усилия, станут бить крылами, станут звать друг друга. О! Рано или поздно, через полгода, через десять лет, но они соединятся, оттого что так велит рок, оттого что они рождены друг для друга...

Эмма Я различала в его глазах золотые лучики вокруг черных зрачков, ощущала запах помады от его лощёной шевелюры. И меня охватывало томление; я увидела вдали, на горизонте, старый дилижанс "Ласточку", - он медленно спускался с холма, волоча за собой длинный шлейф пыли. В этой желтой карете так часто возвращался ко мне Леон, и по этой самой дороге он уехал от меня навсегда! Вдруг мне почудилось, что напротив, в окне, мелькнуло его лицо; потом все смешалось, нашли облака; мне казалось теперь, что Леон где-то недалеко, что он сейчас придет... и в то же время я чувствовала, что голова Родольфа совсем близко. Сладостью этого ощущения были пропитаны давнишние

желания, и, подобно песчинкам, которые кружит вихрь, они роились в тонком дыму благоухания, окутывавшем душу. Я глубоко вдыхала свежесть увивавшего карнизы плюща. Я сняла перчатки, вытерла руки, затем стала обмахивать лицо платком; глухой гул толпы и монотонный голос советника я улавливала сквозь стук крови в висках.

Советник - "Продолжайте! Упорствуйте! Не слушайте ни нашептываний рутинеров, ни скороспелых советов самонадеянных экспериментаторов! Обратите особое внимание на плодородность почвы, на качество удобрений, на улучшение пород лошадей, коров, овец, свиней! Пусть эта выставка будет для вас как бы мирной ареной, пусть победитель, перед тем как уйти с нее, протянет руку побежденному, братски обнимется с ним, и пусть у побежденного вспыхнет при этом надежда, что он добьется больших успехов в дальнейшем! А вы, преданные слуги, скромные работники, вы, чей тяжелый труд до сих пор не привлекал к себе внимания ни одного правительства! Ваши скромные достоинства будут ныне вознаграждены, и вы можете быть уверены, что государство наконец обратило на вас свои взоры, что оно вас ободряет, что оно вам покровительствует, что оно удовлетворит ваши справедливые требования и по мере сил постарается облегчить бремя ваших мучительных жертв!"

Родольф – Так и мы с вами... Почему мы узнали друг друга? Какая случайность свела нас? Несомненно, наши личные склонности толкали нас друг к другу, преодолевая отдалённость, - так в конце концов сливаются две реки...

Советник - "За разведение ценных культур..."

Родольф - Недавно, к примеру, когда я к вам заходил...

Советник - "...господину Бизе из Кенкампуа..."

Родольф - ...думал ли я, что буду вас сопровождать?

Советник - "...семьдесят франков!"

Родольф - Сто раз я порывался уйти и все-таки пошел за вами, остался.

Советник - "За навоз..."

Родольф - И теперь уже останусь и на вечер, и на завтра, и на остальное время, на всю мою жизнь!

Советник - "...господину Карону из Аргейля - золотая медаль!"

Родольф – Ибо никогда на свете я не встречал особы с таким неотразимым шармом...

Советник - "Господину Бепу из Живри-Сен-Мартен..."

Родольф - ...и также воспоминания о вас я унесу с собою,..

Советник - "...за тонкорунного барана..."

Родольф - А вы не вспомните обо мне, я промелькну мимо вас, словно тень.

Советник - "Господину Бело из Нотр-Дам..."

Родольф - О, нет, не так! Что-то от меня должно же остаться в ваших помыслах, в вашей жизни?

Советник - "За породу свиней приз делится *ex aequo* между месье Леэрисе и Кюлембуром: шестьдесят франков!"

Автор Родольф сжимал ее горячую, дрожащую руку, и ему казалось, будто он держит пойманную горлицу, которой хочется

выпорхнуть. И вдруг то ли Эмма попыталась высвободить руку, то ли это был ответ на его пожатие, но она шевельнула пальцами...

Родольф – О, благодарю вас! Вы не отталкиваете меня! Вы добры! Вы понимаете, что я - ваш! Позвольте мне смотреть на вас, любоваться вами!

Советник - "За применение жмыхов маслянистых семян... За применение фламандского компоста... за разведение льна... за осушение почвы при долгосрочной аренде... за услуги по хозяйству..."

Автор Родольф больше не говорил. Они смотрели друг на друга. Желание было так сильно, что и у него и у нее дрожали пересохшие губы. Их пальцы непроизвольно, сплелись в согласии.

Советник - "Катрине-Никезе-Элизабете Леру из Сасето-Лагерьер за пятидесятичетырехлетнюю службу на одной и той же ферме серебряную медаль ценой в двадцать пять франков! Где же Катрина Леру?.."

Голоса в толпе:

- Да иди же!
- Не туда!
- Налево!
- Не бойся!
- Ах, какая она дура!
- В конце концов, где же она?
- Кто?
- Вон она!

- Так пусть подойдет наконец!

Советник - Подойдите, уважаемая Катрина-Никеза-Элизабета Леру! Подойдите, подойдите!.. Вы что, глухая? *(кричит)* За пятидесятичетырехлетнюю службу! Серебряная медаль! Двадцать пять франков! Это вам, вам!

Катрина *(бормочет)* - Я ее кюре отдам, чтоб он за меня молился!

Оме - Какой фанатизм!..

Автор Собрание закончилось, толпа разошлась, речи были произнесены, и теперь каждый вновь занял свое прежнее положение, все вошло в свою колею, хозяева стали ругать работников, а те стали погонять животных - этих бесстрастных триумфаторов, возвращавшихся с зелеными венками на рогах к себе в стойла.

Мадам Бовари взяла Родольфа под руку, он довел ее до дому, они расстались у крыльца, и Родольф пошел прогуляться перед парадным обедом по лугу.

Вечером, во время фейерверка, он увидел ее еще раз, но она была с мужем.

Родольф Эмма прижалась к плечу Шарля и, подняв голову, молча следила за тем, как в черном небе огнистыми брызгами рассыпаются ракеты. При вспышках мне хорошо было видно ее лицо.

Автор Но вспышки одна за другой погасали. Зажглись звезды. Упало несколько капель дождя. Эмма накрыла голову косынкой...

Эмма Прошли шесть недель, Родольф не появлялся...

Родольф Устроим перерыв - иначе можно все испортить... Ведь если она полюбила меня с первого дня, то разлука, наверное, усилила это чувство. Подождем еще немного.

Автор И когда он вошел к ней в залу и увидел, что она побледнела, он убедился, что рассчитал правильно.

Родольф - Я был занят... Болел.

Эмма - Серьёзно?

Родольф - Да нет!.. Просто я решил больше к вам не приходить.

Эмма - Почему?

Родольф - Вы не догадываетесь? Эмма...

Эмма - Мсье!..

Родольф - Ах, теперь вы сами видите, что у меня были причины, не приходить больше к вам, ибо ваше имя непрерывно звучит у меня в душе, оно невольно срывается с моих уст, а вы мне запрещаете произносить его! Мадам Бовари!.. Ах, так вас называют все!.. Да это и не ваше имя - это имя другого человека! Другого!.. Да, я постоянно вас вспоминаю!.. Эти воспоминания приводят меня в отчаяние! О, простите!.. Я покидаю вас... Прощайте!.. Я уезжаю далеко... так далеко, что больше вы обо мне не услышите!.. И тем не менее... сегодня... я не знаю что за сила снова потянула меня к вам! Ибо с небесами не поспоришь, не воспротивишься улыбке ангела! Невольно вовлечёшься в то, что так прекрасно, пленительно, очаровательно.

Автор Эмма впервые слышала такие слова, и ее самолюбие нежилось в них, словно в теплой ванне, полностью размягчаясь в пылкости этих выражений.

Родольф – Но если я не приходил, если я не мог вас видеть, ах, зато я любовался всем, что вас окружает! Ночами... все ночи я вставал, шел сюда, смотрел на ваш дом, на крышу, блестящую при луне, на деревья в саду, колыхавшиеся под вашим окном, на огонек вашего ночника, мерцавшего во мраке сквозь оконные стекла. Ах, вы и не знали, что вон там, так близко и в то же время так далеко, бедный, несчастный...

Эмма (*дрогнувшим голосом*) – О! Как вы добры!

Родольф - Нет, я люблю вас - только и всего! Не сомневайтесь! Скажите мне... одно слово! Одно единственное слово!

(послышались шаги)

- Умоляю вас, исполните одно мое желание!.. Если вы действительно милосердны, удовлетворите мою прихоть...
Здравствуйте, доктор.

Шарль – Здравствуйте, мсье Буланже. Бесконечно рад вас видеть...

Родольф - Ваша супруга жаловалась на здоровье...

Шарль - Я в самом деле очень беспокоюсь за жену - у нее опять начались приступы удушья.

Родольф - Не будет ли ей полезна верховая езда?..

Шарль - Точно! Отлично, великолепно!.. Вот это идея! Ты должна ей последовать.

Эмма – Но у меня нет лошади...

Родольф - Возьмите одну из моих. У меня их достаточно...

Эмма – Нет, нет... благодарю вас.

Родольф – Ну что ж... Как хотите... Кстати, у моего конюха, которому пускали кровь, головокружения еще не прошли.

Шарль - Я к вам заеду.

Родольф - Нет, нет, я пришлю его к вам. Мы приедем с ним вместе, зачем же вам беспокоиться?

Шарль - Прекрасно. Благодарю вас.

(прощаются)

Почему ты отвергла предложение Буланже? Это так мило с его стороны!

Эмма - Это может показаться странным...

Шарль – Ах, вот уж наплевать! Здоровье - прежде всего! Ты не права!

Эмма – И как же я по-твоему сяду на лошадь, когда у меня даже амазонки нет?

Шарль - Ну так нужно заказать её!..

Автор Это ее убедило. Когда костюм был готов, Шарль написал Буланже, что жена согласна и что они рассчитывают на его любезность.

Назавтра в полдень у крыльца появился Родольф с двумя верховыми лошадьми. На одной из них было дамское замшевое седло и розовые помпончики на ушах.

Родольф надел мягкие сапоги с длинными голенищами, - он был уверен, что Эмма никогда таких не видала. В самом деле, когда он в бархатном фраке и белых триковых рейтузах вбежал на площадку лестницы, Эмма пришла в восторг от его вида. Она была уже готова и ждала. Жюстен удрал из аптеки, чтобы поглядеть на Эмму; сам фармацевт - и тот соизволил выйти...

Оме – Остерегайтесь быстрой езды, мсье Буланже! Долго ли до беды? Ваши лошади похоже горячи! Приятной прогулки! Но только осторожней, осторожней!..

Автор Вырвавшись на простор, лошадь Эммы тотчас понеслась галопом. Родольф скакал рядом. По временам Эмма и Родольф переговаривались. Слегка наклонив голову, высоко держа повод, а правую руку опустив, Эмма вся отдалась ритму галопа, подбрасывавшего ее в седле. В ту самую минуту, когда они въезжали в лес, показалось солнце.

Родольф - Бог нас хранит!

Эмма - Вы так думаете?..

Родольф - Вперед! Вперед!.. *(он щелкнул языком, лошади побежали)*

Автор За стремяна Эммы цеплялись высокие придорожные папоротники. Родольф, не останавливаясь, наклонялся и выдергивал их. Время от времени он, чтобы раздвинуть ветви, обгонял Эмму, и тогда она чувствовала, как его колено касается ее ноги. Небо прояснилось. Листья деревьев были неподвижны. Родольф и Эмма проезжали просторные поляны, заросшие цветущим вереском.

Родольф и Эмма спешили. Он привязал лошадей. Она пошла вперед, между колеями, по замшелой дороге поросшей мхом.

Длинное платье мешало ей, она подняла шлейф, и Родольф, идя сзади, видел между черным сукном платья и черным ботинком нежную полоску белого чулка, которая представлялась ему частицей всей ее наготы.

Эмма - Я утомилась...

Родольф – Идёмте! Попробуем ещё немного! Смелее!..

Эмма - Куда же мы идем?..

Родольф - Разве наши судьбы теперь не сошлись?

Эмма – О нет! Вы сами прекрасно знаете. Это невозможно... Ах, не будем об этом говорить!.. Где наши лошади? Поедем обратно.

(у него вырвался жест досады и гнева)

(невнятно бормочет)- Где же наши лошади? Где лошади?.. Ах, вы заставляете меня бояться! Вы делаете мне плохо! Едем!

Родольф - Как хотите... Что это с вами? Из-за чего? Ума не приложу.

Вы, очевидно, не так меня поняли? В моей душе вы как мадонна на пьедестале, вы занимаете в ней высокое, прочное, незапятнанное место!.. Но я не могу без вас жить! Не могу жить без ваших глаз, вашего голоса, ваших мыслей. Будьте моим другом, моей сестрой, моим ангелом!

О, ещё немного!.. Не уходите! Оставайтесь!..

Эмма - Я неправа!.. Неправа!.. Я безумная, раз слушаю вас...

Родольф - Почему?.. Эмма! Эмма!..

Эмма - О! Родольф!..

.....

Автор В Ионвиль они вернулись тою же дорогой. Они видели на грязи тянувшиеся рядом следы копыт своих лошадей, видели те же кусты, те же камни в траве. Ничто вокруг не изменилось. А между тем в самой Эмме произошла перемена, более для нее важная, чем если бы сдвинулись с места окрестные горы...

Шарль (за обедом) – Дорогая, ты хорошо выглядишь!.. Ты довольна прогулкой?.. Эмма!

Эмма - Что?

Шарль - Послушай, сегодня пополудни я заезжал к мсье Месандру. У него есть взрослая кобыла, ещё вполне сильная, только немножко смахивает на корову, - я был уверен, что он отдаст ее за сто экю... Я решил сделать тебе приятное и оставил ее за собой... я ее купил... Хорошо я сделал? Ну же, скажи мне что-нибудь!

Эмма - Вечером ты куда-нибудь идешь?

Шарль - Да. А что?

Эмма - О! Ничего, ничего, мой милый!..

Автор Отделавшись от Шарля, она сейчас же заперлась у себя в комнате. Сначала её чувства были легкомысленными: она снова видела перед собой деревья, дороги, канавы, Родольфа, снова чувствовала его объятия, слышала шелест листьев и шуршание тростника; но, посмотрев на себя в зеркало, она подивилась выражению своего лица. Прежде не было у нее таких больших, таких черных, таких глубоких глаз. Что-то неуловимое, разлитое во всем облике, придавало ей необыкновенную красоту.

Эмма У меня есть любовник! Любовник!.. Значит, у меня теперь будет весь этот жар счастья, радость любви, которую я уже перестала ждать. Я погружаюсь во что-то чудесное, где царят страсть, восторг, исступление. О, я так истомилась!..

.....

Эмма Следующий день прошел в новых ласках. Мы дали друг другу клятву. Я поведала ему свои прежние горести. Он прерывал поцелуями, а я просила еще раз назвать меня по имени и повторить, что он меня любит. Это было, как и накануне, в лесу, в пустом шалаше башмачника. Стены шалаша были соломенные, а крыша такая низкая, что приходилось все время нагибаться. Мы сидели друг против друга на ложе из сухих листьев.

Автор С этого дня они стали писать друг другу каждый вечер. Эмма шла в самый конец сада, к реке, и прятала свои письма в одну из трещин обрыва, Родольф приходил сюда за письмом и клал на его место свое, но оно всегда казалось Эмме слишком коротким.

Эмма Однажды Шарль уехал еще до рассвета, и мне захотелось повидаться с Родольфом сию же минуту. Можно было сбегать в Ла Юшет, пробить там час и вернуться в Ионвиль, пока все еще спали. При одной этой мысли у меня захватило дух от страстного желания, и немного погодя я быстрыми шагами, не оглядываясь, уже шла лугом. Занималась заря. Я, издали увидев два стрельчатых флюгера, черневших на фоне белеющего неба, догадалась, что это дом моего возлюбленного. Я вошла туда так, словно стены сами раздвинулись при моем приближении. Длинная, без поворотов, лестница вела в коридор. Я нашла комнату, отворила дверь и увидела спящего человека. Это был Родольф.

- Родольф!..

Родольф - Это ты? Это ты? Как тебе удалось?.. Смотри, твоё платье промокло.

Эмма (*обнимая его*) - Я люблю тебя!..

Автор Эта первая дерзость окончилась благополучно, и теперь всякий раз, когда Шарль уезжал рано, Эмма второпях одевалась и на цыпочках спускалась по каменной лестнице к реке.

Родольф Ко мне она входила тяжело дыша, покрасневшая, и от нее веяло свежим ароматом молодости, зелени и вольного воздуха. Я обыкновенно еще спал. Вместе с ней в мою комнату словно вривалось весеннее утро...

Эмма Не менее четверти часа уходило у нас на прощание. Я, расставаясь, плакала; мне хотелось всегда быть с Родольфом. Какая-то неодолимая сила влекла меня к нему. Но вот однажды, когда я пришла к нему неожиданно, он досадливо поморщился...

- Что с тобой? Ты болен? Скажи!..

Родольф - Ты забыла всякую осторожность!.. Эти посещения бросают на тебя тень...

Автор Однажды утром, идя домой, она неожиданно увидела длинное дуло карабина, наставленное как будто бы прямо на нее. Оно торчало из бочки, прятанной в траве на краю канавы. У Эммы подкосились ноги от ужаса, но она все же продолжала идти вперед, как вдруг из бочки, точно чертик из коробочки, выскочил человек.

Капитан Бине - Вам надо было окликнуть меня издали! Когда видишь ружье, всегда нужно предупреждать... А!.. Мадам

Бовари... Сегодня не жарко! Холодок пощипывает! А вы вышли в такой ранний час?

Эмма - Да... Я ходила к кормилице, у которой мой ребёнок...

Капитан Бине - Ах, вот как? Очень хорошо! Очень хорошо! А я, как вы можете видеть, торчу здесь с самой зари. Но только погода до того скверная, что если дичь не пролетит у вас под самым...

Эмма (*уходя*) - Всего доброго, господин Бине!..

Капитан Бине (*сухо*)- Ваш покорный слуга, мадам...

Эмма Зря я так резко оборвала податного инспектора. Теперь он непременно начнет строить самые вредные домыслы. История с кормилицей придумана неудачно: весь город знает, что уже год, как родители взяли Берту к себе. Да и потом поблизости нет никакого жилья. Эта дорога ведет только в Ла Юшет. Значит, Бине догадался, откуда я иду, и, уж конечно, молчать не станет - всем раззвонит!..

Шарль После обеда я, видя, что жена чем-то расстроена, предложил ей пойти к фармацевту, чтобы отвлечься от дурных мыслей...

Эмма - Первый, кого я увидела в аптеке, был все тот же инспектор!

Капитан Бине - Дайте мне, пожалуйста, пол-унции купороса.

Оме - Жюстен, принеси-ка нам серной кислоты!.. Нет, нет, мадам Бовари, побудьте здесь, не беспокоитесь, моя жена сейчас сама к вам сойдет. Погрейтесь пока у печки... Вы уж меня извините... Здравствуйте, доктор!.. Жюстен, смотри не опрокинь ступки!

Принеси стулья из зальцы - ты же знаешь, что кресла в гостиной трогать нельзя.

Капитан Бине – И дайте мне ещё пол-унции сахарной кислоты.

Оме (*презрительно*) - Сахарной кислоты? Я такой не знаю, понятия не имею! Может быть, вы хотите щавелевой кислоты? Щавелевой, да?..

Бине - Мне нужно едкое вещество, чтобы свести ржавчину с охотничьего снаряжения...

Оме - Да, в самом деле, погода вам не благоприятствует, уж очень сыро.

Капитан Бине (*лукаво*) - А вот некоторые сырости не боятся...
Дайте мне еще...

Эмма (*про себя*)- Он никогда отсюда не уйдет!..

Капитан Бине - ...пол-унции канифоли и скипидару, четыре унции желтого воску и еще, пожалуйста, полторы унции жженой кости - я этим чищу лаковые ремни.

Автор Аптекарь начал резать воск. В это время вошла г-жа Оме и села на обитую бархатом скамейку... Аптекарь наливал жидкости через воронки, закупоривал склянки, наклеивал этикетки, завязывал свертки. Все кругом него молчали. Время от времени слышалось только звяканье чашечек на весах да шепот фармацевта, который наставлял своего ученика.

Г-жа Оме - Ну как ваша малышка?

Оме - Тише! (*что-то бормочет*)

Г-жа Оме (*вполголоса*)- Почему вы ее не взяли с собой?

Эмма - Тс! Тсс!..

Автор Но Бине углубился в чтение счета и, по-видимому, ничего не слышал. Наконец он ушел.

Эмма – Ох...

Г-жа Оме - Как вы тяжело дышите!

Эмма - Здесь у вас немного душно...

Родольф На другой же день мы решили, что наши свидания должны быть обставлены по-иному. Эмма предложила подкупить каким-нибудь подарком свою служанку. Я, однако, считал, что самое правильное - найти в Ионвиле укромный домик. И я обещал что-нибудь в этом роде подыскать.

Всю зиму я раза три-четыре в неделю по ночам приходил к ней в сад.

Шарль думал, что ключ от калитки потерян; на самом же деле

Эмма передала его мне.

Эмма В виде условного знака Родольф бросал в окно горсть песка. Я мгновенно вскакивала с постели. Но иногда приходилось ждать, так как у Шарля была страсть подсесть к камину и болтать без конца. Я сгорала от нетерпения; я готова была уничтожить его своим взглядом. Наконец я принималась за свой ночной туалет; потом брала книгу и преспокойно усаживалась читать, делая вид, что увлечена чтением. Но в это время слышался голос Шарля, уже успевшего лечь в постель...

Шарль – Иди же Эмма, пора спать!..

Эмма – Да, иду, иду!..

Свет мешал ему, он поворачивался к стене и засыпал. Тогда я, задыхающаяся, улыбающаяся, трепещущая, убегала...

Родольф У меня был широкий плащ. Я закутывал ее и, обхватив за талию, молча уводил в глубину сада...

Автор Это происходило в беседке, на той же самой скамейке с трухлявыми ножками, на которой летними вечерами сидел Леон и таким влюбленным взглядом смотрел на Эмму.

Эмма - Теперь я уже совсем не помню его!..

Родольф В ненастные ночи мы укрывались между сараем и конюшней, во флигельке, где Шарль принимал больных. В кухонный подсвечник Эмма вставляла свечу, которая у нее была припрятана за книгами, и зажигала ее. Я располагался как у себя дома. Меня смешил книжный шкаф, письменный стол, общий вид комнаты, и я то и дело подшучивал над Шарлем...

Эмма Этим он смущал меня. Мне хотелось, чтобы он был серьезнее, даже трагичнее, особенно в тот раз, когда мне вдруг почудилось, что кто-то идет по дорожке к флигелю.

- Сюда идут!.. Ты взял свои пистолеты?

Родольф - Зачем?

Эмма – Но как?... Чтобы защищаться...

Родольф - От твоего мужа? Ах он бедный малый!.. Да я его одним щелчком перешибу!..

Эмма В этой его бравате, поразившей меня, было, однако, что-то неделикатное, наивно-грубое... Это меня шокировало...

Родольф – Я потом долго думал об этой истории с пистолетами. Если она говорила серьезно, то это смешно и даже противно. Ведь я не испытывал так называемых мук ревности и не имел оснований ненавидеть добродушного Шарля, - вот почему,

когда Эмма, заговорив о своих отношениях с мужем, дала мне торжественную клятву, я «оценил» её дурной вкус... К тому же Эмма становилась чересчур сентиментальной. С ней непременно надо было обмениваться миниатюрами, срезать пряди волос, а теперь она еще требовала, чтобы я подарил ей кольцо, настоящее обручальное кольцо, в знак любви до гроба. Ей доставляло удовольствие говорить о вечернем звоне, о "голосах природы", потом она заводила разговор о своей и о моей матери. Я потерял мать двадцать лет тому назад, но это не мешало ей сюсюкать со мной по этому поводу так, точно я был мальчик-сиротка. Иногда она даже изрекала, глядя на луну:

Эмма - Я убеждена, что они обе благословляют оттуда нашу любовь.

Родольф Но она была такая хорошенькая! Я так редко встречал в жизни подобное простодушие! Мне, ветренику, ее чистая любовь была внове; непривычная для меня, она льстила моему самолюбию и будила во мне чувственность. Мой здравый смысл презирал экзальтированность Эммы, однако в глубине души эта экзальтированность казалась мне очаровательной именно потому, что она относилась ко мне.

Эмма Уверившись в моей любви, он перестал стесняться, его обращение со мной неприметным образом изменилось... Он уже не говорил мне, как прежде, тех нежных слов, что трогали меня до слез, не расточал тех бурных ласк, что доводили меня до безумия. Великая любовь, в которую я была погружена, высыхала, точно река, и уже видна была тина. Я не хотела этому верить,

стала еще нежнее с Родольфом, а он все менее тщательно скрывал свое равнодушие.

Автор Она сама не знала, жалеет ли она, что уступила тогда его домогательствам, или же, напротив, ее все сильнее тянет к нему. Унизительное сознание своей слабыхарактерности вызывало в ней злобу, которую смягчало только сладострастие. Это не была привязанность, это было какое-то постоянное склонение к сожителству. Родольф поработал ее. Эмма почти боялась его.

На поверхности всё, однако, было спокойно, как никогда; Родольфу удалось ввести этот адюльтер в желаемое русло, и полгода спустя, когда пришла весна, они уже представляли собой нечто вроде супругов, которые поддерживают в домашнем очаге ровное пламя.

Весной обыкновенно папаша Руо, в память о своей сросшейся ноге посылал Шарлю и Эмме индейку. К подарку неизменно прилагалось письмо. На сей раз Эмма, перерезав веревочку, которой оно было привязано к корзине, прочла следующее:

Папаша Руо "Мои дорогие дети! Надеюсь, вы оба в добром здравии. Я надеюсь, что эта моя индейка окажется не хуже прежних; осмеливаюсь утверждать, что она будет даже понежнее, да и пожирнее. А на будущий год я для разнообразия пришлю вам индюка или, если хотите, каплуна, а вы мне верните, пожалуйста, мою корзину. У меня случилась беда: ночью поднялся сильный ветер, сорвал с сарая крышу и забросил на деревья. Урожай тоже не так чтобы уж очень знатный. Одним словом, не могу сказать,

когда сумею вас проведать. Трудно мне стало выбираться из дому, - ведь я теперь совсем один, милая моя Эмма!..

О себе скажу, что я здоров, вот только схватил на днях насморк, когда ездил на ярмарку в Ивето нанимать нового пастуха, а который был у меня раньше я прогнал: уж больно стал привередлив. Мученье с этими разбойниками! Вдобавок он был еще нечист на руку.

От одного разносчика, который зимой побывал в ваших краях и вырвал там себе зуб, я слышал, что Бовари по-прежнему трудится не покладая рук. Это меня не удивило. Разносчик показал мне свою десну. Мы с ним выпили кофе. Я спросил, видел ли он тебя, Эмма; он сказал, что нет, зато он видел двух лошадей в вашей конюшне, - стало быть, дела у вас идут. Ну и отлично, милые детки, дай вам Бог!

Мне очень грустно, что я еще не познакомился с моей любимой внучкой Бертой Бовари. Я посадил для нее в саду, как раз напротив твоей комнаты, Эмма, сливу и никому не позволяю ее трогать. Потом я наварю сливового варенья и спрячу в шкаф, а когда внучка ко мне придет, то будет его кушать, сколько захочет.

Прощайте, славные мои детки! Целую тебя, дочурка, и Вас, дорогой зять, а малышку - в обе щечки.

С наилучшими пожеланиями!

Ваш нежнолюбящий отец, Теодор Руо".

Эмма Я долго держала в руках этот листок грубой бумаги. В письме отца орфографические ошибки цеплялись одна за другую, но сквозь них долетало невнятное биенье размягченного

сердца, как сквозь колючие ветки тернового куста долетает квохтанье наседки.

Автор Старик Руо присыпал чернила каминной золой, и когда Эмма заметила, что на ее платье село много серой пыли, она до осязаемости ясно представила себе, как отец тянется за щипцами. Давно-давно не сидела она с ним на скамеечке у камина и не помешивала потрескивающие дрова палкой, конец которой загорался от жаркого огня! Вспомнились ей светлые летние вечера...

Эмма Идешь, бывало, мимо жеребят, а они ржут и резвятся, резвятся!.. Под моим окном стоял улей, и пчелы, кружась в лучах солнца, золотыми шариками ударялись об оконное стекло, а потом тут же отскакивали. Какое это было счастливое время! Беззаботное! Полное надежд! Как много было тогда иллюзий! А теперь не осталось ни одной... Но кто повинен в моем несчастье? Откуда налетел этот страшный, все вырвавший с корнем ураган?

Автор День был солнечный, воздух - теплый, слышался звонкий смех ее ребенка. Девочка валялась на лужайке, на свежескошенной траве. Сейчас она лежала плашмя на копне. Няня придерживала ее за платице...

Эмма (*в окно*) - Приведите ее ко мне!..

Няня – Слушаюсь, мадам...

Эмма (*идёт навстречу*) - Как я люблю тебя, моё бедное дитя! Как я тебя люблю!.. Ах!..У тебя не совсем чистые ушки... Принесите горячей воды. Надо вымыть её, переменить белье, чулочки, башмачки... Как ее здоровье?..

Няня (*обескуражено*) – Хорошо, мадам...

Родольф Вечером я нашел, что Эмма серьезна, как никогда.

Пройдет... Так просто, каприз... И пропустил три свидания подряд. Когда же наконец пришел, она встретила меня холодно, почти враждебно... Зря теряешь время, моя деточка... Я делал вид, что не замечаю ни ее тяжелых вздохов, ни того, как она комкает в руке платок.

Эмма Вот когда я раскаялась!.. За что я так ненавидела Шарля, и не лучше ли все-таки попытаться полюбить его?..

Автор Но Шарль не оценил этого возврата бывшего чувства, ее жертвенный порыв разбился, это повергло ее в полное смятение, а тут еще подвернулся аптекарь и нечаянно подлил масла в огонь...

Оме – Мадам, я как раз недавно прочитал хвалебную статью о новом методе лечения искривления стопы, а так как я поборник прогресса, то у меня сейчас же родилась патриотическая мысль: дабы "поддержать честь города", необходимо начать производить в Ионвиле операции стрепоподии! Ну чем мы рискуем, мадам? Подумайте: успех почти обеспечен, больной получает облегчение и избавляется от уродства, популярность хирурга быстро растет. Почему бы, например, вашему супругу не оказать помощь бедняге Ипполиту из "Золотого льва"? Примите во внимание, что он непременно станет рассказывать о том, как его вылечили, всем приезжающим, (*понижив голос*) а кроме того, кто мне помешает послать об этом заметку в газету? О, мой Бог! Статья нарасхват... разговоры... слухи растут, как снежный ком! И кто знает? Кто знает?..

Эмма Что же, может быть, Шарля и впрямь ждет удача? У меня нет ни малейших оснований сомневаться в его способностях. А какое удовлетворение получу я, если под моим влиянием он решится на такой шаг, который даст ему славу и деньги! Я ведь как раз ищу для себя опору, более прочную, чем любовь...

Шарль Я сдался на уговоры аптекаря и собственной супруги. Я выписал из Руана книгу доктора Дюваля и теперь каждый вечер, сжав голову руками, углублялся в чтение...

Автор Пока он изучал эквинусы, варусы и вальгусы, то есть стрефокатоподию, стрефеноподию и стрефекзоподию (проще говоря, различные случаи искривления стопы: книзу, внутрь и наружу), а также стрефиподию и стрефаноподию (иными словами, выверт книзу и загиб кверху), аптекарь всячески старался убедить трактирного слугу пойти на операцию:

Оме - Ну, может, будет больновато, только и всего. Просто-напросто укол, вроде легонького кровопускания. Удалить мозоль и то иногда бывает больнее.

Ипполит *(мычит в ответ что-то невнятное)*

Оме - Мне-то ведь безразлично! Для тебя же стараемся! Только из человеколюбия! Я, друг мой, хочу, чтобы ты избавился от уродующей тебя хромоты, которая сопровождается колебанием поясничной области, а ведь это, чтобы ты там ни говорил, очень мешает исполнять твои непосредственные обязанности. Насколько ты станешь живее, подвижнее... Будешь пользоваться большим успехом у женского пола...

Ипполит *(мычит что-то)*

Оме - Какой же ты после этого мужчина, черт бы тебя побрал! А что, если б тебя призвали на военную службу, что, если б тебе пришлось сражаться под нашими знаменами?.. Эх, Ипполит!.. Я не понимаю твоего упрямства, твоего безрассудного нежелания воспользоваться благодеяниями науки...

Шарль – Тебе это ничего не будет стоить, Ипполит. Я возьму на свой счет покупку прибора для операции... Идея этого широкого жеста принадлежала Эмме. Моя жена - ангел...

Автор Ипполит сдался. По заказу лекаря столяр с помощью слесаря в конце концов смастерил нечто вроде ящика фунтов на восемь весом, причем они троекратно переделывали этот прибор и не пожалели на него ни железа, ни дерева, ни жести, ни кожи, ни шурупов, ни гаек.

Шарль Но чтобы решить, какую связку перерезать, надо было сначала выяснить, каким именно видом искривления стопы страдает Ипполит. На одной ноге у него стопа составляла почти прямую линию с голенью; в то же время она была вывернута и внутрь - следовательно, это был эквинус, осложненный небольшим варусом, или же слабый варус в сочетании с ярко выраженным эквинусом.

Автор Но на этом своем эквинусе, шириной с лошадиное копыто, загрубелом, сухожилом, длиннопалом, с черными ногтями, похожими на гвозди от подковы, наш стрепопод день-деньской бегал быстрее лани. Вечно он, выбрасывая свою кривую подпорку, прыгал на площади вокруг повозок. Создавалось впечатление, что больная нога у него даже сильнее здоровой. От постоянных

упражнений у нее появились своего рода душевные качества - терпение и настойчивость, и, исполняя какую-нибудь особенно тяжелую работу, Ипполит преимущественно ступал на нее.

Шарль Я отказался делать две операции сразу... Вдруг нечаянно задену какую-нибудь мне не известную важную область... Я решил сначала разрезать ахиллесово сухожилие, то есть покончить с эквинусом, и только потом, чтобы устранить и варус, взяться за переднюю берцовую мышцу.

Автор Пожалуй ни у одного врача так не дрожала рука и не было напряжено внимание, как у Бовари, когда он с тенотомом в руке приблизился к Ипполиту. Как в настоящей больнице, рядом, на столе лежала куча корпии, воцеленных ниток и великое множество бинтов, целая пирамида бинтов, все бинты, какие только нашлись у аптекаря. Все это еще с утра приготовил г-н Оме, - ему хотелось не только потрясти публику, но и пустить пыль в глаза самому себе. Шарль проткнул кожу; послышался сухой треск. Связка была перерезана, операция кончилась. Ипполит не мог прийти в себя от изумления; он наклонился и стал целовать руку Бовари.

Оме - Ну полно, полно! У тебя еще будет время выразить признательность своему благодетелю!

Автор Он вышел рассказать об исходе операции пяти-шести любопытным, которые, вообразив, что вот-вот появится Ипполит и пройдет перед ними, уже не хромя, стояли во дворе. Шарль пристегнул больного к механическому приспособлению и пошел домой.

Эмма Я встретила его на пороге и бросилась ему на шею. Мы сели обедать. Шарль ел много, а за десертом даже попросил налить ему кофе, тогда как обыкновенно он позволял себе эту роскошь только по воскресеньям, если приходили гости.

Шарль Вечер прошел чудесно; мы оживленно беседовали, сообща строили планы. Разговор шел о нашем будущем благосостоянии, о том, что нового заведем мы в своем хозяйстве. Я рисовал себе такую картину: больные ко мне всё идут, доходы всё растут, по-прежнему любящая жена создает мне уют...

Эмма Я между тем испытывала блаженство от нового, освежающего чувства, которое было и здоровее и чище прежнего, оттого что во мне наконец шевельнулось нечто похожее на нежность к этому бедному человеку, так горячо любившему меня. Я вспомнила о Родольфе, но взгляд мой тотчас же обратился к Шарлю, и я с удивлением заметила, что у него довольно красивые зубы...

Оме (*стремительно входя*) – Я написал рекламную статью для "Руанского светоча". Вот, читайте!..

Шарль - Прочтите сами.

Оме - "Несмотря на сеть предрассудков, которая все еще опутывает часть Европы, свет начал проникать и в нашу глухую провинцию. Так, например, в прошедший вторник наш маленький городок Ионвиль оказался ареною хирургического опыта, который в то же время является актом высшего человеколюбия. Мсье Бовари, один из наших выдающихся практикующих врачей..."

Шарль - Ну, это уж чересчур! Чересчур!..

Оме - Да нет, что вы, нисколько!.. "...оперировал искривление стопы..." Я нарочно не употребил научного термина, - сами понимаете: газета... Пожалуй, не все поймут, а надо, чтобы массы...

Шарль – Верно! Продолжайте.

Оме - Я перечту всю фразу: "Мсье Бовари, один из наших выдающихся практикующих врачей, оперировал искривление стопы некоему Ипполиту Тотену, который вот уже двадцать пять лет исполняет обязанности конюха в трактире "Золотой лев", что на Оружейной площади, содержательницей коего является вдова г-жа Лефрансуа. Новизна опыта и участие к больному вызвали такое скопление народа, что у входа в заведение образовалась форменная давка. Сама операция совершилась словно по волшебству - выступило лишь несколько капель крови, как бы для того, чтобы возвестить, что усилия врачебного искусства восторжествовали над непокорной связкой. Удивительно, что больной (мы это утверждаем *de visu* - в качестве очевидца) нисколько не жаловался на боль. Его состояние пока что не внушает ни малейших опасений. Все говорит о том, что выздоровление пойдет быстро, и, кто знает, быть может, на ближайшем же деревенском празднике мы увидим, как славный наш Ипполит вместе с другими добрыми молодцами принимает участие в вакхических плясках, доказывая своим воодушевлением и своими прыжками, что он вполне здоров? Итак, слава нашим благородным ученым! Слава неутомимым труженикам, которые не спят ночей для того, чтобы род человеческий стал прекраснее и

здоровее! Слава! Трижды слава! Теперь уже можно сказать с уверенностью, что прозреют слепые и бодро зашагают хромые! Что фанатизм некогда сулил только избранным, то наука ныне дарует всем! Мы будем держать наших читателей в курсе последующих стадий этого замечательного лечения".

Автор Одноко пять дней спустя к Бовари прибежала перепуганная тетушка Лефрансуа...

Вдова – На помощь! Он умирает!.. На помощь... Я теряю голову!..

Автор Шарль кинулся в "Золотой лев"; вслед за ним фармацевт, видя, что он без шляпы бежит через площадь, бросил аптеку. Весь красный от волнения, с трудом переводя дух, г-н Оме расспрашивал всех, кто попадался ему на трактирной лестнице:

Оме - Что такое с нашим уникальным стрефоподом?

Автор А стрефопод тем временем извивался в страшных судорогах, и механический прибор, в который была зажата его нога, казалось, мог проломить стену - с такой силой он об нее ударялся.

Шарль Я с величайшей осторожностью, чтобы не изменить положения конечности, снял с нее ящик - и мне представилось ужасающее зрелище. Стопа вся заплыла опухолью, кожа натянулась до того, что могла того и гляди, лопнуть, все кругом было в кровоподтеках от прибора...

Автор Ипполит давно жаловался, что ему больно, но они не придавали этому значения. Теперь уже невозможно было отрицать, что Ипполит имел для этого некоторые основания, и на несколько часов его ногу оставили в покое. Но едва лишь отек

немного опал, оба ученых мужа нашли, что пора вновь поместить ногу в аппарат и, чтобы дело пошло скорее, как можно крепче его завинтить. Наконец через три дня Ипполит не выдержал, прибор снова пришлось снять...

Шарль Результат получился более чем ошеломляющий. Синеватая опухоль распространилась и на голень, а на опухоли местами образовались нарывчики, из которых сочилась черная жидкость. Дело принимало нешуточный оборот...

Эмма Я приходила его проведать, приносила ему чистые тряпки для припарок, утешала его, ободряла...

Автор Впрочем, у него не было недостатка в обществе, особенно в базарные дни, когда крестьяне толпились тут же, гоняли бильярдные шары, орудовали киями, курили, пили, пели, галдели...

Крестьяне - Как поживаешь, старина? Да... героем ты не кажешься!

- Ну да это твой промах. Ты бы исцелился совсем по-другому, вот как надо было лечиться...

- Слишком ты всех слушаешь! Вставай же! Разнежился, как король! Ах, ты старый шут! А уж запашок от тебя!

Автор Действительно, гангрена поднималась все выше и выше. У Бовари голова шла кругом. Он прибегал к больному каждый час, каждую минуту. Ипполит смотрел на него глазами, полными ужаса...

Ипполит (*рыдая, бормочет*) - Когда же я избавлюсь от этого?.. Ах, спасите меня!.. Что я за несчастный! Что я за несчастный!

Автор Весть о том, что Ипполиту стало хуже, дошла до аббата Бурнизьена, и он пришел навестить больного.

Священник - Сочувствую тебе, сын мой, но ты должен переносить страдания с радостью, ибо такова воля божия, и тебе надо теперь же, не откладывая, примириться с небом. А то ведь ты немножко пренебрегал своими обязанностями... Ты редко прибегал к святому престолу. Сколько лет ты не причащался святых тайн? Я понимаю, что от мыслей о спасении души тебя отвлекали дела, суета мирская. Но теперь настал час задуматься. Только ты не отчаивайся: я знал великих грешников, и все же они, готовясь предстать перед Господом (тебе-то еще далеко до этого, поверь), взывали к его милосердию и, без сомнения, умирали в лучшем положении. Будем надеяться, что и ты подашь благой пример! Отчего бы тебе на всякий случай не читать утром и вечером "Радуйся, Мария, благодати полная!" и "Отец наш, сущий на небесех"? Начни-ка! Ради меня! Сделай мне такое одолжение! Чего тебе стоит?.. Обещаешь?

Автор Бедняга обещал. Священник стал ходить к нему каждый день. Он болтал с трактирщицей, рассказывал ей разные истории, подъезжал к ней с анекдотами и каламбурами, смысла которых Ипполит не понимал. Но при первом удобном случае аббат, приняв надлежащий вид, заводил разговор с Ипполитом на религиозные темы. Его рвение имело успех: вскоре стрефопод дал обет, если только выздоровеет, сходить на богомолье в Бон-Секур.

Священник - Это не помешает, сын мой...

Вдова – Да! Бережёного Бог бережёт. А риска никакого...

Оме - Оставьте его в покое! Оставьте его в покое! Вы подрываете его нравственность своим мистицизмом!

Вдова – Вот ещё! Ведь вы же тут – причина всех бед!

Автор Из духа противоречия она даже повесила над изголовьем больного чашу со святой водой и ветку самшита. Тем не менее религия оказалась такой же бессильной, как и хирургия, - неумолимый процесс разложения прогрессировал. Какими только снадобьями ни пичкали Ипполита, сколько ни ставили ему припарок, разложение тканей шло полным ходом...

Вдова – Господин Бовари, не послать ли в Невшатель за местной знаменитостью, г-ном Каниве?..

Шарль – Да... да...

Автор Пятидесятилетний доктор медицины, преуспевающий, самоуверенный, не счел нужным стесняться и при виде ноги, тронутой разложением до самого колена, презрительно рассмеялся...

Каниве – Ногу необходимо отрезать. Вот они, парижские новшества! Вот они, выдумки столичных господ! Это вроде лечения косоглазия, или применения хлороформа, или удаления камней из мочевого пузыря. Правительству давно бы надо запретить эти безобразия! А они все мудрят, они пичкают больных лекарствами, совершенно не думая о последствиях. Мы, конечно не так сильны, как они, мы другие. Мы - не ученые, не франты, не краснобаи; мы - практики, лечащие врачи, нам в голову не придет оперировать человека, когда он здоровехонек! Выпрямлять

искривление стопы! Да разве можно выпрямить искривление стопы? Это все равно что выпрямить горбуна!

Автор Ампутация, которую должен был сделать доктор Каниве, в жизни города явилась событием значительным. В этот день обыватели, все как один, встали рано, и на Большой улице, хотя она была полна народа, царил зловещая тишина как перед смертной казнью.

Доктор ворвался, как вихрь в "Золотой лев", еще на пороге зычным голосом велел распрячь его лошадь, а затем пошел в конюшню поглядеть, не мало ли задали ей овса. Надо заметить, что, приезжая к больным, он прежде всего проявлял заботу о своей лошади и о своем кабриолете. По этому поводу даже говорили: "Господин Каниве - оригинал!" Но за это несокрушимое спокойствие его только еще больше уважали. Если бы вымерла вселенная, вся до последнего человека, и тогда не изменил бы он самой пустячной своей привычке. Явился Оме...

Каниве - Я рассчитываю на вас. Ну-с, готовы?.. За дело!

Оме – Я - человек чересчур чувствительный и потому ассистировать на такой операции не могу. Когда, понимаете ли, являешься лишь простым зрителем, то и это слишком сильно действует на воображение... Да и нервная система у меня до такой степени...

Каниве - А, будет вам!.. По-моему, вы, скорей всего, склонны к апоплексии. Впрочем, меня это не удивляет, так как вы, господа фармацевты «другие», вы вечно торчите на своей кухне, и со

временем ваша натура портится. Посмотрите-ка на меня: я встаю в четыре часа утра, для бритья употребляю холодную воду (мне никогда не бывает холодно), фланелевых фуфаяк не ношу, ни при каких обстоятельствах не простужаюсь, желудок у меня в исправности! Живу я сегодня так, завтра этак, смотрю на вещи философски, питаюсь от случая к случаю. Оттого-то я не такой неженка, как вы. Мне решительно все равно, кого резать, - крещеного человека или первую попавшуюся домашнюю птицу. Прежде всего, привычка, скажу я вам, привычка!

Автор А Бовари между тем заперся у себя дома. Он сидел внизу, в зале, у нетопленного камина, и, свесив голову на грудь, сложив руки, смотрел в одну точку...

Шарль - Какая злоключенность! Какое разочарование! А ведь я принял все меры предосторожности... Рок обрушился на меня!.. Тем не менее, если Ипполит умрет, я - его убийца! А что мне отвечать больным, если они станут расспрашивать меня во время визитов? Ну, а если всё-таки тут было с моей стороны какое-нибудь упущение? Но ведь и самые знаменитые хирурги обманывались. Этого-то как раз никто и не примет во внимание! Наоборот, начнут насмехаться, злословить! Дойдет до Форжа! До Невшателя! До Руана! Куда угодно! Как бы еще коллеги не настроили на меня статей! Начнется полемика, придется отвечать через газеты. Ипполит может подать на меня в суд. Мне грозит позор, разорение, гибель...

Эмма Я сидела напротив Шарля и смотрела ему в лицо. Его унижение не находило во мне сочувствия - я тоже была унижена:

откуда я взяла, будто этот человек чего-то стоит? Ведь я сто раз убеждалась, как наша жизнь жалка.

(Шарль стал ходить из угла в угол. Сапоги его шаркают по паркету)

Эмма - Сядь! Ты меня раздражаешь!

(он сел, дышит, постанывает)

Эмма Как я могла опять неправильно всё оценить? Я, с моим-то умом! Впрочем, к чему я буду приносить эти бесконечные жертвы во имя какой-то жалкой привязанности?!

Автор Она подумала о своем влечении к роскоши, об утратах своей души, о низости своего замужестве и семейной жизни, о своих мечтах, рухнувших в грязь, как раненые ласточки, обо всем, к чему она стремилась, чем могла бы обладать и в чем себе отказала.

Эмма И ради чего? Ради чего?..

(тишину городка прорезал душераздирающий крик)

Эмма Все ради него, ради этого существа, ради этого человека, который ничего не понимает, ничего не чувствует! Ведь он совершенно спокоен, ему и в голову не приходит, что, дав насмеяться над собой, он осрамил и меня. А я еще старалась полюбить его, со слезами каялась, что уступила другому!

Шарль - А может, это был вальгус?..

Автор Шокирующая неожиданность этой фразы свалилась на мысли Эммы, как свинцовый шар на серебряное блюдо; вздрогнув, она подняла голову, силясь понять, что хотел этим сказать Шарль. Безмолвно они обменялись взглядами, изумляясь, что видят перед собой друг друга, - так они были сейчас далеки.

Шарль смотрел на нее мутным взором пьяницы и в то же время чутко прислушивался к воплям оперируемого - к этим тягучим переливам, которые вдруг переходили в тонкий визг, и тогда казалось, что где-то далеко режут животное.

Эмма Все в нем раздражает сейчас - раздражает его лицо, костюм, то, что он отмалчивается, весь его облик, наконец, самый факт его существования. Зачем я была такой целомудренной?.. Нет... Пусть торжествует измена!

Автор Воспоминания о любовнике вернулись к ней с головокружительным притяжением. Душа ее со всею пылкостью и обновлённым энтузиазмом устремилась к этому образу; а Шарль казался теперь окончательно вырванным из её жизни, до того несуществующим, столь уничтоженным, будто он умирал и корчился в агонии у нее на глазах.

Шарль - Обними меня, моя хорошая!..

Эмма - Оставь меня!..

Шарль - Что с тобой? Что с тобой?.. Успокойся!.. Возьми себя в руки! Ты же знаешь, как я тебя люблю!.. Поди ко мне!

Эмма (*кричит*) - Довольно!

Автор Она выбежала из комнаты и так хлопнула дверью, что барометр упал со стены и разбился. Шарль рухнул в кресло; недоумевающий, потрясенный, он искал причину в её нервном заболевании, плакал, и смутные, зловещие предчувствия охватили его.

Эмма Когда Родольф пришел вечером в сад, я ждала его на нижней ступеньке террасы. Мы обнялись, и от жаркого поцелуя вся злоба растаяла, как снег.

Мы вновь полюбили друг друга. Я часто писала ему днем записки. Потом переходила брусчатую мостовую, делала знак в окно Жюстену, и тот, мигом сбросив фартук, мчался в Ла Юшет. Родольф приходил; мне нужно было только высказать ему, как я соскучилась, как опостылел мне муж и как ужасна моя жизнь.

Родольф - Что же я-то здесь могу поделать?!..

Эмма - Ах, если бы ты захотел!..

Родольф - Чего же?

Эмма - Мы бы переехали... в другое место...

Родольф (*смеясь*) – Ты и вправду сошла с ума! Возможно ли это?!..

Я не признавал осложнений в таком простом деле, как любовь.

Эмма А у меня был свой мотив, своя причина: моя преданность должна была чем-то поддерживаться.

Автор Эта преданность с каждым днем возрастала, как и рушилось отношение к мужу . Чем беззаветнее отдавалась она одному, тем острее ненавидела другого.

Эмма Никогда еще Шарль, этот тугодум с толстыми пальцами и вульгарными манерами, не был мне так противен, как после свидания с Родольфом, после встречи с ним наедине. Разыгрывая добродетельную супругу, я пылала страстью при одной мысли о черных кудрях Родольфа, падавших на его загорелый лоб, об его мощном и в то же время стройном стане, об этом человеке - столь многоопытном и порывистом в своих желаниях! Для него я

обтачивала свои ногти с тщательностью гранильщика, для него не щадила ни кольдекрема для своей кожи, ни пачулей для носовых платков. Я унизывала себя браслетами, кольцами, ожерельями. Перед его приходом я ставила розы в две большие вазы синего стекла, убирала комнату и убиралась сама, точно придворная дама в ожидании принца. Я заставляла прислугу то и дело стирать белье. Фелисите по целым дням не вылезала из кухни, а маленький Жюстен, который вообще часто проводил со мною время, наблюдал за моей работой.

Автор Облокотившись на длинную гладильную доску, он с жадным любопытством рассматривал разложенные перед ним принадлежности дамского туалета: канифасовые юбки, косынки, воротнички, панталоны на тесемках, широкие в бедрах и суживавшиеся книзу.

Жюстен - А это для чего?..

Фелисите (*смеясь*) - А ты никогда таких не видел? Как будто у твоей хозяйки, мадам Оме, не точно такие же.

Жюсиен - Ах, ну да! Мадам Оме!.. Есть ли какая другая женщина на свете, подобная Мадам?..

Фелисите – Поди-ка лучше натолки миндалю. Всегда ты заблуждаешься насчет женщин. Смотри, совсем запутаешься, паршивый мальчишка. Еще борода не начала расти, а туда же!

Жюстен - Ну, ну, не сердись, я вот сейчас ботиночки её в лучшем виде разделаю.

Автор Жюстен брал с подоконника Эммины башмачки, покрытые грязью свиданий, под его руками грязь превращалась в пыль, и он смотрел, как она медленно поднимается в луче солнца.

Фелисите *(со смехом)* – Смотри, не разбей, они же хрустальные!

Автор У Эммы в шкафу было когда-то много обуви, но постепенно она вся почти перешла к служанке, и Шарль никогда не упрекал за это жену.

Шарль Без возражений уплатил я и триста франков за искусственную ногу, которую Эмма сочла необходимым подарить Ипполиту. Протез был пробковый, с пружинными сочленениями, - это был сложный механизм, заправленный в черную штанину, с лакированным ботинком на конце. Однако Ипполит не мог себе позволить роскошь ходить каждый день на такой красивой ноге и выпросил у Эммы другую ногу, попроще. Я разумеется, оплатил и эту покупку.

Автор Все заказы брался выполнять торговец мсье Лере, - это давало ему возможность часто встречаться с Эммой. Он рассказывал ей о парижских новинках, обо всех диковинных женских вещичках, был чрезвычайно услужлив и никогда не требовал денег. Эмму соблазнил такой легкий способ удовлетворять свои прихоти. Так, например, ей захотелось подарить Родольфу очень красивый хлыст, который она видела в одном из руанских магазинов. Через неделю г-н Лере положил ей этот хлыст на стол. Но на другой день он предъявил ей счет на двести семьдесят франков. Эмма растерялась: в ящике письменного стола было пусто.

Лере - Меня самого преследуют кредиторы, деньги у меня все в обороте, и, если я не получу хоть сколько-нибудь, мне придется забрать у вас вещи.

Эмма - Ну и берите!

Лере – О, что вы! Я пошутил. Вот только хлыстика жаль. Признаться, попрошу-ка я вашего супруга вернуть мне его.

Эмма - Нет, нет!

Лере (*про себя*) Ага!.. Скажите на милость!.. Ладно! Посмотрим, посмотрим!

Автор Эмма все еще напрягала мысль в поисках выхода из тупика, когда появилась кухарка и положила на камин сверточек в синей бумаге "от мсье Дерозере". Эмма подскочила, развернула сверток...

Эмма - Пятнадцать наполеондоров... Счет можно оплатить!

Автор На лестнице послышались шаги мужа - Эмма бросила золото в ящик письменного стола и вынула ключ. Через три дня Лере пришел опять.

Лере - Я хочу предложить вам одну сделку. Если вам трудно уплатить требуемую сумму, вы можете...

Эмма (*высыпав монеты на стол*) - Вот четырнадцать наполеондоров...

После его ухода я несколько секунд ощупывала в карманах две монеты по сто су, которые он дал мне сдачи. Я поклялась, что буду теперь экономить и потом все верну. Э!.. Да Шарль про них и не вспомнит!

Автор Кроме хлыста с золоченой ручкой, Родольф получил в подарок печатку с девизом: Любовь в сердце, шарф и портсигар.

Родольф Однако эти подарки унизительны... Я несколько раз отказывался, но Эмма настаивала, и в конце концов, убедившись, что она деспотична и слишком напориста, я покорился. Потом у нее появились какие-то странные фантазии...

Эмма - Когда будет бить полночь, подумай обо мне!.. Ты меня любишь?

Родольф – Ну да, люблю!

Эмма - Очень?

Родольф - Несомненно!

Эмма – Ты ведь не любил других, правда?

Родольф (*со смехом*) - Ты что же думаешь, до тебя я был убеждённым девственником?

Эмма (*сквозь слёзы*) - Да ведь я же люблю тебя!.. Так люблю, что жить без тебя не могу, понимаешь? Порой желание увидеть тебя или неудержимые порывы любви так терзают меня! Думаешь: "Где-то он? Может, он сейчас говорит с другими женщинами? Они ему улыбаются, он к ним подходит..." О нет, только не это, тебе никто больше не нравится, правда? Есть женщины красивее меня, но любить так сильно, как я, никто не умеет! Я твоя раба, твоя наложница! Ты мой повелитель, мой кумир! Ты добрый! Ты прекрасный! Ты умный! Ты сильный!

Родольф Во всем том, что она говорила, для меня не было уже ничего нового, - я столько раз это слышал! Эмма ничем не отличалась от других любовниц. Прелесть новизны постепенно

спадала, точно одежда, обнажая вечное однообразие страсти, у которой всегда одни и те же формы и один и тот же язык. Сходство в оборотах речи заслоняло от меня разницу в оттенках чувства. Я слышал подобные фразы из продажных и развратных уст и потому с трудом верил в искренность Эммы.

Высокопарными словами обычно прикрывается весьма неглубокая привязанность...

Автор Как будто полнота души не изливается подчас в пустопорожних метафорах! Ведь никто же до сих пор не сумел найти точные слова для выражения своих чаяний, замыслов, горестей, ибо человеческая речь подобна треснутому котлу, и когда нам хочется растрогать своей музыкой звезды, у нас получается собачий вальс.

Однако даже при том критическом уме, который составляет преимущество всякого, кто не теряет головы даже в самой упоительной битве, Родольф находил для себя в этом романе нечто заманчивое. Теперь он уже ничуть не стеснялся Эммы. Он был с нею бесцеремонен. Он сделал из нее существо испорченное и податливое. Ее сумасшедшая страсть была проникнута восторгом перед ним, представляла для нее самой источник наслаждений, источник блаженного хмеля, душа ее все глубже погружалась в это опьянение... Ей теперь уже было не стыдно гулять с Родольфом и курить папиросу, словно нарочно "дразня гусей". Когда же она в один прекрасный день вышла из "Ласточки" в жилете мужского покроя, у тех, кто еще сомневался, рассеялись всякие сомнения, и в такой же мере, как местных

жительниц, возмутило это и г-жу Бовари-мать, сбежавшую к сыну после дикого скандала с мужем.

Г-жа Бовари мать Впрочем, мне не понравилось и многое другое: во-первых, Шарль не внял моим советам запретить чтение романов; потом мне не нравился самый дух этого дома. Я делала замечания, но это вызывало неудовольствие, а как-то раз из-за Фелисите у невестки со мной вышла крупная ссора. Накануне вечером я, проходя по коридору, застала Фелисите с мужчиной - мужчиной лет сорока, с темными бакенбардами; заслышав шаги, он опрометью выскочил из кухни.

(Эмма смеётся)

Г-жа Бовари мать Только безнравственные люди не следят за нравственностью слуг!..

Эмма *(продолжая смеяться)* - Вы что, с луны свалились?

Г-жа Бовари мать - Уж не по своим ли собственным причинам вы вступаетесь за неё?..

Эмма - Убирайтесь!..

Шарль - Эмма!.. Мама!..

Эмма - Как она себя ведёт! Крестьянка!

Г-жа Бовари - Нахалка! Ветренница! А может, еще хуже!.. Если она не извинится, я сейчас же уеду!..

Шарль – Эмма! Умоляю тебя!..

Эмма - Ладно!.. Извините, сударыня.

У меня с Родольфом был уговор, что в каком-нибудь исключительном случае я прикреплю к оконной занавеске клочок белой бумаги: если Родольф будет в это время в Ионвиле, то по

этому знаку сейчас же пройдет на задворки. Я подала сигнал. Прождав три четверти часа, я вдруг увидела Родольфа на углу крытого рынка. Я чуть было не отворила окно и не окликнула его, но он уже исчез. Я снова впала в отчаяние. Вскоре мне, однако, послышались шаги на тротуаре. Конечно, это был он. Я спустилась с лестницы, перебежала двор. Он стоял там в проулке. Я кинулась к нему в объятья...

Родольф - Надо же быть осторожной...

Эмма - Ах, если б ты знал!..

Автор И тут она рассказала ему все - рассказала торопливо, бессвязно, сгущая краски, выдумывая, со множеством отступлений, которые окончательно сбили его с толку.

Родольф - Полно, мой ангелочек! Возьми себя в руки! Потерпи!

Эмма - Но я уже четыре года терплю и мучаюсь!.. Я, не стыдясь, призналась бы в нашей любви перед лицом Божиим! Они меня истерзали. Я больше не могу! Спаси меня!..

Родольф - Что же делать? Чего ты хочешь?

Эмма - Забери меня отсюда! Увези меня!.. Я тебя умоляю!

Родольф - Но...

Эмма - Что такое?

Родольф - А твоя дочь?

Эмма - Ничего не поделаешь, возьмём её с собой!

Родольф - Какая женщина!..

Шарль (издалека) - Эмма!..

Эмма - Меня зовут... (уходя) До встречи, любимый...

Автор Все последующие дни Бовари-мать не могла надивиться перемене, происшедшей в невестке. Действительно, Эмма стала покладистее, почтительнее, снизошла даже до того, что спросила у свекрови рецепт засолки огурцов.

Делалось ли это для того, чтобы одурачить других? Или же это был своего рода сладострастный стоицизм, желание глубже почувствовать убожество всего того, что она покидала? Нет, она была далека от этой мысли, как раз наоборот: она вся ушла в предвкушение близкого счастья. С Родольфом она только об этом и говорила.

Эмма – Ну же! Когда, наконец, мы будем с тобой в почтовой карете!.. Ты мечтаешь об этом? Возможно ли?.. Мне всё чудится, как лошади понесут нас стрелой, и у меня, наверно, будет такое чувство, словно мы поднимаемся на воздушном шаре, словно мы возносимся к облакам. Знаешь, я уже считаю дни... А ты?

Родольф За последнее время Эмма как-то особенно похорошела. Она была красива тою, не поддающейся определению красотой, которую питают радость, воодушевление, удача и которая, в сущности, есть не что иное, как гармония между темпераментом и обстоятельствами жизни.

Эмма Вожделения, горести, опыт в наслаждениях, вечно юные мечты - все это было так же необходимо для моей души, как цветам необходимы удобрение, дождь, ветер и солнце, и теперь я раскрылась во всей полноте своей природы.

Родольф Разрез ее глаз был словно создан для влюбленных взглядов, во время которых ее зрачки пропадали, тонкие ноздри

раздувались от глубокого дыхания, а уголки полных губ, затененных черным пушком, хорошо видным при свете, оттягивались кверху. Казалось, опытный в искушениях художник укладывал завитки волос на ее затылке. А когда прихоть тайной любви распускала ее волосы, они падали небрежно, тяжелой волной.

Шарль Голос и движения Эммы стали мягче. Что-то пронзительное, но неуловимое исходило даже от складок ее платья, от изгиба ее ноги. Мне она представлялась столь же пленительной и неотразимой, как в первые дни после женитьбы. Когда я возвращался домой поздно, я не смел ее будить. От фарфорового ночника на потолке дрожал световой круг, а в тени, у изножья кровати, белой палаткой вздувался полог над колыбелью. Я смотрел на Эмму и на дочку. Мне казалось, что я улавливаю легкое дыхание девочки. Теперь она будет расти не по дням, а по часам; каждое время года означает в ней какую-нибудь перемену. Я представлял себе, как она с веселым личиком возвращается под вечер из школы, платьице на ней выпачкано чернилами, на руке она несет корзиночку. Потом надо будет отдать ее в пансион - это обойдется недешево. Как быть?.. Я рассчитывал арендовать где-нибудь поблизости небольшую ферму, с тем чтобы каждое утро по дороге к больным присматривать за ней самому. Доход от нее я буду копить, деньги положу в сберегательную кассу, потом приобрету какие-нибудь акции, а тем временем и пациентов у меня прибавится. На это я особенно надеялся: мне хотелось, чтобы Берта была хорошо воспитана,

чтобы у нее проявились способности, чтобы она выучилась играть на фортепьяно. К пятнадцати годам это уже будет писаная красавица, похожая на мать, и летом, когда обе наденут соломенные шляпки с широкими полями, издали их станут принимать за сестер. Воображению рисовалось, как Берта, сидя подле родителей, рукодельничает при лампе. Она вышьет мне туфли, займется хозяйством, наполнит весь дом своей жизнерадостностью и своим обаянием. Наконец, надо будет подумать об устройстве ее судьбы. Мы подыщем ей какого-нибудь славного малого, вполне обеспеченного, она будет с ним счастлива - и уже навек.

Автор Эмма не спала, она только притворялась спящей, и в то время, как Шарль, лежа рядом с ней, засыпал, она бодрствовала в мечтах об ином.

Эмма Вот уже неделя, как четверка лошадей мчит меня в неведомую страну, откуда ни я, ни Родольф никогда не вернёмся. Мы едем, едем, молча, обнявшись. С высоты нашему взору внезапно открывается чудный город с куполами, мостами, кораблями, лимонными рощами и беломраморными соборами, увенчанными островерхими колокольнями, где аисты вьют себе гнезда. Мы едем шагом по неровной мостовой, и женщины в красных корсажах предлагают нам цветы. Гудят колокола, кричат мулы, звенят гитары, лепечут фонтаны, и водяная пыль, разлетаясь от них во все стороны, освежает груды плодов, сложенных пирамидами у пьедесталов белых статуй, улыбающихся сквозь струи фонтанов. А вечером мы с Родольфом

приезжаем в рыбачий поселок, где вдоль прибрежных скал, под окнами лачуг, сушатся на ветру бурые сети. Здесь мы и будем жить; мы поселимся у моря, на самом краю залива, в низеньком домике с плоскою кровлей, возле которого растет пальма. Будем кататься на лодке, качаться в гамаке, и для нас начнется жизнь легкая и свободная, как наши шелковые одежды, теплая и светлая, как тихие звездные ночи, что зачаруют наш взор...

Автор Но в это время кашляла в колыбельке девочка или же Бовари особенно громко всхрапывал - и Эмма засыпала лишь под утро, когда стекла окон белели от света зари и Жюстен открывал в аптеке ставни.

Однажды она вызвала г-на Лере.

Эмма - Мне нужен плащ, длинный плащ на подкладке, с большим воротником.

Лере - Вы отправляетесь в путешествие?

Эмма - Нет, но... Тем не менее, я рассчитываю на вас. Не так ли? И поскорее!

Лере – Всегда к вашим услугам, мадам.

Эмма - Еще мне нужен чемодан... Не очень тяжелый... удобный.

Лере - Да, да, понимаю. Приблизительно девяносто два на пятьдесят, - сейчас делают такие.

Эмма - И спальный мешок.

Лере (*про себя*) – Определённо поскандалили...

Эмма – Вот часы, возьмите сверх оплаты.

Лере - Это напрасно: мы же знаем друг друга, неужели я вам не поверю? Какое ребячество!..

Эмма – Возьмите хотя бы цепочку.

Лере – Что ж, как вам будет угодно. Прощайте...

Эмма (*вслед*)- Все это вы оставьте у себя. А плащ... плащ тоже не приносите. Вы только дайте мне адрес портного и предупредите его, что плащ мне скоро может понадобится.

Автор Бежать они должны были в следующем месяце. Она поедет в Руан будто бы за покупками. Родольф возьмет билеты, выправит паспорта и напишет в Париж, чтобы ему заказали карету до Марселя, а в Марселе они купят коляску и уже без пересадок поедут по Генуэзской дороге.

Эмма Я заранее отошлю свой багаж к Лере, оттуда его доставят прямо в "Ласточку", и таким образом ни у кого не возникнет подозрений...

Автор Во всех этих планах отсутствовала Берта. Родольф не решался заговорить о ней; Эмма, может быть, даже о ней и не думала.

Родольф Мне нужно было еще две недели, чтобы покончить с делами. Через восемь дней я попросил отсрочки еще на две недели, потом сказался больным, потом уехал...

Эмма Так прошел август, и наконец, после всех этих оттяжек, был назначен окончательный срок - понедельник четвертого сентября.

Наступила суббота, канун кануна.

Автор Вечером Родольф пришел раньше, чем обычно.

Эмма - Все готово?

Родольф - Да.

Эмма - Тебе грустно...

Родольф - Нет, почему же?..

Эмма - Это оттого, что ты уезжаешь, расстаешься со всем, к чему привык, со всей своей прежней жизнью?.. Ах, я понимаю... Но я... у меня ничего нет на свете! Ты для меня все. И я тоже буду для тебя всем - я заменю тебе семью, родину, буду заботиться, буду любить тебя.

Родольф - Как ты прелестна!..

Эмма (*смеясь*) - Правда? Ты меня любишь? Поклянись!

Родольф - Люблю ли я тебя! Люблю ли я тебя! Я тебя обожаю, любовь моя!

Автор На горизонте, за лугами, показалась круглая багровая луна. Она всходила быстро; кое-где, точно рваный черный занавес, ее прикрывали ветви тополей. Затем она, уже ослепительно-белая, озарила пустынный небосвод и, замедлив свое течение, обронила в реку огромный блик, тотчас же засиявший в воде мириадами звезд. Этот серебристый отблеск, точно безголовая змея, вся в сверкающих чешуйках, извивался в зыбях вплоть до самого дна. Еще это было похоже на гигантский канделябр, по которому стекали капли расплавленного алмаза. Кругом простиралась тихая ночь. Листья деревьев были окутаны покрывалами тени. Дул ветер, и Эмма, полузакрыв глаза, жадно вбирала в себя его свежесть.

Родольф – Ах! дивная ночь!..

Эмма - У нас будут еще и другие! Да, будет чудесное путешествие... Но отчего у меня так тяжело на сердце? Что это:

боязнь неизвестности? Или оттого, что я оставляю свои привычки?.. Или скорее... Нет, это от избытка счастья! Какая я малодушная, не так ли? Прости меня!

Родольф - Еще есть время! Обдумай! Может быть, потом раскаешься.

Эмма - Никогда! Что за несчастье может со мною случиться? Нет на свете пустынь, нет ни пропастей, ни океанов, которые бы я не преодолела с тобой. Лишь только мы окажемся вместе, наша жизнь превратится в объятие, которое день ото дня будет все теснее и крепче! Нас ничто не смутит - ни препятствия, ни заботы! Мы будем одни, совершенно одни, навечно... Ну, скажи же что-нибудь, ответь мне!

Родольф - Да... да...

Эмма (*с детской интонацией*) - Родольф! Родольф!.. Ах, Родольф, милый, маленький Родольф!

(пробило полночь)

Эмма - Полночь! Вот и наступило завтра! Еще один день! (*весело*)
Паспорта у тебя?

Родольф - Да.

Эмма - Ты ничего не забыл?

Родольф - Ничего.

Эмма - Уверен?

Родольф - Конечно!

Эмма - Ты меня ждешь в отеле "Прованс", не так ли?.. В полдень?

Родольф - Да.

Эмма (*целуя*) - Ну, до завтра!..

Автор Эмма долго смотрела ему вслед. Родольф не оборачивался. Эмма побежала за ним и склонилась над водой среди зарослей тростника.

Эмма (*кричит*) - До завтра!

Автор Он был уже за рекой и быстро шагал по лугу. Через несколько минут Родольф остановился. И когда он увидел, как она в белом платье, медленно, словно призрак, скрывается в темноте, у него сильно забилося сердце, и, чтобы не упасть, он прислонился к дереву.

Родольф - Какой же я идиот! Чёрт подери!.. Всё равно, она была неплохой любовницей!.. Чтобы я покинул родину! Да еще с младенцем, с такой обузой!.. И потом возня, расходы... Ах, нет, нет, тысячу раз - нет! Это было бы слишком глупо!

Автор Как только Родольф пришел домой, он, не теряя ни секунды, сел за свой письменный стол, под оленьей головой, висевшей на стене в виде трофея. Но стоило ему взять в руку перо, как все слова вылетели у него из головы, и, облокотившись на стол, он задумался. Эмма уже была для него далеким прошлым; принятое им решение мгновенно образовало между ними громадное расстояние.

Родольф Чтобы не совсем утратить память о ней, я, подойдя к шкафу, стоявшему у изголовья кровати, вынул старую коробку из-под реймских бисквитов, куда я имел обыкновение прятать женские письма, - от нее пахло влажной пылью и увядшими розами. Первое, что я увидел, - это носовой платок, весь в выцветших пятнышках. Платок Эммы, которым она

вытиралась, когда у нее как-то раз на прогулке пошла носом кровь... Рядом лежал миниатюрный портрет Эммы; все четыре уголочка его обтрепались. **Автор** Ее туалет показался Родольфу претенциозным, в ее взгляде - она делала глазки - было, по его мнению, что-то в высшей степени жалкое. Глядя на портрет, Родольф пытался вызвать в памяти оригинал, и черты Эммы постепенно расплывались, точно живое и нарисованное ее лицо терлись одно о другое и смазывались.

Родольф Потом я стал читать ее письма. Они целиком относились к отъезду и были кратки, деловиты и настойчивы, как служебные записки. Мне хотелось почитать длинные ее письма - более ранней поры. Они хранились на самом дне коробки, и, чтобы извлечь их, я вывалил все остальные и машинально начал рыться в груде бумаг и вещей, обнаруживая то букетик, то подвязку, то черную маску, то булавку, то волосы - темные, светлые... Иные волоски цеплялись за металлическую отделку коробки и рвались, когда она открывалась.

Автор Скитаясь в воспоминаниях, он изучал почерк и слог писем, разнообразных, как их орфография. Были среди них нежные и веселые, шутливые и грустные: в одних просили любви, в других просили денег. Какое-нибудь одно слово воскрешало в его памяти лицо, движения, звук голоса; в иных случаях, однако, он ничего не в силах был припомнить.

Заполонив его мысли, эти женщины мешали одна другой, мельчали, общий уровень любви нивелировал их.

Родольф – Какая всё это чепуха!.. Ну что ж, приступим! (*начал писать*)

"Мужайтесь, Эмма, мужайтесь! Я не хочу быть причиной несчастья вашей жизни..."

- В конце концов, так оно и есть, я действую в ее же интересах, я поступаю честно.

"Тщательно ли Вы обдумали свое решение? Представляете ли Вы себе, мой ангел, в какую пропасть я увлек бы Вас за собой? Нет! Не так ли? Вы, как сумасшедшая, доверчиво шли вперед, в чаянии близкого счастья... О, как же мы несчастны! безрассудны!"

- Не написать ли ей, что я потерял всё своё состояние?.. Ах, нет! Ведь это ничего не изменит. Немного погодя все начнется сызнова. Разве таких женщин, как она, можно заставить прислушаться к разуму?

"Я никогда Вас не забуду, поверьте, моя глубокая преданность Вам останется неизменной, но рано или поздно, в один прекрасный день наш пыл (такова уж участь человеческих влечений) все равно бы охладел! На смену пришла бы душевная усталость, и кто знает? Быть может, мне бы еще пришлось терзаться при виде того, как Вы раскаиваетесь, и меня бы тоже охватило раскаяние от сознания, что страдаете Вы из-за меня! Одна мысль о том, как Вам будет тяжело, приводит меня в отчаяние, Эмма! Забудьте обо мне! Зачем я Вас встретил? Зачем Вы так прекрасны? Моя ли это вина? О мой Бог! Нет, нет, всему виною рок!"

- Вот слово, которое всегда производит эффект...

"О, будь Вы одною из тех фривольных женщин, что встречаются на каждом шагу, я, конечно, мог бы на это пойти из чистого эгоизма, и тогда моя попытка соблазнить была бы для Вас безопасна. Но Ваша восхитительная экзальтированность, составляющая тайну Вашего обаяния и вместе с тем служащая источником Ваших мучений, она-то и помешала Вам, очаровательная женщина, понять всю ложность нашего будущего положения! Я тоже сперва ни о чем не думал и, не предвидя последствий, отдыхал, словно под одурманивающей сенью манцинеллы, под сенью безоблачного счастья".

- Еще, чего доброго, подумает, что я отказываюсь от нее из скупости...

А, все равно! Тем хуже! Пора кончать!

"Свет жесток, Эмма. Он стал бы преследовать нас неотступно. Вам пришлось бы терпеть все: и нескромные вопросы, и клевету, и презрение, а может быть, даже и оскорбления. Оскорбление, нанесенное Вам! О!.. А ведь я уже мысленно поместил Вас на троне! Память о Вас я буду носить с собой, как некий талисман! И вот, за все зло, которое я Вам причинил, я обрекаю себя на изгнание. Я уезжаю. Куда? Я ничего не знаю. Я схожу с ума. Прощайте! Оставайтесь всегда здоровой. Сохраните воспоминания о несчастном, утратившим Вас. Научите Вашу дочь повторять моё имя в своих молитвах».

- Кажется всё. А! вот еще что надо прибавить, а то, как бы она не бросилась меня преследовать...

"Когда Вы станете читать эти печальные строки, я буду уже далеко. Чтобы не поддаваться искушению снова увидеть Вас, я решил бежать, как можно быстрее. Прочь, малодушие! Я еще вернусь, и тогда - кто знает? - быть может, впоследствии мы с Вами уже хладнокровно вспомним нашу прежнюю любовь. Прощайте! С Богом!.."

- А как теперь подписаться? "Всецело преданный Вам"? Нет. "Ваш друг"?.. Да, вот так.

"Ваш друг".

- Бедняжка!.. Она решит, что я - твердокаменный. Надо бы тут слезу пролить, но не умею я плакать, не моя в том вина.

Автор Родольф налил в стакан воды и, обмакнув палец, капнул на бумагу - на ней тотчас же образовалось большое бледное чернильное пятно. Он поискал, чем запечатать письмо, и ему попалась печатка с надписью «Любовь в сердце».

Родольф - Не очень-то это сюда подходит... А, всё равно!..

Автор Затем он выкурил три трубки и лег спать.

На другой день Родольф, как только встал (это было уже около двух часов - он заспался), велел набрать корзинку абрикосов. На самое дно он положил письмо, прикрыл его виноградными листьями и тут же отдал распоряжение своему работнику Жирару бережно отнести корзинку г-же Бовари. Родольф часто переписывался с ней таким образом - посылал ей, смотря по сезону, то фрукты, то дичь.

Родольф - Если она спросит обо мне, то скажи, что я уехал в путешествие. Корзинку отдай прямо ей в руки... Иди и будь осторожен!

Автор Жирар надел новую блузу, завязал корзинку с абрикосами в платок и, тяжело ступая в своих грубых, с подковками, сапогах, преспокойно зашагал в Ионвиль. Когда он вошел в кухню к Бовари, Эмма и Фелисите раскладывали на столе белье.

Жирар - Вот, что послал вам наш хозяин...

Эмма Эмму охватило дурное предчувствие. Ища в карманах мелочь, она дико смотрела на крестьянина, а тот в изумлении глядел на нее - он никак не мог понять, чем может взволновать человека такой подарок. Наконец он ушел. Фелисите оставалась на кухне. Эмма не выдержала - она бросилась в залу якобы затем, чтобы унести абрикосы, опрокинула корзинку, разворошила листья, нашла письмо, вскрыла его и, точно за спиной у нее полыхал ужасающий пожар, не помня себя, побежала в свою комнату.

Эмма Там был Шарль - я увидела его сразу. Он заговорил со мной, но я его не слышала - ошеломленная, обезумевшая, тяжело дыша, я уже взбегала по ступенькам лестницы, а в руке у меня все еще гремел, точно лист жести, этот ужасный листок бумаги. На третьем этаже я остановилась перед затворенной дверью на чердак. Тут я перевела дух и вспомнила про письмо; надо было дочитать его, но я не решалась. Да и где? Как? Меня могли увидеть...

Ах нет, вот сюда! Здесь меня не найдут...

Автор Она толкнула дверь и вошла. Шиферная кровля накалилась, и на чердаке было до того душно, что у Эммы сразу застучало в висках, она задыхалась. Она еле дошла до запертой мансарды, отодвинула засов, и в глаза ей хлынул ослепительно яркий свет.

Прямо перед ней, за крышами, куда ни помотришь, расстилались поля.

Внизу была видна безлюдная площадь: сверкал на солнце булыжник, флюгера не вертелись, из углового дома, из нижнего этажа доносился скрежет токарного станка. Эмма прислонилась к стене мансарды и, усмехаясь недоброй усмешкой, стала перечитывать письмо.

Эмма Но чем внимательнее я в него вчитывалась, тем больше путались у меня мысли. Я видела Родольфа, слышала его, обнимала. Сердце билось в груди мощными ударами неровно и учащенно. Я смотрела вокруг, и мне хотелось, чтобы подо мной разверзлась земля. Почему не покончить со всем? Что меня удерживает? Ведь я свободна! Я шагнула и, бросив взгляд на мостовую, сказала себе:

- Ну же! Ну!..

Автор Луч света, исходящий снизу, тянул в пропасть ее тело, ставшее вдруг невесомым. Ей казалось, что мостовая ходит ходуном, взбирается по стенам домов, что пол накреняется, будто палуба корабля во время качки. Эмма стояла на самом краю, почти перевесившись, лицом к лицу с бесконечным пространством. Синева неба обволакивала ее, в опустевшей

голове шумел ветер, Эмме надо было только уступить, сдаться. А токарный станок все скрежетал - казалось, будто кто-то звал ее злобным голосом.

Шарль (*кричит издали*) - Жена! Жена!.. Где же ты? Иди сюда!

Автор При мысли о том, что она была на волосок от смерти, Эмма едва не лишилась чувств. Она закрыла глаза и невольно вздрогнула: кто-то тронул ее за рукав. Это была Фелисите.

Фелисите – Мсье вас ждёт, мадам. Суп подан.

Эмма И пришлось мне сойти вниз! Пришлось сесть за стол!

Я пыталась есть, но кусок застревал в горле. Наконец я развернула салфетку будто бы для того, чтобы посмотреть штопку, и в самом деле начала пересчитывать нитки. Вдруг я вспомнила про письмо. Неужели я его потеряла? Надо найти!

Автор Но душевная усталость взяла верх, и Эмма так и не придумала, под каким бы предлогом ей встать из-за стола. Потом на нее напал страх - она боялась Шарля.

Эмма Он знает все, это несомненно!..

Шарль - Должно быть, мы теперь не скоро увидим Родольфа.

Эмма (*резко*) - Кто тебе сказал?

Шарль - Кто мне сказал? Жирар - я его сейчас встретил возле кафе "Франция". Родольф то ли уже уехал, то ли собирается уехать.

(Эмма всхлинула)

Шарль - А почему это тебя удивляет? Он часто уезжает развлечься, и я его понимаю. Человек состоятельный, холостой, что ему!.. Впрочем, развлекаться наш друг умеет... Повеса!.. Мне рассказывал Ланглуа...

Автор Тут вошла служанка, и Шарль из приличия замолчал. Фелисите собрала в корзинку разбросанные на этажерке абрикосы. Шарль, не заметив, как покраснела жена, велел подать их на стол, взял один абрикос и надкусил.

Шарль (*жуя*) – М-м, прекрасно!.. Возьми, попробуй! Ты только понюхай! Какой аромат!

Эмма (*вскочив*) - Мне душно!.. Ничего, ничего! Это нервы! Сиди и ешь!

Автор Шарль послушно сел. Косточки от абрикосов он сначала выплевывал себе в ладонь, а потом клал на тарелку.

Вдруг по площади крупной рысью пронёсся синий кабриолет. Эмма вскрикнула и упала навзничь.

Родольф После долгих размышлений я решил съездить в Руан. Но из Ла Юшет в Бюши можно попасть только через Ионвиль - другой дороги нет...

Автор Эмма мгновенно узнала экипаж Родольфа по свету фонарей, точно молния прорезавших сумерки.

На шум в доме Бовари прибежал фармацевт. Стол со всей посудой был опрокинут: соусник, жаркое, ножи, солонка, судок с прованским маслом – все это валялось на полу. Шарль звал на помощь, перепуганная Берта кричала.

Фелисите дрожащими руками расшнуровывала барыню. Тело Эммы сотрясали конвульсии.

Оме - Я сбегал и нашел в моей лаборатории немного ароматического уксусу... (*Эмма нюхает*) Вот... Я был уверен! Это и мертвого разбудит.

Шарль - Скажи что-нибудь! Скажи что-нибудь!.. Опомнись! Это я, твой Шарль, который так любит тебя! Ты узнаёшь меня? А вот твоя дочка! Поцелуй же ее!

Эмма - Нет, нет... Никого!

Автор Она лежала вытянувшись, приоткрыв рот, смежив веки, раскинув руки, безжизненная, белая, как восковая фигура. Из глаз у нее струились слезы и медленно стекали на подушку.

Оме – Успокойтесь, Шарль! По-моему, приступ закончился.

Шарль - Да, пусть она теперь отдохнет! Бедняжка!.. Бедняжка!..
Опять обморок!..

Оме - Как это с ней случилось?

Шарль – Это началось внезапно, когда она ела абрикосы.

Оме - Невероятно!.. Но, может быть, именно абрикосы и вызвали обморок! Есть такие натуры, на которые очень сильно действуют определенные запахи. Интересно было бы рассмотреть это явление и с точки зрения патологической, и с точки зрения физиологической. Попы давно уже обратили на него внимание - не даром при совершении обрядов они пользуются ароматическими веществами. Так они одурманивают молящихся и вызывают экстаз, причем особенно легко этому поддаются представительницы прекрасного пола - ведь они же слабее мужчин. Нам известно, что некоторые женщины теряют сознание от запаха жженого рога, от запаха свежее испеченного хлеба...

Шарль – Осторожно, не разбудите ее!

Оме - И эта аномалия наблюдается не только у людей, но и у животных. Вы, конечно, знаете, что у породы кошачьих

возбуждает похоть *pereta cataria*, в просторечии именуемая котовиком. А вот вам другой пример, - ручаюсь, что это сушая правда: у моего старого товарища Бриду (он сейчас живет в Руане на улице Мальпалю) есть собака, - так вот, поднесите вы ей к носу табакерку, и она сейчас же забьется в судорогах. Бриду частенько показывает этот опыт друзьям в своей беседке, в Буа-Гильом. Ну кто бы мог подумать, что простое чихательное средство способно производить такие потрясения в организме четвероногого? Чрезвычайно любопытно, не правда ли?

Шарль (*не слушая*) – Да, да...

Оме - Это доказывает, что нервные явления многообразны. А что касается вашей супруги, то, признаюсь, я всегда считал, что у нее повышенная чувствительность. И я бы на вашем месте, дорогой друг, не стал применять ни одного из новых хваленых средств, - подавляя симптомы болезни, они подавляют и нашу натуру. Нет, нет, долой бесполезные медикаменты! Всё что нужно – это режим! Седативные, смягчительные, успокоительные средства!.. А вы не находите, что, может быть, следует подействовать на ее воображение?

Шарль – Чем? Как?..

Оме – Ах, в этом-то весь вопрос! Вопрос действительно сложный! That is the question, как я недавно прочел в журнале.

Эмма (*в забытьи*) – А письмо? Письмо?..

Оме – Похоже, у неё бред.

Шарль В полночь Эмма и правда начала бредить. Стало ясно, что у нее воспаление мозга. Сорок три дня я не отходил от Эммы. Я

забросил своих пациентов, не ложился спать, только и делал, что щупал ей пульс, ставил горчичники и холодные компрессы. Я гонял Жюстена за льдом в Невшатель; лед по дороге таял; я посылал Жюстена обратно. Я пригласил на консультацию г-на Каниве, вызвал из Руана своего учителя, доктора Ларивьера. Я был в полном отчаянии. В состоянии Эммы меня особенно пугал упадок сил. Она не произносила ни слова, она ничего не слышала. Казалось, она совсем ничего не чувствует...

Автор Она словно отдыхала и душой и телом после всех треволнений.

И вот в середине октября она уже могла сидеть в постели, опершись на подушки. Когда она съела первый ломтик хлеба с вареньем, Шарль разрыдался.

Шарль Силы возвращались к ней. Днем она на несколько часов вставала, а как-то раз, когда дело явно пошло на поправку, я попробовал погулять с ней по саду. Песок на дорожках был сплошь усыпан палыми листьями. Эмма шла медленно, шаркая туфлями, всей тяжестью опираясь на меня, шла и улыбалась.

Автор Так они добрались до конца сада - дальше начинался обрыв. Эмма с трудом подняла голову и из-под ладони посмотрела вокруг. Ей было видно далеко-далеко, но на всем этом пустынном просторе глаз различал лишь дымившиеся костры - это жгли траву на холмах.

Шарль - Ты утомишься, моя дорогая... Сядь на скамейку - здесь тебе будет хорошо.

Эмма – О! Нет, только не туда, не туда!..

Автор У нее закружилась голова. А вечером Эмма снова слегла в постель. Но только теперь болезнь ее с трудом поддавалась определению - слишком разнообразны были симптомы. У Эммы болело то сердце, то грудь, то голова, то руки и ноги. Появилась рвота, и Шарль счел это первым признаком рака. В довершение всего у бедного Шарля стало туго с деньгами.

Шарль Во-первых, я не знал, чем буду расплачиваться с г-ном Оме за лекарства. Как врач, я имел право не платить вовсе, и, однако, краснел при одной мысли об этом долге. Кроме того, бразды правления у нас в доме перешли к кухарке, и хозяйственные расходы достигли ужасающих размеров; счета так и сыпались; поставщики ворчали; особенно донимал г-н Лере.

Автор В самый разгар болезни Эммы он, воспользовавшись этим обстоятельством, чтобы увеличить счет, поспешил принести плащ, спальный мешок, два чемодана вместо одного и еще много разных вещей.

Шарль - Все это мне не нужно...

Лере – Эти вещи были мне заказаны, и обратно я их не возьму.

Шарль - Мадам беспокоить нельзя - ей это вредно.

Лере (уходя) - Как хотите, а только я товар не унесу и в случае чего докажу свои права в суде.

Шарль – Фелисите, немедленно отошлите ему вещи в магазин!..

Автор Фелисите позабыла; Шарля одолевали другие заботы.

Словом, вещи так тут и остались. Тогда г-н Лере предпринял еще одну попытку и мольбами и угрозами в конце концов вырвал у Бовари вексель сроком на полгода. Но едва Шарль поставил свою

подпись, как у него явилась смелая мысль – занять у г-на Лере тысячу франков.

Шарль - Скажите, где бы мне раздобыть тысячу франков сроком на один год и под любые проценты?..

Тысяча франков! Я долго ломал себе голову, где мне на будущий год достать столько денег. Я перебирал в уме всевозможные способы - обратиться к отцу, продать что-нибудь. Но отец ни за что не даст, а продать нечего. Положение безвыходное, и я стал гнать от себя мрачные мысли. Я упрекал себя, что материальные заботы отвлекают меня от Эммы, а между тем всеми помыслами я должен быть с ней; если непрестанно не думать об этом,- значит что-то украсть у нее.

Автор Зима была суровая. Выздоровление Мадам было долгим. В ясные дни ее подвозили в кресле к окну, выходящему на площадь, - окно в сад было теперь всегда завешено, мадам Бовари не могла вспомнить о саде. Лошадь она велела продать, - все, что она прежде любила, разонравилось ей теперь. Мысли ее вращались вокруг нее самой. Лежа в постели, она принимала легкую пищу, звонила прислуге, чтобы узнать, не готов ли травяной настой, или просто поболтать с ней. От снега, лежавшего на рыночном навесе, в комнату проникал белый, неподвижный отблеск. Между тем зарядили дожди. Каждый день Эмма не без волнения следила за ходом городских событий, хотя события происходили все неважные, притом всегда одни и те же и не имели отношения к Эмме.

Эмма В тот день, когда мне было особенно плохо, я подумала, что умираю, и захотела причаститься. Во время приготовлений к таинству, пока мой заставленный лекарствами комод превращали в алтарь, пока Фелисите разбрасывала по полу георгины, у меня было такое ощущение, будто на меня нисходит непостижимая сила и избавляет от всех скорбей, будто я уже ничего не воспринимаю и ничего не чувствую...

Автор Облегченная плоть ни о чем больше не помышляла, начиналась иная жизнь. И мнилось Эмме, что душа ее, возносясь к Господу, растворяется в божественной любви, подобно тому, как дым от ладана расходуется в воздухе. Постель окропили святой водой, священник вынул из дароносицы белую облатку, и, изнемогая от неземного блаженства, Эмма протянула губы, чтобы принять тело Христово. Вокруг нее, словно облака, мягко круглились занавески алькова, две горевшие на комодке свечи показались ей ослепительными нимбами.

Эмма Я уронила голову на подушки, и мне почудилось, будто где-то вдали запели арфы серафимов, будто надо мной раскинулось лазурное небо, а в небе, на золотом троне, окруженный святыми с зелеными пальмовыми ветвями в руках, мне привиделся Бог-отец во всей его славе, и будто по его мановению ангелы с огненными крыльями спускаются на землю, чтобы унести меня в своих объятиях.

Автор Это чудное видение запечатлелось в ее памяти как нечто неизъяснимо прекрасное. Она старалась вызвать в себе чувство, которое она испытала тогда и которое с тех пор не переставало

жить в ней, - чувство, лишенное прежней силы, но зато сохранившее всю свою пленительную глубину. Душа ее, сломленная гордыней, находила успокоение в христианской кротости. Наслаждаясь разрушением своей воли, Эмма созерцала его, как широкие ворота, через которые на нее снизойдет милость божья.

Эмма Значит, есть же на земле неизреченные блаженства, и перед ними земное счастье - прах, есть любовь превыше всякой другой, любовь непрерывная, бесконечная, неуклонно растущая!..

Автор Охваченная иллюзорными надеждами, Эмма смутно предвидела, что душа человеческая, достигнув совершенства, способна воспарить над землею и слиться с небесами. И она мечтала об этом. Ей захотелось стать святой. Она купила четки, стала носить амулеты; она думала о том, как хорошо было бы повесить у себя в комнате над изголовьем усыпанный изумрудами ковчег и каждый вечер прикладываться к нему.

Священник Меня изумило такое ее настроение, но я опасался, что Эмма из-за своей чрезмерной набожности может впасть в ересь и сумасбродство. Богобоязненность Эммы не укладывалась в известные рамки, и это было уже вне моей компетенции, поэтому я счел за благо написать торговцу книгами духовно-нравственного содержания г-ну Булару и попросить его прислать "что-нибудь достойное внимания для одной очень умной особы женского пола".

Автор Книгопродавец отнесся к его просьбе столь же равнодушно, как если бы ему дали заказ на поставку скобяного товара неграм,

и упаковал подряд все благочестивые книги, которые были тогда в ходу.

Мадам Бовари была еще не в силах на чем-либо сосредоточиться - для этого у нее была недостаточно ясная голова, а на присланные книги она набросилась с излишней жадностью. К церковной догматике она сразу почувствовала отвращение; в сочинениях полемических ожесточенные нападки на лиц, о которых она не имела понятия, прискучили ей; наконец, в светских повестях религиозного направления она обнаружила полнейшее незнание жизни; она надеялась, что благочестивые книги докажут ей непреложность некоторых истин, но они произвели как раз обратное действие: самые истины мало-помалу утратили для Эммы свое обаяние. Тем не менее, она стояла на своём, и когда книга выпадала у нее из рук, ей казалось, что такую красивую печаль способна чувствовать лишь настроенная на самый возвышенный лад католичка.

Эмма Между тем память о Родольфе ушла на самое дно души, и там она и покоилась, еще более величественная и неподвижная, нежели мумия земного владыки в глубокой усыпальнице...

Автор Ее набальзамированная любовь источала некое благоухание и, пропитывая собою решительно все, насыщала нежностью ту безгрешную атмосферу, в которой стремилась жить Эмма. Преклонив колени на своей готической скамеечке, Эмма обращала к Богу те же ласковые слова, которые она когда-то со всем пылом неверной жены шептала своему любовнику.

Ей казалось, что так она укрепляет в себе веру, и все же она не находила отрады в молитве - вся разбитая, она вставала со скамейки, и внутренний голос шептал ей, что она - жертва какого-то грандиозного надувательства. Но она утешала себя тем, что Господь посылает ей испытание.

Шарль Эмма увлеклась благотворительностью. Шила платья для бедных, посылала дрова роженицам. Однажды я, придя домой, застал на кухне трех бездельников - они сидели за столом и ели суп. На время болезни Эммы я отправил дочку к кормилице - теперь Эмма взяла ее домой. Она начала учить ее читать, и слезы Берты уже не выводили её из терпения. Это была сама кротость, это было полное всепрощение.

Эмма (*выспренне*) - Берта, мой ангел, твои колики прошли?..

Госпожа Бовари-мать Мне теперь уже не к чему было придраться... Мне только не нравилось её маниакальное вязание кофточек для сирот - лучше бы свое тряпье чинила!..

Автор Но нелады с мужем извели почтенную даму, и она блаженствовала в тихом доме у сына; чтобы не видеть, как ее супруг, ярый безбожник, ест в Великую пятницу колбасу, она прожила здесь и Страстную неделю, и Пасху.

Свекровь, ободряюще действовавшая на Эмму своей прямолинейностью и всей своей горделивой осанкой, была далеко не единственной ее собеседницей - почти каждый день она с кем-нибудь да встречалась. Бывали у Эммы и дети Оме; их сопровождал Жюстен. Он поднимался с ними на второй этаж и до самого ухода молча, не шевелясь, стоял у порога. Иной раз

Мадам Бовари, не смущаясь его присутствием, принималась за свой туалет. Первым делом она вытаскивала из волос гребень и встряхивала головой. Когда бедный мальчик увидел впервые, как кольца ее черных волос раскрутились, и вся копна спустилась ниже колен, это было для него внезапным вступлением в особый, неведомый мир, пугающий своим великолепием.

Эмма Несомненно, я не замечала ни его безмолвного рвения, ни его застенчивости. Я и не подозревала, что вот тут, рядом, под рубашкой из домотканого полотна, в юном сердце, открытом для лучей моей красоты, трепещет исчезнувшая из моей жизни любовь...

Автор Впрочем, Эмма была теперь до такой степени равнодушна ко всему на свете, так ласково со всеми говорила, а взгляд ее в это же самое время выражал такое презрение, такие резкие бывали у нее переходы в манере поведения, что вряд ли кто-нибудь мог понять, милосердный ли это эгоизм или распад добродетели.

Эмма Однажды вечером, я ополчилась на свою служанку, которая что-то мямлила и тщетно пыталась найти благовидный предлог, чтобы уйти со двора, но потом вдруг спросила:

- Ты что же, любишь его?.. *(с грустью)* Ну, ну поди! Развлекись!..

Шарль В начале весны Эмма, не посчитавшись со мной, велела перекопать весь сад. Я, впрочем, был рад, что она хоть в чем-то проявляет свою волю.

Автор Она и вправду заметно окрепла, и проявления воли наблюдались у нее все чаще. Прежде всего, ей удалось отделаться от кормилицы, тетушки Роле, которая, пока Эмма

выздоровливали, зачастила к ней на кухню вместе с двумя своими питомцами и жильцом, обладающим более отменным аппетитом, нежели людоед.

Эмма Потом я сократила визиты семейства Оме, постепенно отвадила других гостей и стала реже ходить в церковь к полному одобрению аптекаря...

Оме*(приветливо)* - Вы ударились было в поповщину!..

Шарль Аббат Бурнизьен по-прежнему приходил каждый день после урока катехизиса. Он предпочитал оставаться снаружи, «посреди рощицы», так он называл беседку. К этому времени я возвращался. Мы изнывали от жары; нам приносили сладкого сидру, и мы пили за окончательное выздоровление Мадам.

Священник - Бутылку не нужно ставить отвесно на столе!.. После того как проволочка удалена, пробка потихоньку-полегоньку вылетит, впрямь, как сельтерская в ресторане.

(бутылка с шипом открывается, священник, смеётся утробным смехом)

- Качество бросается в глаза!..

Шарль Он в самом деле, был славным малым; когда однажды фармацевт Оме посоветовал мне развлечь супругу - повезти ее в руанский театр, где гастролировал знаменитый тенор Лагарди, он ничем не обнаружил своего неудовольствия.

Оме – Как вы на это смотрите, аббат?

Священник – Что ж... Музыка не так вредна, как литература.

Оме - А я считаю, что театр в увлекательной форме преподносит зрителям нравоучение и этим способствует искоренению предрассудков.

Castigat ridendo mores [смехом бичуют нравы (лат.)], господин Бурнизьен! Возьмите, например, почти все трагедии Вольтера: они полны философских мыслей - для народа это настоящая школа морали и дипломатии.

Шарль (лениво) - Я когда-то видел пьесу под названием "Парижский озорник"... Отмечу тип старого генерала - ну прямо выхвачен из жизни! Как он образумил одного сынка богача, который соблазнил работницу, а та в конце концов...

Оме - Безусловно, есть плохая литература, как есть и плохая фармацевтика, но осуждать гуртом всё наиболее важное в искусстве - это, по-моему, головотяпство, готическая идея, достойная тех ужасных времен, когда был заточен Галилей.

Священник - Я прекрасно знаю, что есть хорошие произведения, хорошие писатели, однако уже одно то, что особы разного пола собираются в роскошном помещении, украшенном со светской помпой... И потом все эти языческие костюмы, румяна, яркий свет, томные голоса - все это в конце концов ведет к ослаблению нравов, вызывает нескромные мысли, грязные искушения. Так, по крайней мере, смотрели на это все отцы церкви. А уж раз церковь осудила зрелища, значит, у нее были для этого причины. Наше дело - исполнять ее повеления.

Оме - А знаете, почему церковь отлучает комедиантов? Потому что прежде их представления конкурировали с церковными

церемониями. Да, да! Прежде играли, прежде разыгрывали прямо на хорах фарсы - так называемые мистерии, в которых правилам благопристойности наносились оскорбления.

(священник вместо ответа шумно вздохнул)

Оме - Это как в Библии. Там есть такие... я бы сказал... пикантные детали, уверяю вас... Вещи... право... двусмысленные!

(тут Бурнизьена всего передернуло)

Оме - Ах! вы же не станете отрицать, что эта книга не для молодых девушек. Я бы, например, рассердился, если б моя Аталия...

Священник - Да ведь это не мы, а протестанты рекомендуют Библию!..

Оме - Не важно!.. Меня поражает, что в наши дни, в век просвещения находятся люди, которые все еще восстают против такого вида умственного отдыха, хотя это отдых безвредный, более того - здоровый и в нравственном, и, своего рода, гигиеническом смысле. Не так ли, доктор?

Шарль *(неопределённо)* - Несомненно...

Оме - Я знал священников, которые переодевались в буржуа, чтобы посмотреть, как танцовщицы дрыгают ногами.

Священник - А, будет вам!..

Оме - Ах, нет, я их знал!.. Знал!..

Священник - Что ж, это их вина...

Оме - Да за ними, черт их побери, еще и не такие грешки водятся!

Священник - Милостивый государь!..

Оме - Я хотел сказать, что нет более надежного средства привлечь сердца к религии, чем толерантность.

Священник - Это верно, это верно!.. Впрочем, мне пора. *(уходит)*

Оме - Вот что называется - жаркая схватка! Как я его прокатил!..

В конце концов, послушайте вы моего совета, повезите Мадам на спектакль, хоть раз в жизни побесите вы этих ворон, черт бы их подрал! Если б меня кто-нибудь заменил, я бы поехал с вами. Поторопитесь! Лагарди дает только одно представление. У него ангажемент в Англии - ему там будут платить большие деньги. Говорят, он стреляный воробей! Золото лопатой гребёт! Всюду возит с собой трех любовниц и повара! Все великие артисты жгут свечу с обоих концов. Они должны вести беспутный образ жизни - это подхлестывает их фантазию. А умирают они в богадельне - в молодости им не приходит на ум, что надо копить на черный день. Ну-с, приятного аппетита! До завтра!..

Шарль Мысль о спектакле засела у меня в голове. Я тотчас заговорил об этом с женой, но она сначала отказалась, сославшись на то, что это

утомительно, хлопотно, дорого. Я, против обыкновения, не уступал, - я считал, что это развлечение принесет ей пользу. Я не видел никаких препятствий: мать недавно прислала нам триста франков, на что я никак не рассчитывал, текущие долги составляли не очень значительную сумму, а до уплаты по векселям было еще так далеко, что не стоило об этом и думать. Решив, что Эмма не хочет ехать из деликатности, я ещё больше

настаивал, и в конце концов она согласилась. На другой день в восемь утра мы отбыли в "Ласточке".

Оме - Ну, добрый путь, счастливые смертные! Мадам, я нахожу вас хорошенькой, как Амур. Вы будете блистать в Руане!

Автор Дилижанс остановился на площади Бовуазэн, у отеля "Красный крест". На окраине любого провинциального города вы можете видеть точно такой же постоянный двор: конюшни в таком добром старом трактире бывают просторные, номера - тесные, на дворе под забрызганными грязью колясками коммивояжеров подбирают овес куры. Старый добрый ночлег, где на деревянном, источенном червями балконе, зимними ночами потрескивают брёвна на ветру. Здесь постоянно полно людей, шума и жратвы. Черные столы залиты кофе с коньяком, влажные скатерти - все в пятнах от дешевого красного вина, толстые оконные стекла засижены мухами; здесь со стороны улицы - кофейная, а на задворках - огород, и здесь всегда пахнет деревней, как от вырядившихся в буржуа фермерских батраков.

Шарль Я немедленно бросился бежать за билетами. Долго путал у кассы театра литерные ложи с галеркой, кресла партера с креслами ложи, подробно расспрашивал, ничего не понимал, когда мне объясняли, обегал всех, начиная с контролера и кончая директором, вернулся на постоянный двор, опять пошел в кассу - и так несколько раз измерил расстояние от театра до бульвара.

Эмма Я купила себе шляпку, перчатки, букет цветов.

Шарль Я очень боялся не успеть к началу, и, не доев бульона, мы подошли к театру, когда двери были еще заперты...

Автор Толпа, семетрично разделенная балюстрадами, жалась к стене. На громадных афишах, развешанных по углам ближайших улиц, затейливо выведенные буквы слагались в одни и те же слова: "_Лючия де Ламермур_... Лагарди... Опера..." и т. д.

Шарль День стоял погожий; было жарко; волосы слипались от пота; в воздухе мелькали носовые платки и вытирали красные лбы. Порою теплый ветерок с реки чуть колыхал края тиковых навесов над дверями кабачков. А немного дальше было уже легче дышать - освежала холодная струя воздуха, насыщенная запахом сала, кожи и растительного масла.

Эмма Я, боясь оказаться в смешном положении, решила пройтись по набережной: все лучше, чем стоять перед запертыми дверями театра.

Шарль Я из предосторожности зажал билеты в кулак, а руку опустил в карман брюк и потом все время держал ее на животе.

Эмма Уже в вестибюле театра у меня сильно забилося сердце. Толпа устремилась по другому фойе направо, а я поднималась по лестнице в ложу первого яруса, и это невольно вызвало улыбку. Мне, как ребенку, доставляло удовольствие дотрагиваться до широких, обитых материей дверей, я жадно дышала театральной пылью. Наконец я села на свое место в ложе и немного откинулась назад с непринужденностью герцогини.

Автор Зал постепенно наполнялся. Зрители вынимали из футляров бинокли. Завзятые театралы еще издали узнавали друг друга и раскланивались. Эти люди смотрели на искусство как на

отдых от хлопот купли-продажи, но и здесь они не забывали про свои "дела" и вели разговор о хлопке, спирте или индиго. Виднелись невыразительные, малоподвижные головы стариков; бледность и седины придавали им сходство с серебряными медалями, которые покрылись тусклой испариной свинца. **Эмма** Я любовалась сверху молодыми красавцами, важно расхаживающими в первых рядах партера, - они выставляли напоказ в низком вырезе жилета розовые или же бледно-зеленые галстуки и затынутыми в желтые перчатки руками опирались на позолоченный набалдашник трости...

Автор Между тем в оркестре зажглись свечи. С потолка спустилась люстра, засверкали ее граненые подвески, и в зале сразу стало веселее. Потом один за другим появились музыканты, и началась дикая какофония: гудели контрабасы, визжали скрипки, хрипели корнет-а-пистоны, пищали флейты и флажолеты. Но вот на сцене раздались три глухих удара, загремели литавры, зазвучали трубы, занавес взвился, а за ним открылся нарисованный пейзаж.

Сцена представляла опушку леса; слева протекал осененный ветвями дуба ручей. Поселяне и сеньоры с пледом через плечо спели хором песню охотников. Затем появился ловчий и, воздев руки к небу, стал вызывать духа зла. К нему присоединился другой, потом они ушли, и тогда снова запели охотники.

Эмма Я перенеслась в круг чтения своей юности, полного образами Вальтер Скотта. Мне чудилось, будто из-за вересковых зарослей до меня сквозь туман долетает плач шотландской волынки,

многократно повторяемый эхом. Я хорошо помнила роман, это облегчало мне понимание оперы, и я пыталась следить за развитием действия, но буря звуков рассеивала обрывки мыслей. Я была захвачена музыкой, все моё существо звучало в лад волнующим мелодиям, у меня было такое чувство, точно смычки ударяют по моим нервам. Глаза разбегались, и я не могла налюбоваться костюмами, декорациями, действующими лицами, нарисованными деревьями, дрожавшими всякий раз, когда кто-нибудь проходил мимо, бархатными беретами, плащами, шпагами, - всеми созданиями фантазии, колыхавшимися на волнах гармонии, словно на воздушных волнах горнего мира.

Автор Но вот на авансцену вышла молодая женщина и бросила кошелек одетому в зеленое конюшему. Она осталась одна, и тут, подобно журчанию ручья или птичьему щебету, зазвучала флейта. Глядя перед собой сосредоточенным взглядом, Лючия начала яркую мелодию каватины соль мажор. Она пела о том, как жестока любовь, молила бога даровать ей крылья.

Эмма Я ведь тоже стремилась покинуть земную юдоль, унести в объятиях ангела. И вдруг на сцену вышел Эдгар - Лагарди...

Автор Он был бледен той очаровательной бледностью, которая придает лицам пылких южан строгость, чем-то напоминающую строгость мрамора. Его мощный стан облежала коричневая куртка. На левом боку у него болтался маленький кинжал с насечкой. Лагарди томно закатывал глаза и скалил белые зубы. Про него говорили, что когда-то давно он занимался починкой лодок на пляже в Биарице и что однажды вечером, послушав, как он поет

песни, в него влюбилась польская панна. Она потратила на него все свое состояние. А он бросил ее ради других женщин, и слава сердцееда упрочила его артистическую репутацию. Хитрый комедиант непременно вставлял в рекламы какую-нибудь красивую фразу о своем обаянии и о своем чувствительном сердце. Дивный голос, несокрушимая самоуверенность, темперамент при отсутствии тонкого ума, напыщенность, прикрывавшая отсутствие истинного чувства, - вот чем брал этот незаурядный шарлатан, в котором было одновременно что-то от парикмахера и что-то от тореадора.

Эмма С первой же сцены он покориł зрителей. Он душил в объятиях Лючию, покидал её, возвращался, разыгрывал отчаяние, вспышки гнева сменялись у него жалобными стонами, исполненными глубокой нежности, из его открытого рта излетали ноты, в которых слышались рыдания и звуки поцелуя. Я, перегнувшись через барьер и впившись ногтями в бархатную обивку ложи, глядела на него, не отрываясь. Сердце моё наполнилось этими благозвучными жалобами, и они все лились и лились под аккомпанемент контрабасов, подобно стонам утопающих, которые не может заглушить вой урагана. Мне было знакомо это упоение, эта душевная мука - я сама чуть было не умерла от них. Голос певицы казался мне отзвуком моих собственных дум, во всем этом пленительном вымысле отражалась какая-то сторона моей жизни.

Автор Но в действительности никто ее так не любил. Родольф не плакал, как Эдгар, когда они в последний вечер при лунном свете

говорили друг другу: "До завтра! До завтра!.." Зал гремел от рукоплесканий; пришлось повторить всю стретту: влюбленные пели о цветах на своей могиле, о клятвах, о разлуке, о воле судеб, о надеждах.

Эмма Когда же раздалось финальное "Прощай!", у меня вырвался пронзительный крик, и этот вопль слился с дрожью последних аккордов.

Шарль - За что вон тот синьор преследует ее?

Эмма - Да нет же, это ее возлюбленный...

Шарль - Но ведь он клянется отомстить ее семье, а тот, который только что пришел, сказал: "Лючию я люблю и, кажется, взаимно". Да он и ушел под руку с ее отцом. Ведь это же её отец, тот уродец в шляпе с петушиным пером?

Автор Объяснения Эммы не помогли - во время речитативного дуэта, когда Гильберт сообщает своему господину, Эштону, какие адские козни он замышляет, Шарль увидел обручальное кольцо, которое должно было ввести в заблуждение Лючию, и решил, что это подарок Эдгара.

Шарль Наконец я откровенно сознался: мне непонятна сама история, из-за музыки, которая заглушает слова.

Эмма - Не все ли тебе равно? Помолчи!

Шарль - Ты же знаешь, я люблю, чтобы мне все было понятно...

Эмма (*шепотом*)- Помолчи! Помолчи!..

Автор Лючию вели под руки служанки; в волосах у нее была ветка флердоранжа; она казалась бледнее своего белого атласного платья.

Эмма В памяти всплыл день моей свадьбы. Я перенеслась воображением туда, на тропинку в море хлебов, по которой все шли в церковь. Зачем я не сопротивлялась, не умоляла, как Лючия? Напротив, я была рада, я не знала, что впереди - пропасть... Ах, если б в ту пору, когда моя красота еще не утратила своей первой свежести, когда ко мне еще не пристала грязь супружеской жизни, когда я еще не разочаровалась в любви запретной, кто-нибудь отдал мне свое большое, верное сердце, то добродетель, нежность, желание и чувство долга слились бы во мне воедино, и с высоты такого счастья я бы уже не пала! Но нет, несомненно, это блаженство - обман, придуманный для того, чтобы разбитому сердцу было потом еще тяжелее. Я понимаю теперь, как незначительны те страсти, которые так преувеличивает искусство.

Автор Эмма силилась повернуть ход своих мыслей; в воссоздании ее собственных горестей ей хотелось видеть лишь ласкающую взор фантазию, разыгрываемую в лицах, и когда в глубине сцены из-за бархатного занавеса появился мужчина в черном плаще, она внутренне даже улыбнулась с презрительной жалостью.

От резкого движения широкополая испанская шляпа Лагарди упала на пол. Оркестр и певцы сейчас же начали секстет. Чистейший голос пылавшего гневом Эдгара господствовал над остальными. Баритон Эштона грозил Эдгару смертью, Лючия изливала свои жалобы на самых высоких нотах, Артур вел свою партию, модулируя в среднем регистре, первый бас священника гудел, точно орган, и слова его подхватывал чудесный хор женских

голосов. Выстроившись в ряд, актеры усиленно жестикулировали. Из их уст излетали одновременно гнев, жажда мести, ревность, страх, сострадание и изумление. Оскорбленный любовник размахивал шпагой. От прерывистого дыхания вздымался кружевной воротник на его груди; звеня золочеными шпорами на мягких сапожках с раструбами у щиколоток, он большими шагами ходил по сцене.

Эмма Глядя на певца, я думала, что в душе у него, должно быть, неиссякаемый источник любви, иначе она не была бы из него такой бурной струей. Все мои усилия принизить его были сломлены - меня покорила поэтический образ. Черты героя я переносила на актера; я старалась представить себе его жизнь, жизнь шумную, необыкновенную, блистательную, и невольно думала о том, что таков был бы и мой удел, когда бы случай свел меня с ним. Мы бы познакомились - и полюбили друг друга! Я путешествовала бы по всем европейским государствам, переезжая из столицы в столицу, деля с ним его тяготы и его славу, подбирая цветы, которые бросают ему, своими руками вышивая ему костюмы. Каждый вечер я пряталась бы в ложе, отделенной от зала позолоченною решеткою, и, замерев, слушала излияния его души, а душа его пела бы для меня одной; играя, он смотрел бы на меня со сцены.

Автор Но сумасшествие овладевало ею: Лагарди смотрел на неё – это несомненно!

Эмма Я готова была броситься к нему, мне хотелось укрыться в объятиях этого сильного человека, этой воплощенной любви,

хотелось сказать ему, крикнуть: "Укради меня! Увези меня скорей! Тебе, тебе весь жар моей души, все грёзы мои!.."

Автор Занавес опустился...

Запах газа смешивался с человеческим дыханием, веера только усиливали духоту. Эмма вышла; толпа переполняла фойе, и она с мучительным сердцебиением, задыхаясь от удушья, вернулась в ложу и тяжело опустилась в кресло.

Шарль Боясь, как бы у нее не было обморока, я побежал в буфет за холодным миндальным молоком. Немного погодя я с великим трудом протиснулся на свое место. Я держал обеими руками стакан, и меня все время толкали под локти...

Автор Кончилось тем, что он вылил почти весь оршад на плечи какой-то руанки в декольте, а та, почувствовав, что по спине у нее течет жидкость, завопила, как резаная. Ее супруг, владелец прядильной фабрики, напустился на растяпу. Жена вытирала платком свое нарядное вишневого цвета платье из тафты, а он долго еще бурчал что-то насчет вознаграждения и возмещения убытков. Наконец Шарль снова очутился около своей жены.

Шарль - Честное слово, я уж думал, что застряну! Народу-то!.. Народу!.. Угадай, кого я там встретил? Леона!

Эмма - Леона?

Шарль - Ну да! Он сейчас придет отдать тебе своё почтение...

Автор Не успел Шарль договорить, как в ложу вошел бывший ионвильский клерк. Он протянул Эмме руку с бесцеремонностью дворянина.

Эмма Я, подчинившись его решимости, машинально подала свою. Я не касалась его руки с того весеннего вечера, когда мы, стоя у окна, прощались под шум дождя в зеленой листве. Однако, подумав о приличиях, я мгновенно стряхнула с себя оцепенение воспоминаний...

- А, здравствуйте!.. Как! Вы здесь?..

Голоса в зале - Тише!.. *(третье действие уже началось)*

Эмма - Так вы в Руане?

Леон - Да.

Эмма - И давно?

Голоса - Вон!.. За двери!.. *(продолжают шикать)*

Автор На них оглядывались. Они замолчали.

Но Эмма уже не слушала музыку. Хор гостей, сцена Эштона со слугой, большой ре-мажорный дуэт - все это доносилось до нее откуда-то издалека, точно инструменты утратили звучность, а певцы ушли за кулисы. Она вспомнила игру в карты у фармацевта, поход к кормилице, чтения вслух в беседке, сидения у камелька, всю эту бедную событиями любовь, такую тихую и такую продолжительную, такую скромную, такую нежную и, однако, изгладившуюся из ее памяти.

Эмма Зачем же он вернулся? Благодаря какому стечению обстоятельств он снова вошел в мою жизнь? Вот он сидит сзади, прижавшись плечом к перегородке. По временам его теплое дыхание шевелит мои волосы, и я вздрагиваю...

Леон *(шепотом)* - Вам так всё это нравится?..

Эмма *(небрежно)* – О, мой Бог, нет! Не очень!..

Леон – Предлагаю уйти и поесть где-нибудь мороженого.

Шарль – Ах! Не сейчас!.. Волосы у Лючии распущены - сейчас начнется трагедия!..

Эмма Но сцена безумия не потрясла меня, игра певицы казалась мне неестественной.

- Очень уж она кричит...

Шарль - Да... пожалуй... слегка переигрывает...

Леон - Ну и душно же здесь!..

Эмма - Да, я задыхаюсь!..

Шарль - Тебе нехорошо?

Эмма - Я задыхаюсь. Пойдем!

Автор Леон бережно набросил ей на плечи длинную кружевную шаль; все трое вышли на набережную и сели на вольной воздухе, перед кафе.

Сперва заговорили о болезни Эммы, причем она поминутно прерывала Шарля...

Эмма – Ах! Леону это скучно слушать...

Леон – В Нормандии через нотариуса проходят дела совсем иного характера, чем в Париже, и я приехал на два года в Руан послужить в большой нотариальной конторе и набить себе руку... А как Берта? Семейство Оме? Как тетушку Лефрансуа?..

Автор Больше в присутствии мужа говорить им было не о чем, и разговор скоро иссяк. Мимо них шли по тротуару возвращавшиеся из театра зрители; некоторые из них мурлыкали себе под нос, а другие орали во все горло: "Ангел мой, Лючия!"

Леон - Я слышал Тамбурины, Рубини, Персиани, Гризи... Рядом с ними захваленный Лагарди ничего не стоит.

Шарль - А все-таки говорят, что в последнем действии он совершенно изумителен. Я жалею, что ушел, не дождавшись конца. Мне он все больше и больше нравился.

Леон - Так ведь скоро будет дано еще одно представление...

Шарль – Мы завтра уезжаем... А может быть, ты побудешь тут одна, моя кошечка?

Леон (*внезапно*) - Надо признать, что игра Лагарди в последней сцене бесподобна, недосыгаема!..

Шарль - Ты вернешься в воскресенье. Ну же, решайся! Ты не права. Раз это тебе это на пользу, нет ничего важнее на свете...

Автор Столики между тем пустели; неподалеку от них стоял официант - Шарль понял намек и полез за кошельком; Леон схватил его за руку, расплатился и оставил официанту на чай две серебряные монетки, нарочно громко звякнув ими о мраморную доску стола.

Шарль - Мне, право, неловко, что вы...

Леон – Какие пустяки... Итак, решено: завтра в шесть?

Шарль - Мне-то никак нельзя, а вот Эмма вполне может...

Эмма (*с усмешкой*) - Дело в том, что... я сама еще не знаю...

Шарль - Ну, ладно, у тебя есть время подумать, там посмотрим, утро вечера мудренее... Ну, вы теперь опять в наших краях, - надеюсь, будете приезжать к нам обедать.

Леон – Охотно. Тем более мне все равно надо съездить в Ионвиль по делам конторы...

Шарль – Ну, вот и славно!..

Леон Пора сойтись с этой женщиной. К тому же веселые компании, в которых мне приходилось бывать в Париже, придали мне раскрепощенности, и теперь, вернувшись в провинцию, я уже свысока смотрел на всех, кто не ступал в лакированных ботинках по асфальту парижских улиц.

Автор Разумеется, перед парижанкой в кружевах или же войдя в салон знаменитого ученого, украшенного орденами и с собственным выездом, бедный помощник нотариуса трусил бы, как школьник. Но здесь, на руанской набережной, с женой докторишки он не стеснялся, он знал заранее, что обольстит ее. Апломб человека зависит от той среды, которая его окружает: живущие в бельэтаже говорят иначе, нежели живущие на пятом этаже; добродетель богатой женщины ограждена всеми ее кредитными билетами, подобно тому как ее корсет держат косточки, вставленные в подкладку.

Леон Простившись вечером с супругами Бовари, я пошел за ними следом.

Обнаружив, что они остановились в "Красном кресте", я вернулся домой и всю ночь потом обдумывал план.

Автор На другой день, часов около пяти, чувствуя, как что-то давит ему горло, бледный, исполненный решимости труса, той решимости, которая уже ни перед чем не останавливается, он вошел в гостиницу.

Слуга - Доктора нет, мсье.

Леон (*про себя*) - О! Это добрый знак...

Эмма (*входя*) – Добрый день. Извините, что забыла сказать, где мы сняли номер.

Леон - А я догадался!

Эмма - Как?..

Леон (*замявшись*) Я шел наугад... Меня привело чутье.

(Эмма засмеялась)

Леон – На самом деле я целое утро искал вас по всем гостиницам...

Итак, вы решили остаться?

Эмма - Да, и неправда... Не следует привыкать к неисполнимым искушениям, когда я окружена сотней обязанностей...

Леон - О, представляю себе!..

Эмма - Нет, вы этого не можете представить - вы не женщина!

Леон - Но ведь и у мужчин тоже есть свои горести...

Автор Так, философствуя, они втянулись в беседу. Эмма долго говорила о том, как ничтожны земные страсти, и о том, что сердце человека обречено на вечное одиночество.

Леон - Признаюсь, мои занятия мне опротивели. Юриспруденцию я ненавижу, меня влечет к себе другое поприще, а мать в каждом письме докучает мне своими наставлениями.

Эмма Мы всё откровеннее говорили о том, почему нам так тяжело, и это растущее доверие действовало на нас возбуждающе. Но всё же быть откровенными до конца мы не решались - мы старались найти такие слова, которые могли бы только навести на определенную мысль.

Автор Эмма так и не сказала, что любила другого; Леон не признался, что совсем позабыл ее.

Эмма - Ах, простите, я не права!.. Я наскучила вам со своими вечными жалобами!

Леон - Нет, никогда, никогда!..

Эмма - Если б вы знали, о чем я грезила!..

Леон - И я, конечно!.. О, как я настрадался! Зачастую я выходил из дому, бродил по набережной, старался оглушить себя шумом толпы и все никак не мог отделаться от наваждения. На бульваре я видел у одного торговца эстампами итальянскую гравюру с изображением Музы. Муза задрапированная в тунику глядит на луну, с незабудками в распущенных волосах. Какая-то сила непрестанно влекла меня туда. Я часами простаивал перед этой гравюрой. (*дрожащим голосом*) Муза была немного похожа на вас... Я часто писал вам письма и тут же их рвал... Я мечтал: а вдруг вы приедете в Париж! На улицах мне часто казалось, что я вижу вас. Я бегал за всеми фиакрами, в которых мелькал кончик шали, кончик вуалетки, похожей на вашу...

Эмма (*вздыхнув*)- Весьма плачевно, не правда ли, влачить столь никчёмное существование, как моё. Если бы от наших страданий хоть кому-нибудь было легче, то мы бы, по крайней мере, утешались мыслью о том, что жертвуем собой ради других... Мне бы очень хотелось стать сестрой милосердия.

Леон - Увы! Мужчины лишены этой святой миссии. Я не вижу для себя призвания... пожалуй, кроме медицины...

Эмма - Ведь я болела и чуть не умерла! Как жаль!.. Я не страдала бы больше...

Леон - Я тоже мечтаю только о покое могилы... Однажды вечером я даже составил завещание, и в этом завещании просил, чтобы ко мне в гроб положили тот прелестный коврик с бархатной каемкой, который когда-то вы мне подарили...

Автор Обоим и в самом деле хотелось быть такими, какими они себя изображали: оба создали себе идеал и к этому идеалу подтягивали свою прошлую жизнь. Слова, как ленточная машина, на которую можно намотать любые сантименты. Но это измышление с ковриком...

Эмма - Зачем же коврик?..

Леон - Зачем?.. Затем, что я вас так любил!

Эмма - Я догадывалась...

Автор И тут они начали пересказывать друг другу мелкие события того невозвратного времени, все радости и горести которого сводились для них теперь к одному-единственному слову. Он вспомнил беседку, увитую ломоносом, платья Эммы, обстановку ее комнаты, весь ее дом...

Леон - А наши бедные кактусы, где они?

Эмма – Мороз погубил их этой зимой...

Леон - Как часто я о них думал, если б вы только знали! Я представлял их себе точно такими, как в те летние утра, когда занавески на окнах были пронизаны солнечным светом... и когда ваши обнаженные руки мелькали среди этих кактусов...

Эмма – Бедный друг мой!..

(Леон глубоко вздохнул)

Леон - В вас, Эмма, была какая-то непостижимая сила, и она пленила меня... Однажды, к примеру, я пришел к вам... Но вы, несомненно, этого не помните.

Эмма - Да... Продолжайте!

Леон - Вы стояли внизу, в передней, на ступеньке, собирались уходить. На вас была шляпка с голубенькими цветочками. Вы мне не предложили проводить вас, а я все-таки, наперекор самому себе, пошел за вами. С каждой минутой мне все яснее становилось, что я допустил бестактность. Я плелся сзади, навязываться в провожатые мне было неловко, а уйти совсем я не мог. Когда вы заходили в лавки, я оставался на улице и смотрел в окна, вы снимали перчатки и отсчитывали деньги. Но вот вы позвонили к госпоже Тюваш, вам открыли, захлопнулась тяжелая дверь, а я стоял перед ней как идиот...

Эмма Я слушала его и поражалась тому, какая же я старая; я ощущала, как все эти вновь проявившиеся в памяти подробности удлиняют прожитую жизнь...

- Да, правда!.. Правда!.. Правда!.. Отчего до сих пор никто не выражал мне таких чувств?..

Леон – Такую возвышенную натуру не так-то легко понять. Я, однако, полюбил вас с первого взгляда и потом не раз приходил в отчаяние при мысли о том, как бы мы могли быть счастливы, если б волею судеб встретились раньше и связали себя неразрывными узами.

Эмма - Я тоже иногда об этом думала...

Леон - Какая отрадная мечта!.. Кто же нам мешает все начать сызнова?..

Эмма - Нет, мой друг... Я слишком стара... вы слишком молоды... Забудьте меня! Вас еще полюбят... полюбите и вы.

Леон - Но не так, как вас!..

Эмма - Какое вы еще дитя! Будем благоразумны... Я так хочу! Нам нельзя любить друг друга... Останемся друзьями.

Леон – Ах, простите...

Эмма Его застенчивость более опасна, нежели дерзость Родольфа... Как он красив!... От него веет необыкновенной душевной чистотой. Его длинные загнутые ресницы поминутно опускаются. Нежные щеки горят... Как я хочу дотронуться до них губами...

- Как поздно, мой Бог! Заболтались мы с вами!.. Я даже забыла о спектакле! Бедный Шарль для этого меня здесь оставил! А завтра я уезжаю...

Леон - В самом деле?..

Эмма - Да.

Леон - Мне необходимо увидеться с вами еще раз. Мне надо вам сказать...

Эмма - Что сказать?

Леон - Одну... серьезную, важную вещь. Да нет, вы не уедете, это невозможно! Если б вы знали... Послушайте меня... Неужели вы меня не поняли? Неужели вы не догадались?..

Эмма - Однако, вы так красиво говорите...

Леон - Ах, эти насмешки!.. Довольно, довольно! Сжальтесь, позвольте мне снова увидеться с вами... только один раз... единственный!

Эмма - Ну что ж!.. Но только не здесь!

Леон - Где вам угодно.

Эмма - Завтра, в одиннадцать утра, в соборе.

Леон - Приду! (*целует её*)

Эмма (*смеясь*) - Да вы с ума сошли! Ах!.. С ума сошли!..

Леон (*дрожащим голосом*) - До завтра!..

Эмма Вечером я написала Леону длинное письмо, в котором отменяла свидание: теперь все кончено, для нашего же счастья мы не должны больше встречаться. Но, запечатав письмо, я вспомнила, что не знаю его адреса, и это поставило меня в тупик....

- Он придет на свидание, и я передам ему лично...

Автор Леон первый раз в жизни покупал цветы для женщины; он понюхал фиалки и невольно приосанился, словно это не ей собирался он поднести цветы, а себе самому. Подумав, однако, что его могут увидеть, он решительным шагом двинулся к собору.

У левых дверей на середине притвора под "Пляшущей Мариам" стоял привратник в шляпе с султаном, при шпаге и с булавой, величественный, словно кардинал, и весь сверкающий, как дароносица.

Привратник - Вы, сударь, несомненно, не были здесь. Желаете осмотреть достопримечательности нашего храма?

Леон - Нет.

Автор Он обошел боковые приделы. Потом вышел на паперть. Эммы не было видно. Он сел на стул, и взгляд его уперся в синий витраж, на котором были изображены рыбаки с корзинами, полными рыб. Он долго, пристально разглядывал его, считал чешуйки на рыбках, а мысль его блуждала в поисках Эммы.

Привратник стоял поодаль и в глубине души злобствовал на этого субъекта за то, что тот смеет без него осматривать собор. Он считал, что Леон ведет себя непозволительно, что это в своем роде воровство, почти святотатство.

Но вот по плитам зашуршал шелк, мелькнули поля шляпки и черная накидка... Она! Леон вскочил и побежал навстречу.

Эмма (*подходя*) - Прочтите!.. Ах нет!

Автор Она отдернула руку, пошла в придел во имя божьей матери и, опустившись на колени подле скамейки, начала молиться.

Леон Сначала эта ханжеская фантазия возмутила меня, затем я нашел своеобразную прелесть в том, что Эмма, точно андалузская маркиза, явившись на свидание, вся ушла в молитву, но, это затягивалось, и я скоро соскучился.

Эмма Я молилась или, вернее, старалась молиться; я надеялась, что вот сейчас меня осенит, и я приму решение. Уповая на помощь свыше, я точно впитывала глазами блеск дарохранительницы, вбирала в себя аромат белых ночных красавиц, распустившихся в больших вазах, и прислушивалась к тишине храма, но эта тишина лишь усиливала мою сердечную тревогу.

Привратник (подходя) - Вы, сударыня, несомненно, приезжая? Желаете осмотреть достопримечательности нашего храма?

Леон – Ах, нет!..

Эмма - Отчего же?..

Привратник – Посмотрите, Мадам. Вот это окружность замечательного амбуазского колокола... Он весит тысячу пудов. Равного ему нет во всей Европе. Мастер, который его отлил, умер от восторга...

Леон (*шепотом*)- Идёмте же!..

Привратник - Под этой грубой плитой покоятся останки Пьера де Брезе, сеньора де ла Варен и де Брисак, великого маршала Пуату и правителя Нормандии, павшего в бою при Монлери шестнадцатого июля тысяча четыреста шестьдесят пятого года. Направо вы видите закованного в латы рыцаря на вздыбленном коне – это его внук, Луи де Брезе, сеньор де Бреваль и де Моншове, граф де Молеврие, барон де Мони, камергер двора, кавалер ордена и тоже правитель Нормандии, скончавшийся, как удостоверяет надпись, в воскресенье двадцать третьего июля тысяча пятьсот тридцать первого года. Выше человек, готовый сойти в могилу, - это тоже он. Невозможно лучше изобразить небытие, - не так ли?

Автор Госпожа Бовари приставила к глазам лорнет. Леон неподвижно смотрел на нее; он не пытался сказать ни единого слова, сделать какое-нибудь движение; он потерял всякую надежду

от этой неудержимой и, в сущности, безразличной болтовней привратника.

Привратник - Рядом с ним - плачущая женщина на коленях: это его супруга Диана де Пуатье, графиня де Брезе, герцогиня де Валентинуа, родилась в тысяча четыреста девяносто девятом, умерла в тысяча пятьсот шестьдесят шестом году. Налево Пресвятая Дева с младенцем. Теперь посмотрите сюда - вот могилы Амбуазов. Оба они были руанскими архиепископами и кардиналами. Вот этот был министром при Людовике Двенадцатом. Он много сделал для собора. Завещал на бедных тридцать тысяч экю золотом...

Леон (*подхватив Эмму*) – Пойдёмте!

Привратник – Эй, мсье! А шпиль! Шпиль!..

Леон - Нет, благодарю.

Привратник – Мсье неправ! Высота его равняется четырёмстам сорока футам, он всего на девять футов ниже самой большой египетской пирамиды. Он весь литой, он...

Леон – Идёмте же!..

Эмма - Куда мы?..

Привратник - Сударь!

Леон - Что еще?

Привратник (*несёт около двадцати томов*) – Это труды о соборе.

Леон - Болван! (*выходя на паперть*) Мальчик! Найди мне фиакр!

Эмма - Ах, Леон!.. Право... я не знаю... я должна... Понимаете, это очень непристойно!

Леон - Почему? Так делают в Париже!

(подъехал извозчик)

Привратник *(издалека)* - Выйдите хотя бы через северные двери! Увидите "Воскресение из мертвых", "Страшный суд", "Рай", "Царя Давида" и "Грешников в геенне огненной".

(подъезжает карета)

Кучер – Мсье, куда ехать?

Леон - Куда хотите!

Кучер - Пошел!..

Автор В порту, среди телег и бочек, на поворотах улиц, отмеченных дорожными знаками, взоры обывателей были прикованы к невиданному в провинции зрелищу - к непрерывно кружившей карете с опущенными шторами, закрытой плотнее, чем гроб, качавшейся из стороны в сторону, словно морской корабль на волнах.

Как-то в середине дня, на окраине, когда солнце бросало яркие отблески на старые посеребренные уличные фонари, из-под желтой полотняной занавески высунулась обнаженная женская рука и выбросила мелкие клочки бумаги; ветер подхватил их, они разлетелись и потом белыми мотыльками опустились на поле клевера, всё красное от цветов.

Было уже около шести часов вечера, когда карета остановилась в одном из переулков квартала Бовуазэн; из нее вышла женщина под вуалью и, не оглядываясь, пошла вперед...

Эмма открыла глаза, когда дилижанс «Ласточка» уже спускался с горы; тут она еще издали увидела Фелисите, стоявшую на часах подле кузницы. Ивер придержал лошадей...

Фелисите – Мадам, идите прямо к господину Оме. Это что-то спешное...

В доме аптекаря.

Оме – Жюстен! Кто тебя посылал на склад?

Эмма (*входя*) - Что такое? В чем дело?

Оме - В чем дело? Мы варим варенье. Варенье кипит. В нем слишком много жидкости, того и гляди убежит, и я велел принести еще один таз. И вот он, лентяй, разгильдяй, снимает с гвоздя в моей лаборатории ключ от склада!

Да, от склада! Ключ от кислот и едких щелочей! Схватил запасной таз! Таз с крышкой! Теперь я, может быть, никогда больше им не воспользуюсь!

Г-жа Оме - Да успокойся!

Аталиа - Папа! Папа!

Оме - А, черт! Оставьте меня, оставьте! Ты бы лучше лавочником заделался, честное слово! Ну что ж, круши все подряд! Ломай! Бей! Выпусти пиявок! Маринуй огурцы в банках! Рви бинты!

Эмма - Вы меня...

Оме - Сейчас!.. Знаешь ли ты, какой опасности ты себя подвергал?.. Ты ничего не заметил в левом углу, на третьей полке? Говори, отвечай, произнеси что-нибудь!

Жюстен - Не... не знаю...

Оме - Ах, ты не знаешь! Ну, а я знаю! Ты видел банку синего стекла, залитую желтым воском, банку с белым порошком, на которой я своей рукой написал: "Опасно!"" Ты знаешь, что в ней?

Мышьяк! А ты до него дотронулся! Ты взял таз, который стоял рядом!

Г-жа Оме – Рядом?! Мышьяк?! Да ты всех нас мог отравить!

Оме - Или отравить больного! Ты что же, хотел, чтобы я попал на скамью подсудимых? Чтобы меня потащили на эшафот? Разве тебе не известно, какую осторожность я соблюдаю в хранении товаров, несмотря на свой колоссальный опыт? Мне становится страшно при одной мысли о том, какая на мне лежит ответственность! Вот как ты нам платишь за нашу доброту! Вот как ты благодаришь меня за мою истинно отеческую заботу! Если б не я, где бы ты был? Я страшно жалею, что взял тебя на воспитание! Вырос в грязи да в бедности - там бы и коптел! Тебе только за скотом ходить. К наукам ты не способен! Едва этикетку-то можешь наклеить! А живешь у меня на всем готовеньком, припеваючи, прохлаждаешься!

Эмма - Вы меня звали...

Г-жа Оме - Ах, Боже мой, мадам! Как бы вам сказать... Такое несчастье!..

Оме – Вычисти таз! Вымой! Отнеси обратно! Поторапливайся!.. Постой-ка, что это за книга у тебя?.. Дай-ка. «Супружеская... любовь»! Хорошо!.. Очень хорошо! Очень мило! Да еще с картинками!.. Нет, это уж слишком! Так ты ешё и порочен, несчастный! Берегись, ты на скользкой дорожке! А ты не подумал, что эта мерзкая книга может попасть в руки моим детям, заронить в них искру порока...

Эмма – Но в конце концов, господин Оме, ведь вы хотели мне что-то сказать...

Оме - Совершенно верно, сударыня... Ваш свекор умер! (*опять Жюстену*)

Я не говорю, что эта книга вредна во всех отношениях. Ее автор - врач. Его труд содержит ряд научных положений, и мужчине их не плохо знать.

Я бы даже сказал, что мужчина должен их знать. Но впоследствии, впоследствии! Станешь мужчиной, выработается у тебя темперамент - тогда будь по твоему!

Автор Шарль поджидал Эмму. Как только она вошла, он, раскрыв объятия, бросился к ней навстречу...

Шарль - Ах, моя дорогая!..

Эмма - Да, я знаю... знаю...

Шарль - Хоть бы раз еще увидеть его!

Эмма - Сколько лет было твоему отцу?

Шарль - Пятьдесят восемь!

Эмма - А!..

Шарль - Бедная мама!.. Что-то с ней теперь будет!.. Тебе понравилось вчера?

Эмма - Да.

Шарль – Фиалки... Какой хорошенький букетик!

Эмма - Да... Я сегодня купила его у... у нищенки.

Автор Внезапно отворилась дверь, и вошел торговец Лере.

Лере - Я пришел предложить свои услуги в связи с печальными обстоятельствами.

Эмма - Мы как будто ни в чем не нуждаемся.

Лере - Простите великодушно, господин Бовари, но мне надо поговорить с вами наедине относительно того дела... Помните?

Шарль - Ах да!.. Верно, верно!.. А ты бы... ты бы не могла, дорогая?.. Это так, пустяки! Какая-нибудь житейская безделушка.

Автор Опасаясь выговора, Шарль решил скрыть от нее всю историю с векселем... Как только Эмма снова оказалась с г-ном Лере наедине, тот сразу поздравил ее с получением наследства.

Лере - А вы уже совсем поправились... Что тогда ваш бедный муж из-за вас пережил! Я своими глазами видел! Славный он парень! Хотя неприятности у нас с ним были.

Эмма - Какие именно?

Лере - Да вы же прекрасно знаете! Все из-за ваших маленьких фантазий, из-за дорожных чемоданов... В конце концов мы с ним столкнулась. А сейчас я пришел предложить ему сделку, но лучше всего, если б он поручил это кому-нибудь другому - ну хоть вам, например. Было бы удобно получить от него доверенность, и тогда мы с вами сумеем обделать делишки... Вы непременно должны что-нибудь у меня взять. Я пришлю вам двенадцать метров черного барежа на платье. То, что на вас, хорошо для дома. А вам нужно платье для визитов. Я это понял с первого взгляда. Глаз у меня наметанный.

Автор Материю он не прислал, а принес сам. Некоторое время спустя пришел еще раз, чтобы лучше отмерить. А потом стал заглядывать под разными предлогами и каждый раз был обходителен, предупредителен, раболепствовал, как сказал бы

Оме, и не упускал случая шепнуть Эмме несколько слов насчет доверенности. Про вексель он молчал. Эмма тоже о нем не вспоминала.

Эмма – Шарль, надо навести справки, проверить закладные и прикинуть, что выгоднее: продать имение с публичного торга или же не продавать, но взять на себя долги. Надо бы с кем-то посоветоваться... Но мы знакомы только... Нет, не с кем!

Шарль - Если только с Леоном... Можно было бы написать ему, да уж очень сложно решать такие вещи в переписке...

Эмма - Я сама поеду в Руан.

Шарль – Не стоит так утруждать себя, Эмма!..

Эмма – Нет, прошу тебя, я поеду!

Шарль - Какая ты хорошая!..

Автор На другой же день Эмма села в "Ласточку" и отправилась в Руан советоваться с Леоном... Пробыла она там три дня. Это были наполненные, упоительные, чудесные дни - настоящий медовый месяц. И все же настал час разлуки! Расставаться им было нелегко. Условились, что Леон будет писать на имя тетушки Роле. Эмма дала ему совет относительно двойных конвертов и обнаружила при этом такое знание дела, что Леон не мог не подивиться ее хитроумию в сердечных делах.

Эмма - Так ты говоришь, все в порядке с доверенностью?

Леон - Да, конечно! (*пор себя*) Что ей далась эта доверенность?..

Эмма - Как больно расставаться! Лучше умереть! Прощай!.. Прощай!..

Леон Когда же мы еще увидимся?..

Эмма - Я придумаю какой-нибудь способ, какой-нибудь предлог встречаться без помех, хотя бы раз в неделю...

(Эмма, сбиваясь, играет на фортепьяно)

Автор В эту самую пору Эмма начала увлекаться музыкой. Однажды вечером ее игру слушал Шарль; она четыре раза подряд начинала одну и ту же вещь и всякий раз бросала в сердцах, а Шарль не видел разницы.

Шарль - Bravo!.. Превосходно!.. Что ж ты? Играй, играй!

Эмма *(прекратив игру)* - Нет, это отвратительно! Пальцы совсем ослабели.

Шарль – Нет же... Продолжай играть!

Эмма - Если тебе это доставляет удовольствие, пожалуйста!..

(играет, ещё больше сбиваясь)

Шарль - Вынужден признать, что ты несколько отстала...

Эмма - Нет, ничего не выходит! Мне бы надо брать уроки, да... Двадцать франков в месяц - это дорого!

Шарль - Да, правда, дороговато... А все-таки, по-моему, можно найти и дешевле. Иные малоизвестные музыканты не уступят в этом знаменитостям.

Эмма – Что ж, поищи их...

Шарль На другой день, придя домой, Шарль с лукавым видом посмотрел на нее и наконец не выдержал.

Шарль - Какая же ты порой упрямая!.. Сегодня я был в Барфешере. И что ж ты думаешь? Госпожа Льежар мне сказала, что все три ее дочери - они учатся в монастыре Милосердия - берут

уроки музыки по пятьдесят су за сеанс, да еще у прекрасной учительницы!

Автор Эмма только пожала плечами и больше уже не открывала инструмента. Но, проходя мимо, она, если Бовари был тут, всякий раз вздыхала...

Эмма – Ах! Бедное мое фортепяно!..

Автор При гостях Эмма непременно заводила разговор о том, что она вынуждена была забросить музыку. Ей выражали сочувствие. Как обидно! А ведь у нее такой талант! Заговаривали об этом с Бовари. Все его стыдили, особенно - фармацевт.

Оме – Вы неправы! Способности надо развивать. А кроме того, дорогой друг, примите во внимание, что если вы уговорите свою супругу заниматься музыкой, то тем самым вы сэкономите на музыкальном образовании вашей дочери! Я считаю, что матери должны сами обучать своих детей. Это идея Руссо; она все еще кажется слишком смелой, но я уверен, что когда-нибудь она восторжествует, как восторжествовало кормление материнским молоком.

Эмма – Ах, нет... Лучше продать инструмент, хотя расстаться с милым фортепяно равносильно медленному самоубийству, покушению на часть моей души...

Шарль - Ну так ты... время от времени бери уроки - это не так уж разорительно.

Эмма – Но только постоянные уроки приносят пользу...

Автор Так, в конце концов она добилась от мужа позволения раз в неделю ездить в город на свиданье к любовнику. Уже через месяц ей говорили, что она делает большие успехи...

Леон Я впервые наслаждался неизъяснимой прелестью женского изящества. Очарование оборотов речи, строгий вкус в туалетах, непринуждённые позы спящей голубки - все это было мне внове. Мне нравились и восторженность ее натуры, и кружевная отделка ее платья. При этом Эмма была "светской женщиной", да еще замужней! Одним словом, настоящая любовница!..

То самоуглубленная, то жизнерадостная, то словоохотливая, то неразговорчивая, то порывистая, то безучастная, Эмма этой сменой настроений рождала во мне вихрь желаний, будила инстинкты и воспоминания. Кто была для меня Эмма? Главный женский образ всех романов, героиня всех драм, загадочная «она» всех сборников стихов. Я находил, что плечи ее своим янтарным отливом напоминают плечи "Купающейся одалиски", что талия у нее длинная, как у хозяек феодальных замков. Еще она походила на «бледную даму Барселоны», но, прежде всего, она была ангел.

Эмма (*шепчет*) – О, не шевелись! Не говори! Смотри на меня! В твоих глазах столько нежности, что мне делается так хорошо! Дитя, ты любишь меня?

Автор Ответа она не дожидалась - его губы впивались в ее рот.

На часах в жеманной позе стоял маленький бронзовый купидон под позолоченной гирляндой. Эмма и Леон часто над ним смеялись. Но при расставании все рисовалось им в мрачном свете.

Леон - До четверга!..

Эмма - До четверга!.. Прощай!

На другой день я чувствовала себя ужасно, а затем с каждым днем муки становились все невыносимее: я жаждала вновь испытать уже изведенное блаженство, и этот пламень страсти, распалемый воспоминаниями, разгорался неукротимо лишь на седьмой день под ласками Леона. Я упивалась его любовью, любовью сдержанной, глубокой, и, уже заранее боясь потерять ее, прибегала ко всевозможным ласковым ухищрениям.

- Ах, ты бросишь меня!.. Ты женишься... Ты поступишь, как и другие.

Леон - Кто «другие»?

Эмма - Ну, мужчины... Словом все вы бесчестны и низки! Когда-то, еще до тебя, я любила одного человека... но не так, как тебя! Клянусь здоровьем дочери, что между нами ничего не было...

Леон – А чем он занимался?

Эмма - Он был капитаном корабля, друг мой...

Леон Вот когда я понял всю ущербность своего положения! Я стал завидовать эполетам, чинам, орденам. Расточительность Эммы доказывала, что все это должно ей нравиться.

Эмма Между тем я еще скрывала многие свои прихоти: так, например, я мечтала завести для поездок в Руан синее тильбюри, английскую лошадку и грума в ботфортах с отворотами. Этот

каприз спровоцировал сам Жюстен: он ведь умолял взять его к себе «камердиниром».

- Ах, Леон! Как бы нам с тобой было хорошо в Париже!

Леон - А разве здесь нам плохо?

Эмма – Да, это правда! Это я сглупила. Поцелуй меня.

Автор С мужем она была особенно предупредительна, делала для него фисташковые кремы, играла после обеда вальсы. Он считал себя счастливейшим из смертных, и Эмма была спокойна до тех пор, пока однажды вечером он не спросил ее:

Шарль - Ведь ты берешь уроки у мадемуазель Лампрер?

Эмма - Да.

Шарль - Ну так вот, я только что встретился с ней у госпожи Льежар. Заговорил о тебе, а она тебя не знает.

Эмма - Она просто забыла мою фамилию!

Шарль - Но может быть, в Руане есть несколько Лампрер - учительниц музыки?

Эмма – Возможно... Да ведь у меня есть ее расписки. Сейчас я тебе покажу.

(роется в ящиках секретера) Где же они?!.

Шарль – Умоляю тебя, не огорчайся из-за каких-то несчастных расписок!..

Эмма - Нет, я найду их!

Автор И точно: в следующую пятницу Шарль, натягивая сапоги в темной конурке, где было свалено все его платье, нащупал ногой листок бумаги...

Шарль - "Получено за три месяца обучения и за всякого рода покупки шестьдесят пять франков. Преподавательница музыки, Фелиси Лампрер".

Что за чертовщина! Как это могло попасть ко мне в сапог?

Эмма - Наверно, расписка выпала из старой папки со счетами - той, что лежит на полке с краю.

Автор С этого дня вся ее жизнь превратилась в хитросплетение всяческих измышлений, под покровом которого она прятала свою любовь. Это стало для нее потребностью, манией, наслаждением, и если она утверждала, что шла вчера по правой стороне, значит, на самом деле по левой, а не по правой.

В один прекрасный день, выйдя под руку с Леоном из отеля "Булонь", Эмма наткнулась на г-на Лере. Эта встреча напугала ее: она была уверена, что он начнет болтать. Но г-н Лере оказался умнее. Он пришел к ней через три дня и затворил за собой дверь.

Лере – Я нуждаюсь в деньгах.

Эмма – Но у меня ничего нет.

Лере – У меня есть все основания быть недовольным: из двух выданных Шарлем векселей вы пока что уплатили по одному. Что касается второго, то я по вашей просьбе согласился заменить его двумя новыми, да и те уже были переписаны и платеж по ним перенесен на весьма далекий срок. А вот неоплаченные счета: занавески, ковер, обивка для кресел, отрезы на платья, разные туалетные принадлежности - всего приблизительно тысячи на две франков... И если у вас нет наличных, то зато у вас есть собственность...

Автор Он имел в виду скверную лачугу в Барневиле, близ Омаля, приносящую ничтожный доход. В былые времена она составляла часть небольшой фермы, проданной Бовари-отцом. Г-ну Лере было известно все, вплоть до того, сколько там гектаров земли и как зовут соседей.

Лере - Я бы на вашем месте с этим имением развязался. После расплаты с долгами у вас еще останутся деньги.

Эмма - На этот дом трудно найти покупателя.

Лере – Я возьмусь за это дело сам.

Эмма - Как мне получить право на продажу?

Лере - Да разве у вас нет доверенности?

Эмма - Оставьте мне счет.

Лере – О!.. Это не трудно...

Автор Через неделю он пришел опять...

Лере - После долгих поисков я напал на некоего Ланглуа, который давно уже подбирается к этой недвижимости и дает четыре тысячи франков.

Эмма – Великолепно!

Лере - Цена, и правду сказать, хорошая.

Эмма – Можете взять половину по счету.

Лере – Честное слово, меня огорчает, что я лишаю вас такой солидной части.

Эмма – Вот как!.. Вот как!..

Лере (*посмеиваясь*) - Со счетом можно сделать все, что хотите, уверяю вас! Я знаю, что такое хозяйственные расходы. Вот

четыре векселя на сумму в четыре тысячи франков каждый.

Подпишите, а деньги возьмите себе.

(у нее вырвался крик возмущения)

Лере - Но ведь я же у вас не беру остатка. Вы не находите, что это большая любезность с моей стороны? Я не понимаю, что вас тут смущает. Через полгода вы получите все деньги за свой домишко, а на последнем векселе я проставил более чем полугодовой срок.

Эмма Все эти сложные вычисления сбили меня с толку. В ушах у меня звенело, мне казалось, будто золотые монеты сыплются вокруг меня на пол.

Лере - В Руане у меня есть приятель - банкир, некто Венсар, который учтет эти четыре векселя, а то, что останется после уплаты реального долга я верну вам.

Эмма Но вместо двух тысяч франков он принес тысячу восемьсот...

Лере - Дело в том, что мой друг Венсар удержал "законно следуемые" двести франков за комиссию и за учет. Мне нужна от вас расписка. Вы понимаете... в коммерции... порою... И укажите дату, пожалуйста, дату...

Автор Перед Эммой открылся простор для осуществления своих фантазий. У нее, впрочем, хватило благоразумия отложить тысячу экю, и эти деньги она уплатила в срок по первым трем векселям, но четвертый якобы случайно свалился на голову Шарлю как раз в четверг, и Шарль в полном недоумении стал терпеливо ждать, когда вернется жена и все ему растолкует.

Эмма (*ласково*) - Да, правда, милый, я ничего тебе не сказала про этот вексель, но мне просто хотелось уберечь тебя от домашних хлопот. Если принять во внимание, сколько я всего накупила, то выйдет совсем не так дорого...

Автор Шарль с горя обратился все к тому же Лере, и торгаш обещал все уладить, если только господин доктор выдаст ему два векселя, в том числе один на сумму в семьсот франков сроком на три месяца. В поисках выхода из положения Шарль написал матери отчаянное письмо. Г-жа Бовари-мать, не долго думая, приехала сама.

Эмма – Тебе удалось что-нибудь вытянуть?

Шарль - Да, но только она просит, чтобы ей показали счет.

Автор На другое утро Эмма чуть свет побежала к г-ну Лере и попросила его выписать другой счет - не больше чем на тысячу франков. Показать счет на четыре тысячи было равносильно признанию в том, что две трети этой суммы уже выплачены, следовательно - открыть продажу дома, а между тем торговец хранил эту сделку в такой строгой тайне, что про нее узнали много позднее.

Г-жа Бовари мать (*читая счет*)- Неужели нельзя было обойтись без ковра? Для чего менять обивку на креслах? В мои времена полагалось только одно кресло - для пожилых людей. По крайней мере, так было заведено у моей матери, а она была, смею вас уверить, честная женщина. Всем богатыми не стать! Никакое состояние не выдержит такого растраниживания! Я бы постыдилась так себя холить и лелеять, как вы, а ведь я старуха, за

мною нужен уход... Ну и дела! Только бы рядиться, только бы пыль в глаза пускать! Ведь это что ж такое: шелк на подкладку по два франка... когда есть отличный батист по десяти, даже по восьми су!

Эмма (*еле сдерживаясь*) – Ах, мадам, довольно, довольно!..

Г-жа Бовари мать - Вы закончите свои дни в больнице для бедных. Впрочем, Шарль сам виноват. Хорошо еще, что он обещал уничтожить доверенность...

Эмма - То есть как уничтожить?

Г-жа Бовари мать - Он мне поклялся.

Эмма – Шарль!.. Шарль!

Шарль (*входя*) – Что случилось?

Эмма – Ты поклялся уничтожить доверенность?.. Что ж, вот она!

Г-жа Бовари мать - Благодарю вас. (*рвет бумагу*)

(Эмма засмеялась резким, громким, неудержимым смехом: у нее начался

нервный припадок)

Шарль - Ах ты, господи! Ты тоже не права! Зачем ты устраиваешь ей сцены?..

Г-жа Бовари мать - Все это одни штучки!.. Нет, нет! Ее ты любишь больше, чем меня, и так и надо, это в порядке вещей. Тут уж ничего не поделаешь! Впрочем, тем хуже! Сам увидишь!.. Будь здоров!.. Больше я, как ты выражаешься, не устрою ей сцены.

Автор Шарль все же чувствовал себя виноватым перед Эммой, а та и не думала скрывать, что обижена на него за недоверие. Ему

пришлось долго упрашивать ее, прежде чем она согласилась, чтобы на ее имя была составлена новая доверенность.

Какую разнузданность позволила себе Эмма в следующий четверг в их номере с Леоном! Смеялась, плакала, пела, танцевала, заказывала шербет, требовала сигарет...

Леон Она показалась мне несколько экстравагантной, но зато восхитительной, великолепной...

Автор Он не догадывался, что происходило у нее в душе, что заставляло ее так жадно ловить каждый миг наслаждения. Она стала чересчур возбудимой, прожорливой, сластолюбивой. С гордо поднятой головой она ходила с ним по городу, не боясь себя скомпрометировать.

Эмма Меня только пугала мысль о возможной встрече с Родольфом. Хотя мы расстались навсегда, я все еще чувствовала над собой его власть.

Шарль Однажды вечером Эмма не вернулась в Ионвиль. Я совсем потерял голову, а маленькая Берта не хотела ложиться спать без мамы и неутешно рыдала. Жюстен на всякий случай пошел встречать мадам. Г-н Оме оставил аптеку. Когда пробило одиннадцать, я не выдержал, запряг свой шарабанчик, погнал лошадь - и в два часа ночи подъехал к "Красному кресту". Эммы там не было. Мне пришло в голову: не видел ли ее случайно Леон? Но где его дом? К счастью, я вспомнил адрес его начальника и побежал к нему. Светало. Разглядев дощечку над дверью, я постучал. Кто-то, не отворяя, прокричал мне, где живет Леон, и

обругал на чем свет стоит тех нахалов, которые беспокоят всех по ночам.

В доме, где проживал Леон, не оказалось ни звонка, ни молотка, ни швейцара. Я изо всех сил застучал в ставни. Мимо прошел полицейский.

Я испугался и поспешил удалиться.

Я сошел с ума, несомненно, она пообедала у Лормо и осталась у них ночевать. Но семейство Лормо уехало из Руана. Значит, она ухаживает за госпожой Дюбрейль... Ах да! Мадам Дюбрейль десять месяцев тому назад умерла!.. Где же она?..

Тут меня осенило. Я спросил в кафе табель-календарь, быстро нашел фамилию мадемуазель Лампрер и выяснил, что она живет в доме номер 74 по улице Ренель-де-Марокинье.

Но, выйдя на эту улицу, я еще издали увидел Эмму - она шла мне навстречу....

- Почему ты вчера не приехала?

Эмма - Я заболела.

Шарль - Чем заболела?.. Где?.. Как?..

Эмма – У мадмуазель Лампрер.

Шарль - Я был уверен! Я как раз туда направлялся.

Эмма – О, не стоило трудов... Она только что ушла. В другой раз, пожалуйста, не беспокойся. Если я буду знать, что ты сам не свой из-за малейшего моего опоздания, то я тоже стану нервничать, понимаешь?

Автор Так образом она завоевала себе свободу своих тайных походов. И этой свободой она пользовалась широко.

Соскучившись без Леона, она под любым предлогом уезжала в Руан, а так как Леон в тот день ее не ждал, то она приходила к нему в контору.

Леон Первое время это было для меня великим счастьем, но вскоре я ей признался, что начальник недоволен моим поведением.

Эмма - Ах, вот ещё! Поди ж ты!...

Леон И я менял разговор.

Эмма Мне хотелось, чтобы он сшил себе черный костюм и отпустил бородку, как на портретах Людовика XIII. Я побывала у него и нашла, что комната плохонькая. Леон покраснел.

Эмма – Купи, хотя бы такие же занавески, как у меня.

Леон - Мне это не по карману.

Эмма (*смеясь*) – Ах, ах!.. Подумать только, как же ты мелочен!

Леон Каждый раз я должен был докладывать ей, как я без нее жил. Она требовала, чтобы я писал стихи и посвящал ей, чтобы я сочинил "оду о любви" в её честь. Но я никак не мог подобрать ни одной рифмы и в конце концов списал сонет из подарочного издания.

Автор Руководило им не тщеславие, а желание угодить Эмме. Он никогда с ней не спорил, он подделывался под ее вкусы, скорее он был ее любовницей, чем она его. Она знала такие ласковые слова и так умела целовать, что у него захватывало дух. Где научилась она этой испорченности - научилась глубоко и скрытно, поскольку внешне это в ней как будто не ощущалось?..

Леон Когда я приезжал в Ионвиль повидаться с Эммой, я часто обедал у фармацевта Оме и как-то из вежливости пригласил его, в свою очередь, к себе.

Оме – Охотно! Мне давно пора встряхнуться, а то я здесь совсем отупел. Мы отправимся на спектакль, в ресторан, побезумствуем!

Г-жа Оме - Ах, друг мой!..

Оме - А ты что думаешь, не вредно для моего здоровья - постоянно дышать аптечным воздухом? Женщины все таковы: сначала ревнуют к науке, а потом восстают против самых невинных развлечений. Неважно! Положитесь на меня: как-нибудь я нагрюну в Руан, и мы уж с вами посорим деньжатами!

Автор В прежнее время аптекарь ни за что не употребил бы подобного выражения, но теперь он охотно впадал в игривый парижский тон, что являлось для него признаком хорошего вкуса. Как и его соседка, мадам Бовари, он с любопытством расспрашивал Леона о столичных нравах и даже, на удивление обывателям, уснащал свою речь жаргонными словечками, вроде: конура, пижон, хлюст и: «я рвану», вместо «я поеду».

Эмма Итак, в один из четвергов я, к своему удивлению, встретила в "Золотом льве", на кухне, г-на Оме, одетого по дорожному, то есть в старом плаще, в котором он никогда прежде не появлялся, с чемоданом в одной руке и с грелкой из собственного заведения в другой. Он никого не посвятил в свои планы из боязни смутить публику своим отсутствием.

Автор Всю дорогу он рассуждал сам с собой - его волновало то, что он увидит места, где протекла его молодость. Не успел

дилижанс остановиться, а г-н Оме уже спрыгнул с подножки и помчался разыскивать Леона. Как тот ни отбивался, фармацевт затащил его в большое кафе "Нормандия" и с величественным видом вошел туда в шляпе, ибо он считал, что снимать шляпу в общественных местах слишком провинциально.

Эмма Я прождала Леона в гостинице три четверти часа. Наконец не выдержала - сбегала к нему в контору, вернулась обратно, строила всевозможные предположения, мучилась мыслью, что он охладел ко мне, себя осуждала за бесхарактерность и простояла полдня, прижавшись лбом к оконному стеклу.

Автор В два часа дня Леон и г-н Оме все еще сидели друг против друга за столиком кафе. Оме наслаждался. Роскошь опьяняла его еще больше, чем хороший стол, но помардское вино тоже оказало на него свое действие, и, когда подали омлет с ромом, он завел грязный разговор о женщинах.

Оме – В женщинах больше всего я ценю "шик". Я обожаю элегантные туалеты, хорошо мебелированные комнаты, а что касается телесных достоинств, то я ничего не имею против маленьких крошек.

Автор Леон время от времени устремлял полный отчаяния взгляд на стенные часы. А фармацевт все ел, пил, говорил.

Оме – Вы, должно быть, завели интрижку в Руане... Впрочем, ваша возлюбленная живет недалеко... Ну же, будем откровенны! Вы же не станете отрицать, что в Ионвиле... *(Леон что-то пробормотал)* Вы ни за кем не волочитесь у госпожи Бовари?..

Леон - Да за кем же?..

Оме - За служанкой!

Леон – Но мне же нравятся только брюнетки!

Оме - Я с вами согласен. Они гораздо темпераментнее. К примеру, этнографически: немки истеричны, француженки распутны, итальянки страстны...

Леон - А негритянки?..

Оме - Это дело художественного вкуса... Человек! Две полпорции!

Леон – Пойдем?

Оме – Yes!

Леон – У меня дело...

Оме – А-а.. Так я вас сопровожу!

Автор Дорогой он говорил о своей жене, о детях, об их будущем, о своей аптеке, о том, какое жалкое существование влачила она прежде и как он блестяще ее поставил. Дойдя до гостиницы "Булонь", Леон неожиданно бросил аптекаря, взбежал по лестнице и застал свою возлюбленную в сильном волнении. При имени фармацевта она вышла из себя.

Леон - Чем же я виноват? Разве ты не знаешь его? Как ты могла подумать, что я предпочел его общество?..

Автор Она все отворачивалась от него; наконец он привлек ее к себе, опустился на колени и, обхватив ее стан, замер в сладострастной позе, выражавшей вожделение и мольбу.

(стук в дверь)

Слуга – Вас спрашивает какой-то господин.

Эмма - Ты вернешься?

Леон - Конечно.

Эмма – Но когда?

Леон – Сейчас же. *(выходит)*

Оме – Это уловка... Я решил прервать ваш визит. Мне показалось, что он вам неприятен. Пойдемте к Бриду, выпьем по стаканчику эликсира гарюс.

Леон - Мне давно пора в контору.

Оме - Да пошлите вы к черту своих крючкотворов! Чего вы боитесь? Будьте молодцом ! Пойдемте к Бриду! Он вам покажет свою собаку. Это весьма любопытно!

Леон – Нет, нет! Не могу, я должен быть на службе...

Оме - Ну так я тоже пойду в вашу контору. Пока вы освободитесь, я почитаю газету, полистаю Свод законов... Идемте же к Бриду! Он живет в двух шагах, на улице Мальпалю.

Автор И по своей мягкотелости, по глупости, подстрекаемый тем не поддающимся определению чувством, которое толкает нас на самые некрасивые поступки, Леон дал себя отвести к Бриду. Они застали его во дворе - он наблюдал за тремя парнями, которые крутили, пыхтя, тяжелое колесо машины для изготовления сельтерской воды. Оме начал давать им советы, потом стал обниматься с Бриду, потом все трое выпили эликсир. Леон двадцать раз пытался уйти, но Оме хватал его за руку...

Оме - Сейчас, сейчас! Я тоже иду. Мы с вами зайдем в "Руанский светоч", посмотрим на журналистов. Я вас познакомлю с Томасеном.

Автор В конце концов Леон все же избавился от него - и бегом в гостиницу: Эммы там уже не было. Вне себя от ярости она только что уехала в Ионвиль.

Эмма Я ненавижу Леона! То, что он не пришел на свиданье - личное оскорбление! Необходимо найти причины, чтобы порвать с ним. Человек он вполне заурядный, бесхарактерный, безвольный, как женщина, неспособный на подвиг да к тому же еще скупой и трусливый!

Автор Несколько успокоившись, она поняла, что была к нему несправедлива. Но когда мы черним любимого человека, то это до известной степени отдаляет нас от него. До идолов дотрагиваться нельзя - позолота остаётся на пальцах.

Эмма Я вернулась к Леону еще более пылкой, еще более жадной, чем прежде. Я срывала с себя платье, выдергивала из корсета тонкий шнурок, и шнурок скользящей змеей струился по моим бедрам. Босиком, на цыпочках я еще раз подходила к порогу, убеждалась, что дверь заперта и мгновенно сбрасывала с себя оставшиеся на мне одежды...

Леон Но на этом покрытом холодными каплями лбу, на этих лепечущих губах, в этих блуждающих зрачках, в сцеплении ее рук было что-то неестественное, что-то непонятное и мрачное, и мне казалось, будто это «что-то» внезапно проползает между нами и разделяет нас. Я не смел задавать ей вопросы, но я считал ее опытной женщиной, испытавшей в жизни все муки и все наслаждения. Что когда-то пленяло, то теперь отчасти пугало. Кроме того, она все больше и больше поработала мою личность,

и это вызывало внутренний протест. Я не мог простить Эмме ее постоянного превосходства надо мной. Я пытался даже разлюбить ее, но, заслышав скрип ее туфелек, терял над собой власть, как пьяница - при виде крепких напитков.

Эмма Я все же люблю его!.. Неважно! Счастья у меня нет и никогда не было прежде. Откуда же у меня это ощущение неполноты жизни, отчего мгновенно истлевает всё то, на что я пытаюсь опереться?.. Но если есть на свете то сильное и прекрасное существо, та отважная натура, пылкая и вместе с тем тонко чувствующая, ангел во плоти, поэтическое сердце, звонкая лира, возносящая к небу тихие свадебные гимны,- почему ненароком не встретить его? О нет, невозможно! Да и не стоит искать - все на свете обман! За каждой улыбкой кроется зевок от скуки, за каждой радостью - проклятие, за удовольствием - отвращение, и даже после самых жарких поцелуев остается лишь неутолимая жажда еще большего наслаждения.

Автор Но однажды к ней явился какой-то жалкий, плешивый и краснолицый человечек и сказал, что он из Руана, от г-на Венсара. Вытащив булавки, которыми был заколот боковой карман его длинного зеленого сюртука, он воткнул их в рукав и вежливо протянул Эмме какую-то бумагу. Это был выданный Эммой вексель на семьсот франков - Лере нарушил все свои клятвы и подал его ко взысканию. Она опрометью бросилась к торговцу.

Лере – Я к вашим услугам! Что нового?

Эмма (*протянув бумагу*)- Смотрите...

Лере – Ну и что дальше?

Эмма – Вы же обещали не пускать в обращение мой вексель!..

Лере – Но я был вынужден – ко мне самому пристают с ножом к горлу.

Эмма – И что же теперь будет?..

Лере – О! Всё очень просто: сперва суд, потом арест имущества... И крышка!..

Эмма - Нельзя ли как-нибудь смягчить Венсара?

Лере – Ах да, как же! Венсара, пожалуй, смягчишь! Плохо вы его знаете. Кровожаден, что твой зверь лютый!

Эмма – Однако, вам нужно вмешаться!..

Лере - Послушайте! Мне кажется, до сих пор я был достаточно вам полезен. Вот пожалуйста!.. *(листает счета)* Посмотрим...

посмотрим... Третьего августа - двести франков... Семнадцатого июля - полтора ста... Двадцать пятого марта - сорок шесть... В апреле... И это, не считая векселей, выданных мсье Бовари, одного - на семьсот франков, а другого - на триста! А вашим мелким займам под проценты конца нет – сплошная неразбериха! Нет уж, больше я вмешиваться не буду!

Эмма *(плачет)*- Мой дорогой мсье Лере!..

Лере - Всё этот пройдоха Венсар!.. К тому же у меня самого сейчас ни гроша, долгов никто не платит, все обдирают меня как липку! Я - бедный лавочник! Я не в состоянии давать займы... Хотя, если у меня на днях будут поступления... тогда я смогу...

Эмма - Во всяком случае, как только я получу остальную сумму за Барневиль...

Лере – Что, что?..

Эмма - Ланглуа еще не полностью расплатился...

Лере - Так вы полагаете, мы с вами можем договориться?..

Эмма - О, это как вы пожелаете!..

Лере – М-м-м... Всё это сплошная головная боль... Слишком щекотливое дело... Я точно себя разорю!.. Ну что ж...

Автор И он продиктовал Эмме четыре векселя по двести пятьдесят франков каждый, причем все они должны были быть погашены один за другим, с месячным промежутком в платежах.

Лере - Только бы Венсар меня послушал! Впрочем, договорились. Я никого за нос не вожу, я весь как на ладони!.. Посмотрите-ка на мои новые товары! Впрочем, ни один из них не заслуживает вашего внимания, мадам. Подумать только: вот эта материя - по семи су за метр да еще с ручательством, что не линяет! С руками отрывают! Сами понимаете, вся уловка в том, чтобы убедить в полной её добротности... А взгляните на гипюр - три метра этой материи я приобрел на распродаже. Хорошо! Теперь его много берут на кружевные салфетки для кресел. Мода! *(отрезав кусок материи)* Это вам. Возьмите!..

Эмма – Но как же я смогу?..

Леон – А-а! Потом сочтемся!..

Эмма В тот же вечер я умолила Шарля написать матери, чтобы она немедленно выслала нам все, что осталось от наследства. Свекровь ответила, что у нее ничего больше нет: ликвидация имущества закончена, и, не считая Барневиля, на нашу долю приходится шестьсот ливров годового дохода, каковую сумму она безусловно будет выплачивать. Тогда я послала кое-

кому из пациентов счета и вскоре начала широко применять это оказавшееся действительным средство. В постскриптуме я неукоснительно добавляла: "Не говорите об этом мужу – вы же знаете, какой он гордый... Простите... Всегда к вашим услугам..." Пришло несколько протестов; я перехватила эти письма.

Автор Чтобы наскрести денег, она продавала старые перчатки, старые шляпки, всякие железяки... Торговалась она с азартом, - ради наживы в ней заговорила мужицкая кровь.

Эмма Этого мало: я придумала закупить в Руане всяких безделушек - в расчете на то, что сумею перепродать их г-ну Лере, а может быть, и другим торговцам. Я накупила страусовых перьев, китайского фарфора, шкатулок... **Автор** Она занимала у Фелисите, у г-жи Лефрансуа, в гостинице "Красный крест", у кого угодно. Получив наконец последние деньги за Барневиль, она уплатила по двум векселям, но тут подоспел срок еще одному - на полторы тысячи.

Эмма Я опять влезла в долги - и так без конца!..

Автор Как печально выглядел теперь ее дом! Оттуда постоянно выходили разъярённые поставщики. Маленькая Берта, к великому ужасу г-жи Оме, ходила в дырявых чулках.

Шарль Когда я робко пытался сделать жене замечание, она резко отвечала, что это не ее вина. Что было причиной подобных вспышек? Я всё объяснял ее хроническим неврозом, упрекал себя в том, что принимал болезненные явления за свойства характера, обвинял себя в эгоизме, мне хотелось приласкать ее, но я тут же себя останавливал:

- О, нет, не надо ей досаждать!..

После обеда я гулял в саду один. Иногда брал на колени Бертю, открывал медицинский журнал и пытался учить её читать. Но никогда ничему не учившаяся малышка, смотрела на меня большими грустными глазами и начинала плакать. Тогда я пытался утешить её: приносил в лейке воду и пускал ручейки по дорожке, обламывал бирючину и втыкал ветки в клумбы, в виде деревьев, что, однако, не очень портило общий вид сада - до того он был запущен: ведь мы так давно не платили садовнику. Потом девочка зябла и звала маму.

- Позовём лучше няню... Ты же знаешь, маленькая: мама не любит, чтобы её беспокоили.

Автор Уже наступила осень, опадала листва - совсем как два года назад, во время болезни Эммы.

Эмма - Когда же все это кончится?!. *(кричит)*

Шарль *(вбегая)* – Что с тобой, дорогая?..

Эмма – Ах, уйди же, уйди!..

Эмма Иной раз внутри меня с новой силой разгорался огонь супружеской измены. Задыхаясь, трепеща, вся охваченная вождедением, я отворяла окно и с наслаждением вдыхала холодный воздух. Ветер трепал мои тяжелые волосы, а я смотрела на звезды и жаждала возвышенной любви. Я думала о нем, о Леоне. Я отдала бы всё за одно-единственное свидание с ним. Оно утолило бы мою страсть...

Эти праздничные дни наступали. Мне хотелось роскоши! И если Леон не мог оплатить все расходы, то я швыряла деньги направо и налево...

Леон - И случалось это почти всякий раз. Я пытался доказать ей, что в другой, более скромной гостинице нам было бы не хуже, но она стояла на своем.

Эмма Как-то я вынула из сумочки шесть позолоченных серебряных ложечек (это был свадебный подарок отца) и попросила Леона сейчас же заложить их на моё имя в ломбарде.

Леон Мне пришлось подчиниться, но этот демарш мне не понравился. Я боялся скомпрометировать себя. Поразмыслив, я пришел к выводу, что моя любовница начинает как-то странно вести себя и что, наверное, правильной всего было бы отвязаться от нее. К тому же кто-то написал моей матери длинное анонимное письмо, предупреждающее, что я "гублю себя с одной замужней женщиной".

Автор Леон и Эмма изучили друг друга настолько, что уже не испытывали того изумления от близости, которое во стократ усиливает удовлетворение. Она им пресытилась, он от нее устал. Эмма обрела в супружеской измене всю пошлость своего замужества.

Эмма Но как от всего этого избавиться?.. От низости подобного счастья? С каждым днем я все отчаяннее цеплялась за него и отравляла себе всякое подобие блаженства тоскою о каком-то необыкновенном блаженстве. Я считала Леона виновным в том, что надежды мои не сбылись, что он меня предал. Мне даже

хотелось, чтобы произошла какая-нибудь катастрофа и повлекла за собой разрыв - решиться самой у меня не хватало храбрости.

Автор Это не мешало ей по-прежнему писать Леону любовные письма: она была убеждена, что женщина всегда должна писать письма любовнику.

Она ощущала теперь непрестанную и всеобъемлющую разбитость. Получая повестки в суд, разные официальные бумаги, она просматривала их мельком. Ей хотелось или совсем не жить, или спать, не просыпаясь.

Дома Фелисите показала ей лист серой бумаги, спрятанный за часами.

Эмма "Копия постановления суда..."

- Какого суда?..

"Именем короля, закона и правосудия мадам Бовари..."

"...в двадцать четыре часа..."

- Что в двадцать четыре часа?

"...уплатить сполна восемь тысяч франков. В противном случае на законном основании будет наложен арест на все ее движимое и недвижимое имущество".

- Что же делать?.. Через двадцать четыре часа! Завтра!.. Лере просто снова пугает меня. О, я разгадала все его маневры, поняла цель его поблажек. Успокаивает чрезмерность указанной суммы...

Автор А между тем, покупая и не платя, занимая, выдавая и переписывая векселя, суммы которых росли с каждой отсрочкой, Эмма накопила г-ну Лере изрядный капитал, который был ему

очень нужен для всевозможных спекуляций. Эмма предстала перед ним как ни в чем не бывало...

Эмма - Вы знаете, что случилось? Это, конечно, шутка?

Лере - Нет.

Эмма - То есть как?

Лере - Неужели вы думаете, дамочка, что я, Христа ради, до скончания века буду служить вам поставщиком и банкиром?

Будьте справедливы: надо же мне когда-нибудь вернуть мои деньги!

Эмма (*кричит*) - Но сумма огромная!..

Лере - Ничего не поделаешь! Утверждено судом! Есть постановление! Вы уведомлены! К тому же, это не я, это Венсар...

Эмма - А вы не могли бы...

Лере – О, ничего!

Эмма - Но... между тем... обдумаем... Я ведь ничего не знала, все это так неожиданно...

Лере - А кто виноват?.. Пока я тружусь как проклятый, вы веселитесь.

Эмма – Ах, только без нравоучений!

Лере - Нравоучения всегда полезны...

Эмма (*вкрадчиво*) - Я умоляю вас!...

Лере – Да оставьте же меня! Такое впечатление, что вы хотите меня соблазнить!..

Эмма (*кричит*) – Вы негодяй!

Лере (*со смехом*) – О, о!.. Какие переходы!

Эмма - Я всем объявлю, кто вы такой! Я скажу мужу...

Лере – Прекрасно!.. А я ему кое-что покажу! Вот ваша расписка на тысячу восемьсот франков... Вы думаете, бедный муженек не разгадает ваше мелкое жульничество?.. Я непременно ему покажу... непременно покажу... Конечно, это не весело, я понимаю. Но никто от этого еще не умирал, и поскольку другого способа вернуть мои деньги нет...

Эмма – Но где же я их найду?!

Лере - Бросьте! У вас столько друзей!..

Эмма – Я вам обещаю, я подпишу...

Лере - Довольно с меня ваших подписей!

Эмма - Я еще что-нибудь продам...

Лере - Помилуйте! У вас ничего больше нет! Аннета! Не забудь три отреза номер четырнадцать.

Эмма - Какая нужна сумма, чтобы прекратить судебное преследование?

Лере – Слишком поздно!

Эмма - А если я вам принесу несколько тысяч франков, четверть суммы, треть, почти все?

Лере - Э, нет, незачем!

Эмма - Умоляю вас, мсье Лере: еще хоть несколько дней!...

Лере - Ну вот! Слезы!..

Эмма – Вы меня обезнадёжили!

Лере - Мне наплевать!..

Автор На другой день, когда судебный пристав Мэтр Аран явился к ней с двумя понятыми описывать имущество, она держала себя стоически.

Начали они с кабинета Бовари. Затем, в кухне переписали блюда, горшки, стулья, подсвечники, а в спальне безделушки на этажерке. Осмотрели туалетную комнату: платья Эммы, белье... Вся жизнь Эммы со всеми ее интимными тайниками была выставлена напоказ этим трем мужчинам, словно труп на вскрытии.

Аран - Позвольте, мадам! Позвольте!.. Прелестно!.. Какая хорошенькая вещица!..

Автор Потом Мэтр Аран опять принимался писать, макая перо в роговую чернильницу, которую он держал в левой руке.

Покончив с жилым помещением, они поднялись на чердак. Там у Эммы стояла конторка, где хранились письма Родольфа.

Пришлось открыть и конторку.

Аран – А! Корреспонденция!.. Позвольте мне удостовериться, что в ящике больше ничего нет.

Автор Он осторожно наклонял конверты, словно для того, чтобы высыпать золотые наполеондоры. С негодованием она наблюдала, как эта жирная рука с красными, влажными, как слизняки, пальцами касается тех страниц, над которыми когда-то сильно билось ее сердце.

Эмма Я чуть было не вышла из себя. Наконец они удалились, оставив сторожа на чердаке. Вошла Фелисите. Я послала ее перехватить Шарля и постараться отвлечь его внимание. Вечером мне показалось, что он чем-то озабочен...

(шаги на чердаке)

Шарль – Кто там ходит наверху?

Эмма - Нет! Оставили открытым слуховое окно, и хлопает от ветра.

Автор На другой день, в воскресенье, она поехала в Руан и обегала всех банкиров, имена которых знала. Но они были за городом или в путешествии. Это ее не испугало. Она просила денег у тех немногих, кого ей удалось застать, и все твердила, что у нее сейчас крайняя нужда и что она отдаст. Некоторые смеялись ей в лицо. Отказали все.

(стук в дверь; Леон открывает)

Леон – Что тебя привело?

Эмма – Я тебя побеспокоила!

Леон - Нет... но... Владелец не любит, когда кто-нибудь принимает женщин.

Эмма - Мне надо с тобой поговорить. Дай воды... Леон, окажи мне услугу... Слушай: мне нужно восемь тысяч франков!

Леон - Ты с ума сошла!

Эмма - Пока еще нет! Вчера описали всё имущество... Это кошмар! Шарль ничего не хочет знать, свекровь меня ненавидит, отец ничем не в состоянии помочь и только ты можешь раздобыть нужную сумму...

Леон – Как ты себе это представляешь?..

Эмма – Какой же ты трус!..

Леон - Ты видишь всё в чёрном свете! Скорей всего, и тысяча экую утихомирят твоего старикашку.

Эмма - Тем больше оснований сделать хоть какой-нибудь шаг! Не может быть, чтобы нельзя было достать три тысячи франков...

Притом ты можешь занять не для себя, а для меня... Иди!
Попробуй! Это необходимо! Торопись!.. О, за дело! За дело! Я
тебя ещё больше буду любить!

Автор Он ушел. Вернулся через час...

Леон - Я был у троих... Бесполезно!

Эмма – Будь я на твоём месте, я бы нашла...

Леон - Да где же?

Эмма – В твоей конторе!

Леон – Да! Ведь сегодня ночью должен вернуться Морель! Он мой
друг, сын крупного торговца. Надеюсь, он мне не откажет. Завтра
я привезу тебе деньги... Но если к трем часам меня не будет, ты уж
меня не жди, дорогая... А сейчас, извини - мне нужно идти.

Прощай!

Автор Эмма чувствовала себя опустошённой.

Пробило четыре часа, и она по привычке, как автомат, встала с
места - надо было ехать обратно в Ионвиль. Погода стояла
чудесная. Был один из тех свежих и ясных мартовских дней, когда
солнце сияет на выцветшем небе. Руанцы, нарядные ради
воскресного дня, разгуливали на воздухе и, казалось, наслаждались
жизнью. Эмма дошла до соборной площади. Только что кончилась
всенощная, и народ расходился.

Эмма Будь что будет!.. А потом, кто знает? Почему бы ни
произойти чему-то необычайному? Лере, скажем, возьмёт да умрет.

Автор В девять часов утра ее разбудил шум на площади. У рынка,
около столба, на котором было наклеено большое объявление,
собрался народ, а Жюстен, стоя на тумбе, срывал объявление. Но

в эту минуту его схватил за шиворот сельский сторож. Из аптеки вышел г-н Оме. Тетушка Лефрансуа стояла в центре толпы и о чем-то разглагольствовала.

Фелисите (*вбегая*) - Мадам! Мадам!.. Вот безобразие! Смотрите: объявление о распродаже имущества... Почему бы вам, мадам, не пойти к нотариусу, Мэтру Гильомену?

Эмма - Ты думаешь?

Фелисите - Да, пойдите к нему, вы поступите правильно!

Автор Мадам Бовари надела черное платье и шляпку с отделкой из стекляруса. Чтобы ее не увидели (на площади все еще толпился народ), она пошла задворками, по берегу реки.

(звонок в дверь)

Эмма – Мсье, у меня к вам просьба...

Гильомен (*жуя*) - Какая, мадам? Я вас слушаю.

Автор Она начала излагать суть дела. Мэтр Гильомен все уже знал от самого торговца тканями, с которым не раз тайком обделывал дела: когда нотариуса просили устроить ссуду под залог, Лере охотно давал ему деньги.

Гильомен - У вас промокли ноги... Прошу вас, садитесь к печке... Согреетесь... А ноги поближе к огню.

Эмма – Я вам тут всё испачкаю.

Гильомен - Красоту ничто не испортит...

Эмма – Мне нужна тысяча экю.

Гильомен - Напрасно вы раньше не уполномочили меня распорядиться вашим состоянием... Ведь есть же много приемлемых и для женщины способов получить прибыль.

Можно было без всякого риска отлично заработать на торфяных разработках в Грюмениле, на земельных участках в Гавре.

Почему же вы не обратились ко мне?

Эмма - Сама не знаю...

Гильомен - Почему же все-таки?.. Неужели вы меня боялись?

Значит, это я должен жаловаться! Если бы мы поближе узнали друг друга! Ведь я предан вам всей душой. Надеюсь, теперь вы в этом не сомневаетесь?..

Эмма - Я жду, мсье!..

Гильомен - Чего же?

Эмма - Денег.

Гильомен - Но... Ну, хорошо!.. Молю вас, останьтесь! Я люблю вас!..

Эмма - Как вам не стыдно, мсье! Вы бессовестно пользуетесь моим бедственным положением!.. Негодяй! Хам!.. Какая подлость!

Меня можно уничтожить, но купить меня нельзя! (*Эмма выбежала из комнаты*)

Автор На нее нашла какая-то воинственность. Ей хотелось бить всех мужчин, плевать им в лицо, всех уничтожить. Бледная, дрожащая, разъяренная, она быстро шла вперед, глядя сквозь слезы в пустынную даль, задыхаясь от злобы. Завидев свой дом, она вдруг почувствовала полный упадок сил. Ноги не слушались ее, но не войти она не могла, - куда же ей было бежать?

Фелисите - Ну что?

Эмма - Ничего!.. Возможно ли? Никто не хочет помочь!..

Фелисите - А ведь сейчас придет мсье!

Эмма - Я знаю... Оставь меня одну.

Я всё испробовала. Теперь ничего не осталось. Когда Шарль придет, я скажу ему начистоту:

- Уходи отсюда. Ковер, по которому ты ступаешь, уже не наш. От всего твоего дома не осталось ни одной вещи, ни булавки, ни былинки, и это я тебя разорила, несчастный ты человек!

Тут Шарль разрыдается, а когда выплечется, когда первый порыв отчаяния пройдет, он простит меня. Да, он простит меня... А я и за миллион не простила бы того, что я была дарована ему... Никогда! Никогда! Как бы то ни было, сознаюсь я или не сознаюсь, все равно - сейчас, немного погодя или завтра, но он узнает о катастрофе. Значит, мучительного разговора не избежать, я неминуемо должна буду принять на себя всю тяжесть его великодушия. Не сходить ли еще раз к Лере? К чему?.. Написать отцу? Слишком поздно...

Автор Быть может, она уже теперь раскаивалась, что отказала нотариусу, но тут внезапно послышался конский топот. Это подъехал Шарль, он уже отворил калитку; он был мертвенно-бледным, как полотно. Перепрыгивая через ступени, Эмма выбежала из дома...

Эмма (вбегая)- Тетушка Роле, я задыхаюсь!.. Расшнуруйте мне корсет.

Автор Эмма рухнула на кровать. Она рыдала. Тетушка Роле накрыла ее нижней юбкой и стала возле кровати.

Кормилица Что её беспокоит?.. Зачем она пришла?

Автор Она прибежала к кормилице, движимая страхом, который выгнал её из дома. Лежа на спине, она неподвижным, остановившимся взглядом смотрела прямо перед собой, и хотя разглядывала предметы с каким-то тупым вниманием, а все же различала их неясно. Она не отрывала глаз от трещин на стене, от двух дымящихся головешек и от большого паука, ползающего по щели в потолочной балке у неё над головой. Наконец ей удалось привести мысли в порядок. Она вспомнила... Однажды она шла с Леоном...

Эмма О, как это было давно!.. Река сверкала на солнце, благоухал ломонос...

- Который час?

Автор Тетушка Роле вышла во двор, протянула руку ребром к самой светлой части неба и медленно вернулась домой.

Кормилица - Скоро три.

Эмма – Ах, спасибо! Спасибо!.. Сейчас приедет Леон. Наверняка приедет! Он достал денег. Но ведь он не знает, что я здесь... Тетушка Роле, сбегайте за ним. Поторопитесь!..

Кормилица - Иду, иду, моя дорогая!..

Эмма Не могу понять, почему я не подумала о нем с самого начала. Вчера он дал слово, он не подведет. Я войду к Лере и выложу на стол три кредитных билета. Потом еще надо будет как-нибудь объяснить всё Шарлю...

Автор Кормилица между тем все не шла. Часов в лачуге не было, и Эмма успокоила себя тем, что это из-за её преувеличенных страхов так медленно тянется время.

Кормилица (*входя*)- К вам никто не приходил!

Эмма - Как?

Кормилица - Никто, никто!.. А мсье плачет. Он зовет вас. Все вас ищут...

Автор Эмма ничего не сказала в ответ. Она задыхалась, она смотрела вокруг блуждающим взглядом. Кормилица, увидев, какое у неё лицо, невольно попятилась: ей показалось, что мадам сошла с ума.

Эмма – Родольф!!! Он такой добрый, такой деликатный, такой благородный! Если даже он начнет колебаться, я заставлю его оказать мне эту услугу: довольно одного моего взгляда, чтобы в его душе вмиг воскресла наша забытая любовь.

Автор И она отправилась в Ла Юшет, не отдавая себе отчета, что теперь она сама идет на то, что еще так недавно до глубины души возмутило бы ее, - не помышляя о том, какое это падение.

Эмма Что я скажу ему? С чего начну?..

Автор Все ей здесь было знакомо: каждый куст, каждое дерево, пригорок, поросший дроком, усадьба вдали. Она вновь ощущала прежнюю нежность, ее бедное опустошённое сердце наполнялось влюбленностью. Теплый ветер дул ей в лицо; снег таял и по капле стекал на траву с еще не раскрывшихся почек. Она, как прежде, вошла в парк через калитку, оттуда во двор, окаймленный двумя рядами раскидистых лип. Их длинные ветви раскачивались со свистом. На псарне дружно залаяли собаки, Но как они ни надрывались, на крыльцо никто не вышел.

Эмма поднялась по широкой прямой лестнице с деревянными

перилами; наверху был коридор с грязным плиточным полом: туда, точно в монастыре или в гостинице, выходил длинный ряд комнат. Комната Родольфа была в самом конце, налево. Когда Эмма взялась за ручку двери, силы внезапно оставили ее. Она боялась, что не застанет Родольфа, и вместе с тем как будто бы хотела, чтобы его не оказалось дома, хотя это была ее единственная надежда, последний шанс на спасение. Минутку он собиралась с мыслями, потом сделала над собой усилие и, ободряя себя тем, что это необходимо, вошла.

Родольф - Ого, да это вы!

Эмма - Да, это я!.. Родольф, я хочу просить вашего совета.

Родольф - А вы не изменились, как всегда очаровательны!

Эмма – О!.. Стало быть плохи были мои чары, раз вы ими пренебрегли, мой дорогой...

Автор Родольф попытался объяснить свой поступок, но не нашел ничего лучшего, как напустить тумана.

Эмма поддалась не столько словам Родольфа, сколько его голосу и самому виду его персоны. Она сделала вид, будто верит, а может быть, и в самом деле поверила, что причиной их разрыва была некая тайна, от которой зависела честь и даже жизнь третьего лица.

Эмма – Все равно я очень страдала...

Родольф - Такова жизнь!

Эмма - По крайней мере, жизнь хорошо обошлась с вами после нашей разлуки?

Родольф - Ни хорошо, ни плохо...

Эмма - Пожалуй, нам лучше было бы не расставаться?..

Родольф – Да... возможно!

Эмма - Ты думаешь?.. О Родольф! Если б ты знал!.. Я тебя так любила!

Как я могла жить без тебя! Нельзя отвыкнуть от счастья! Я была в таком отчаянии! Думала, что умру! Я тебе расскажу, ты всё поймёшь. А ты... ты чурался меня!..

Автор И в самом деле, все эти три года, из малодушия, характерной для сильного пола, он старательно избегал ее.

Эмма - Ты любил других, признайся!.. О, я их понимаю, да! Я им прощаю. Ты, обольстил их так же, как обольстил меня. Ты - мужчина! Всё, что тебе нужно это, чтобы тебя любили. Но мы начнем всё сначала, не так ли? Мы опять полюбим друг друга! Смотри: я смеюсь, я счастлива... Поцелуй меня...

Родольф (*целует*)- Ты плачешь! От чего же?.. О, прости меня! Только ты одна мне нравишься. Я был глуп и жесток! Я люблю тебя... буду любить всегда!.. Что с тобой? Скажи мне...

Эмма - Ну что ж... Я разорена, Родольф! Одолжи мне три тысячи франков!

Родольф - Но... но...

Эмма - Понимаешь, мой муж поместил все своё состояние у нотариуса, а тот сбежал. Мы влезли в долги, пациенты нам не платят. Впрочем, распродажа имущества еще не закончена, мы ещё всё восстановим. Но сейчас нужны три тысячи франков, теперь, немедленно! И я, рассчитывая на твое дружеское участие, пришла к тебе.

Родольф - У меня их нет, сударыня.

Автор Он не обманывал её. Будь они у него, он, несомненно, дал бы, хотя вообще-то совершать такие благодеяния не очень приятно: из всех ударов судьбы, преследующих любовь, самый расхолаживающий, самый убийственный - это денежная просьба.

Эмма - У тебя их нет!.. У тебя их нет!.. Не доставало мне ещё этого крайнего унижения!.. Ты никогда не любил меня! Ты ничем не лучше других.

Родольф - Я сам в стесненных обстоятельствах.

Эмма – Ах, мне жаль тебя! Да, бесконечно жаль!.. Но бедный человек не отделяет приклад своего ружья серебром! Не покупает каминные часы с перламутром и золоченые свистки на шнурке! Не вешает брелоки на цепочку! О, ты ни в чём не нуждаешься! Ты ухаживаешь за собой, живешь в свое удовольствие, у тебя свой замок, фермы, леса. Ты устраиваешь псовую охоту, едешь в Париж... Ну, вот хотя бы эти запонки!.. Какая мелочь! Но их можно превратить в деньги!.. Нет-нет, они мне не нужны! Храни их!.. А я бы отдала тебе все, всё продала бы, работала на тебя не покладая рук, пошла бы на улицу милостыню просить за одну твою улыбку, за один взгляд, только за то, чтобы услышать от тебя слово благодарности. А ты преспокойно сидишь в кресле, как будто еще мало причинил мне страданий! Знаешь, без тебя я еще могла быть счастливой! Кто тебя принуждал? Или ты пари заключал? Но ведь ты же любил меня, ты сам говорил... И только что опять... Ах, лучше бы ты выгнал меня! У меня еще руки не остыли от твоих поцелуев. На этом самом месте, ты у моих ног

клялся мне в вечной любви. И я поверила тебе. Ты целых два года погружал меня в сладкий, волшебный сон!.. А наши планы путешествия ты позабыл? Ах, твое письмо, твое письмо! Оно разбило мне сердце!.. А теперь, когда я прихожу к нему - к нему, богатому, счастливому, свободному - и взываю о помощи, которую оказал бы мне первый встречный, когда я умоляю его и вновь приношу ему в дар всю свою нежность, он меня отвергает, оттого что это будет стоить ему три тысячи франков!

Родольф - У меня их нет!..

Автор Эмма вышла. Стены шатались, потолок рушился на неё. Она бежала по длинной аллее, натываясь на кучи сухих листьев, разлетающихся от ветра. Вот и канава, вот и калитка. Второпях отворяя калитку, Эмма обломала себе ногти о засов. Она прошла еще немного, задыхаясь, чуть не падая, и поневоле остановилась. Тогда она развернулась и ещё раз посмотрела на безучастный замок, парк, сады; на три двора и все окна фасада.

Она впала в оцепенение; она чувствовала, что еще жива, только по биению пульса, который казался ей оглушительной музыкой, разносившейся по окрестностям. Земля колыхалась у нее под ногами, точно вода, борозды на поле обрушивались на неё бушующими бурными волнами. Все впечатления, все мысли, какие только были у нее в голове, вспыхнули разом, точно огни грандиозного фейерверка. Она увидела своего отца, кабинет Лере, номер в гостинице "Булонь", другие места... Она чувствовала, что сходит с ума; ей стало страшно, и она попыталась переломить себя, но это ей удалось только отчасти. Она не могла

припомнить причину своего жуткого состояния – денежного вопроса. Она страдала только от своей любви, при одном воспоминании о ней душа покидала тело - так смертельно раненый чувствует, что жизнь уходит через кровоточащую рану.

Опускалась ночь, кружили вороны.

Эмма Взлетают огненные шарики... они похожи на светящиеся пули... Сплюсциваются, вертятся, вертятся, падают в снег...

Автор На каждом из них возникало лицо Родольфа. Они множились, приближались, пронзали её. Потом всё исчезло. Она узнала мерцавшие в тумане огни городка.

И тут всё положение вещей пучиной разверзлось перед ней. Ей стало мучительно больно дышать. Затем, в припадке отваги, от которой ей стало почти весело, она сбежала с холма, перешла через речку, миновала тропинку, бульвар, рынок и очутилась перед аптекой.

Там было пусто. Ей хотелось туда проникнуть, но на звонок кто-нибудь мог выйти. Затаив дыхание, скользя вдоль ограды, она добралась до кухонной двери - в кухне на печке горела свеча. Жюстен, в одной рубашке, проносил какое-то блюдо.

Эмма А, они обедают! Подождём...

Автор Жюстен вернулся. Она постучала в окно. Он вышел к ней.

Эмма - Ключ!.. От верха, где он...

Жюстен - Что вы!..

Автор Жюстен был поражен бледностью ее лица - на фоне сумерек оно вырисовывалось белым пятном. Он показалась ему необыкновенно прекрасной, величественной, точно видение. Он

еще не понимал, чего она хочет, но предчувствовал что-то ужасное.

Эмма (*ласково*) - Мне нужно!.. Дай мне его!

Автор Сквозь тонкую перегородку из столовой аптекаря доносился стук столовых приборов.

Эмма - Мне не дают спать крысы и мне необходима отравка.

Жюстен - Надо бы спросить хозяина!

Эмма - Нет, нет, останься!.. Не стоит! Я потом сама ему скажу. Давай, посвети мне!

Автор Они вошли в коридор. Из коридора дверь вела в лабораторию. На стене висел ключ с ярлычком: "От склада".

Оме (*издалека*)- Жюстен!..

Эмма – Идем наверх!..

Автор Жюстен пошел за ней. Ключ повернулся в замочной скважине, и, руководимая безошибочной памятью, Эмма подошла прямо к третьей полке, схватила синюю банку, вытащила пробку, засунула в неё руку и, вынув горсть белого порошка, начала тут же глотать.

Жюстен – Что вы делаете?! Перестаньте!..

Эмма – Цыц!.. А то придут...

Жюстен – Я позову на помощь!..

Эмма - Не говори никому, а то обвинят твоего хозяина!

Автор И, внезапно умиротворенная, с чувством исполненного долга, Эмма удалилась.

Шарль Когда я, потрясенный известием о том, что у меня описали имущество, примчался домой, Эмма только что ушла. Я

кричал, плакал, я терял сознание, а она все не приходила. Где же она могла быть? Я посылая Фелисите к Оме, к Тювашу, к Лере, в "Золотой лев", повсюду. Как только тревога затихала, ко мне тотчас же возвращалась мысль о том, что я лишился прежнего положения, потерял состояние, что будущее дочери погублено. По какой причине? Неясно!.. Я прождал до шести вечера. Наконец, вообразив, что Эмма уехала в Руан, я почувствовал, что не могу больше сидеть на месте, вышел на большую дорогу, прошагал с полмили, никого не встретил, подождал еще и вернулся. Она была уже дома.

- Как всё это случилось?.. Почему? Объясни!..

Эмма (*подавая письмо*) – Возьми письмо. Завтра прочтешь... А пока, прошу тебя, не задавай мне ни одного вопроса!.. Ни одного!

Шарль - Но...

Эмма - Ах, оставь меня!..

Автор С этими словами она вытянулась на постели и заснула.

Разбудил её терпкий вкус во рту. Она увидела Шарля, потом снова закрыла глаза.

Эмма Я с любопытством наблюдала за собой, старалась уловить тот момент, когда начнутся боли. Нет, пока еще нет! Я слышала тиканье часов, потрескивание огня и дыханье Шарля, стоявшего у кровати. Ах, какая хорошая вещь - смерть!.. Я сейчас засну, и все будет кончено.

Автор Она выпила воды и повернулась лицом к стене...

Отвратительный чернильный привкус всё не проходил.

Эмма – Пить хочу!.. Ах, как я хочу пить!

Шарль - Что с тобой?

Эмма - Ничего!.. Открой окно... Мне душно.

Шарль И тут её вырвало - так внезапно, что она едва успела вытащить из-под подушки носовой платок.

Эмма – Унеси это! Выбрось!

Автор Шарль стал расспрашивать ее - она не отвечала. Боясь, что от малейшего движения у нее опять может начаться рвота, она лежала, не шевелясь. И в то же время чувствовала, как от ног к сердцу идет пронизывающий холод.

Эмма (*шепчет*) - Ага! Наконец-то началось!..

Шарль - Что ты сказала?

Автор Эмма томилась; она медленно вертела головой, все время раскрывая рот, точно на языке у нее лежало что-то очень тяжелое. В восемь часов ее опять затошнило. Шарль обратил внимание, что к стенкам фарфорового таза пристали какие-то белые крупинки.

Шарль – Это невероятно! Этого не может быть!...

Эмма - Нет, ты ошибаешься!

Шарль – Дай-ка я прощупаю живот... Не бойся...

Эмма – А-а!!!

Автор Потом она начала стонать, сперва еле слышно. Плечи у нее ходили ходуном, а сама она стала белее простыни, в которую впивались ее сведенные судорогой пальцы. Ее неровный пульс был теперь почти неуловим.

При взгляде на посиневшее лицо Эммы, всё в капельках пота, казалось, что оно покрыто свинцовым налетом. Зубы у нее стучали,

расширенные зрачки, должно быть, неясно различали предметы, на все вопросы она отвечала кивками; впрочем, нашла в себе силы несколько раз улыбнуться.

Эмма - Мне лучше... Я сейчас встану... Ах, Боже мой, как больно!

Шарль - Скажи, что ты съела? Ответь мне, ради всего святого!

Эмма - Ну, там... там письмо на секретере...

Шарль (*бросился к секретеру, разорвал конверт*)= "Прошу никого не винить..." Что такое?.. На помощь! Сюда!.. Отравилась!

Отравилась!..

Автор Фелисите побежала за фармацевтом - у него невольно вырвалось это же самое слово, в "Золотом льве" его услышала г-жа Лефрансуа, жители просыпались и с тем же словом на устах бежали к соседям, - городок не спал всю ночь.

Спотыкаясь, что-то бормоча, Шарль как безумный метался по комнате. Он натыкался на мебель, рвал на себе волосы - аптекарю впервые пришлось быть свидетелем такой душераздирающей сцены.

Потом он прошел к себе в кабинет и сел писать г-ну Каниве и доктору Ларивьеру. Но мысли у него путались - он переписывал не менее пятнадцати раз. Ипполит поехал в Невшатель, а Жюстен загнал лошадь Бовари по дороге в Руан и бросил ее, околевающую, на холме Буа-Гильом.

Шарль перелистывал медицинский справочник, но ничего не видел: строчки прыгали у него перед глазами.

Оме - Успокойтесь! Нужно только ей дать какое-нибудь сильное противоядие. Чем она отравилась?

Шарль - Мышьяком...

Оме – Ну что ж... надо сделать анализ.

Шарль – Так сделайте же, сделайте! Спасите ее...

Эмма - Не плачь!.. Скоро я перестану тебя мучить!

Шарль - Зачем? Что тебя вынудило?

Эмма - Так надо, дорогой...

Шарль - Разве ты не была со мной счастлива? В чём моя вина? Я делал все, что мог!

Эмма - Да... правда... ты – добрый, добрый!..

Автор Она медленно провела рукой по его волосам. От этой ласки ему стало еще тяжелее. Он чувствовал, как вся его жизнь рушится оттого, что он ее теряет - теряет, как раз когда она особенно с ним нежна; он ничего не мог придумать, не знал, как быть, ни на что не решался. Необходимость принять решительные меры повергала его в крайнее смятение.

Эмма Настал конец всем обманам, всем низостям, всем бесконечным соблазнам, которые так измучили меня. Теперь я уже ни к кому не питаю ненависти... всё окутывает сумрак... из всех звуков на свете различаю лишь прерывистые, тихие, невнятные жалобы сердца, замирающие, точно последние затихающие аккорды...

- Приведите ко мне малышку.

Шарль - Тебе уже не так плохо?

Эмма - Нет, нет!

Автор Няня принесла насупленную со сна девочку в длинной ночной рубашке, из-под которой выглядывали босые ножки.

Берта обводила изумленными глазами беспорядок, царивший в комнате, и жмурилась от огня свечей, горевших на столах. Все это, вероятно, напоминало ей утро на Новый год или утро средопостыя, когда ее тоже засветло будили при свечах и несли в постель к матери, а та ей что-нибудь дарила.

Берта - Где игрушки, мама? Мой башмачок!.. Его кормилица взяла?

Автор Слово "кормилица" привело на память все измены, все ее невзгоды. К горлу снова подступила тошнота от этого более сильной отравы и она отвернулась к стене.

Берта - Какие у тебя большие глаза, мама! Какая ты бледная, потная! Я боюсь!..

Шарль - Довольно!.. Унесите ее!

Автор Затем симптомы отравления приутихли. Эмма немного успокоилась. Каждое ее слово, хотя бы и ничего не значащее, каждый ее легкий вздох вселяли в Шарля надежду. Когда приехал Каниве, он со слезами кинулся ему на шею.

Шарль - Ах, вот и вы! Благодарю вас! Как вы добры!.. Но ей уже лучше. Вы сами увидите...

Каниве - Я, видите ли, не люблю ходить вокруг да около, раз отравилась мышьяком то дадим ей рвотного, чтобы как следует очистить желудок...

Автор Эмму стало рвать кровью. Губы ее вытянулись. Руки и ноги сводила судорога, по телу пошли бурые пятна, пульс напоминал дрожь туго натянутой струны, которая вот-вот порвется.

Немного погодя она начала дико кричать. Она проклинала яд, бранила его, потом просила, чтобы он действовал быстрее, отталкивала коченеющими руками все, что давал ей выпить Шарль, переживавший не менее мучительную агонию, чем она.

Прижимая платок к губам, он стоял у постели больной и захлебывался слезами, все его тело, с головы до ног, сотрясалось от рыданий. Фелисите металась по комнате. Оме стоял как вкопанный и тяжело вздыхал, а мсье Каниве, хотя и сохранял спокойствие, тем не менее, был озадачен.

Каниве - Дьявол!.. Ведь... ведь желудок очищен, а раз устранена причина...

Оме - Должно быть устранено и следствие...

Шарль - Да спасите же ее!

Оме - Быть может, это спасительный кризис?..

Каниве - Попробуем дать ей териак...

Автор - Но в это мгновение за окном раздалось щелканье бича, все стекла затряслись, и из-за крытого рынка вылетела взмыленная тройка, впряженная в почтовую карету. Приехал доктор Ларивьер.

Если бы в доме Бовари появился Бог, то все же это произвело бы не такое сильное впечатление. Шарль взмахнул руками, Каниве замер на месте, а Оме задолго до входа доктора снял свою феску.

Ларивьер принадлежал к хирургической школе великого Биша, к ныне исчезнувшему поколению врачей-философов, которые любили свое искусство фанатичной любовью и практиковали с вдохновенной пронизательностью. Когда Ларивьер гневался, вся

больница дрожала; ученики боготворили его и, как только устраивались на место, сейчас же начинали во всём ему подражать. Дело доходило до того, что все врачи в округе носили такое же, как у него, стеганое пальто с каракулевым воротником и такой же, как у него, широкий черный фрак с расстегнутыми манжетами, причем у самого Ларивьера всегда были видны его мясистые, очень красивые руки, не знавшие перчаток, готовые в любую минуту погрузиться в чужие страдания. Он презирал чины, кресты, академии. Радужный и щедрый, для бедных он был отцом родным; в добродетель не верил, а сам на каждом шагу делал добрые дела и, конечно, был бы признан святым, если бы не его дьявольская пронизательность, из-за которой все его боялись пуще огня. Взгляд у него был острее скальпеля, он проникал в самую душу, удаляя всякую ложную стыдливость, наветы и измышления. Так шел он по жизни, исполненный того благодушного величия, которое порождает большой талант, благосостояние и сорокалетняя непорочная служба.

Еще у дверей, обратив внимание на мертвенный цвет лица Эммы, лежавшей с раскрытым ртом на спине, он нахмурил брови.

Ларивьер - Хорошо, хорошо...

Автор Но при этом медленно повел плечами. Бовари наблюдал за ним. Глаза их встретились, и у Ларивьера, привыкшего видеть страдания, скатилась на воротничок непрошенная слеза.

Он увел Каниве в соседнюю комнату, Шарль пошел за ними.

Шарль - Она очень плоха, не так ли? А если поставить горчичники? Я не знаю, что... Придумайте что-нибудь! Вы же столько людей спасли!

Ларивьер - Мужайтесь, мой бедный мальчик! Тут ничего нельзя поделывать.

Шарль - Вы уходите?

Ларивьер - Я вернусь. Только отдам распоряжения кучеру...

Автор Он вышел вместе с Каниве, который тоже не сомневался, что Эмма протянет недолго. На площади их догнал фармацевт. Отстать от знаменитостей - это было выше его сил.

Оме (*догоняя их*) – Покорнейше прошу вас, мсье Ларивьер, почтить меня своим посещением и позавтракать в моём скромном доме.

Автор Супруги Оме нимало не медля послали в "Золотой лев" за голубями, скупил в мясной лавке мясо на котлеты, какое там еще оставалось, у Тюваш - весь запас сливок, у Лестибудуа - весь запас яиц.

Г-жа Оме - Вы уж нас извините, мсье. В нашем захолустье, если не знать накануне...

Оме - Рюмки!!!

Г-жа Оме - В городе мы, по крайней мере, всегда могли бы приготовить фаршированные ножки.

Оме - Помолчи!.. Пожалуйте к столу, доктор.

Автор Когда все съели по кусочку, аптекарь счел уместным сообщить некоторые подробности несчастного случая:

Оме - Сперва появилось ощущение сухости в горле, потом начались нестерпимые боли в надчревной области, рвота и, наконец, кома...

Ларивьер - А как она отравилась?

Оме - Не знаю, доктор. Ума не приложу, где она могла достать мышьяковой кислоты.

Автор В эту минуту вошел со стопкой тарелок в руках Жюстен и, услышав это название, весь затрясся.

Оме - Что с тобой?

(вместо ответа юнец грохнул всю стопку на пол)

Оме - Болван! Растяпа! Увалень! Чёртов осел!.. Я, доктор, решил произвести анализ и, ргіто, осторожно ввел в трубочку...

Ларивьер - Лучше бы вы ввели ей пальцы в глотку...

Автор Его коллега Каниве молчал; Ларивьер только что, оставшись с ним один на один, закатил ему изрядную взбучку за рвотное, и теперь почтенный Каниве, столь самоуверенный и речистый во время истории с искривлением стопы, сидел скромненько, в разговор не встревал и только одобрительно улыбался.

Оме был преисполнен гордости радушного хозяина, а печальные мысли о Бовари невольно приводили его в еще лучшее расположение духа, едва лишь, как и всякий эгоист, он вглядывался в самого себя. Присутствие светила хирургии вдохновляло его...

Оме - На свете существует великое множество ядов, вроде яда шпанских мушек, анcharного дерева, манцениллы, и, наконец

змеиного яда! Я даже читал, доктор, что были случаи, когда люди отравлялись и падали, как громом пораженные, от самой обыкновенной колбасы, которая подвергалась слишком сильному копчению. Узнал я об этом из великолепной статьи, написанной одним из наших фармацевтических светил, одним из наших учителей, знаменитым Каде де Гасикуром.

Автор Госпожа Оме принесла шаткую спиртовку - ее супруг требовал, чтобы кофе варилось тут же, за столом; мало того: он сам обжаривал зерна, сам молот, сам смешивал.

Оме - Saccharum, доктор!

Г-жа Оме - Посоветуйте, доктор... Мужу вредно раздражаться, а он, вспыхив, прямо с ума сходит по вечерам после обеда.

Ларивьер – О, не с чего ему сходить!..

Автор Слегка улыбнувшись этому прошедшему незамеченным каламбуру, доктор отворил дверь. Но в аптеке было полно народу. Хирург еле-еле отделался от мсье Тюваш, который боится, что у его жены воспаление легких, так как она имеет обыкновение плевать в камин; потом от мсье Бине, который часто никак не может наесться; от мадам Карон, у которой покалывает в боку; от Лере, который страдает головокружениями; от Лестибудуа, у которого ревматизм; от мадам Лефрансуа, у которой изжога. Наконец почтовая карета умчалась, и все в один голос сказали, что доктор не проявил должной учтивости себя неучтиво.

Но тут внимание публики было отвлечено появлением аббата Бурнизьена - он шел по рынку, неся сосуд с елеем.

Оме – Священники подобны воронам, которых привлекает трупный запах. Не могу равнодушно смотреть на духовных особ: их сутана напоминает саван...

Автор А савана он боялся и поэтому не выносил сутану.

Однако Оме, неуклонно выполнял то, что он называл своей "миссией", и вернулся к Бовари вместе с Каниве, которого очень просил сходить туда доктор Ларивьер. Фармацевт хотел было взять с собой своих сыновей, дабы приучить их к тяжелым впечатлениям, показать им возвышенную картину смерти, которая послужила бы им уроком, назиданием, навсегда врезалась бы в их память, но мать решительно воспротивилась.

В комнате, где умирала Эмма, на всем лежал отпечаток мрачной торжественности. На рабочем столике, накрытом белой салфеткой, у большого распятия с двумя зажженными свечами по бокам стояло серебряное блюдо с комочками ваты. Эмма, уронив голову на грудь, смотрела перед собой неестественно широко раскрытыми глазами, а ее ослабевшие руки шарили по одеялу - неприятное, бессильное движение всех умирающих, которые точно заранее натягивают на себя саван! Бледный, как изваяние, с красными, как тлеющие угли, глазами, Шарль уже не плача стоял напротив Эммы, у изножья кровати, а священник, опустившись на одно колено, бормотал молитвы.

Эмма медленно повернула голову и её охватила радость, когда она увидела фиолетовую епитрахиль. Может быть она вновь обрела утраченное наслаждение своих первых мистических

устремлений; это явилось для нее видением наступающего вечного блаженства.

Священник встал и взял распятие. Эмма вытянула шею, как будто ей хотелось пить, припала устами к телу Бого-человека и со всей уже угасающей силой любви запечатлела на нем самый жаркий из всех своих поцелуев.

После этого священник прочел «Да смилуется» и «Ныне отпускаеши», обмакнул большой палец правой руки в елей и приступил к помазанию: умастил ей сперва глаза, еще недавно столь жадные до всякого земного великолепия; затем - ноздри, с упоением вдыхавшие теплый ветер и ароматы любви; затем - уста, откуда исходила ложь, вопли оскорбленной гордости и сладострастные стоны; затем - руки, получавшие наслаждение от нежных прикосновений, и, наконец, подошвы ног, которые так быстро бежали, когда она жаждала утолить свои желания, и которые никогда уже больше не пройдут по земле.

Священник – Теперь, дочь моя, тебе надлежит подумать не о своих муках, а о муках Иисуса Христа и вручить себя милосердию Божию.

Автор Закончив проповедь, он попытался вложить ей в руки освященную свечу - символ ожидающего ее неземного блаженства, но Эмма от слабости не могла ее держать, и если б не аббат, свеча упала бы на пол.

Эмма между тем слегка порозовела, и лицо ее приняло выражение безмятежного спокойствия, словно таинство проповеди исцелило ее.

Священник - Знайте!... Господь иногда продлевает человеку жизнь, во имя спасения души.

Шарль - Ведь однажды она уже совсем умирала и причастилась. Может быть, еще рано отчаиваться...

Автор В самом деле: Эмма, точно очнувшись ото сна, медленно обвела глазами комнату, затем вполне внятно попросила подать ей зеркало и, нагнувшись, долго смотрелась, пока из глаз у нее не выкатились две крупные слезы. Тогда она вздохнула и откинулась на подушки.

В ту же минуту она начала задыхаться. Язык вывалился наружу, глаза закатились на лоб и потускнели, как абажуры на гаснущих лампах; от учащенного дыхания у нее так страшно двигались рёбра, точно из тела рвалась душа, а если б не это, можно было бы подумать, что Эмма уже мертва.

Фелисите опустилась на колени перед распятием; даже фармацевт слегка подогнул ноги. Каниве невидящим взглядом смотрел в окно. Бурнизьен, нагнувшись к краю постели, опять начал молиться; его длинная сутана касалась пола. Шарль стоял на коленях по другую сторону кровати и тянулся к Эмме. Он сжимал ей руки, вздрагивая при каждом биении ее сердца, точно отзываясь на грохот обрушенного здания. Чем громче хрипела Эмма, тем быстрее священник читал молитвы. Порой слова молитв сливались с приглушенными рыданиями Бовари, а порой все тонуло в глухом рокоте латинских звуков, гудевших, как похоронный звон.

Внезапно на тротуаре раздался топот деревянных башмаков и стук палки.

Нищий (*поёт хриплым голосом*)

Девчонке в жаркий летний день

Мечтать о миленьком не лень.

Автор Эмма, с распущенными волосами, уставив в одну точку расширенные зрачки, приподнялась, точно гальванизированный труп.

Нищий

За жницей только поспевай!

Нанетта по полю шагает

И, наклоняясь, то и знай,

С земли колосья подбирает"

Эмма - Слепой!..

Нищий

Вдруг ветер налетел на дол

И мигом ей задрал подол.

Автор Конвульсия отбросила Эмму на подушки. Все обступили ее. Эммы больше не существовало.

Всегда, после чьей-нибудь смерти, наступает всеобщее оцепенение - до того трудно бывает осмыслить вторжение небытия, заставить себя поверить в него.

Шарль (*кричит*) - Прощай! Прощай!..

Оме - Смиритесь!..

Шарль – Хорошо... Я буду благоразумен, я ничего плохого не сделаю. Только пустите меня! Я хочу к ней! Ведь это моя жена!..

Оме - Поплачьте... Следуйте за природой, это вас утешит!.. А теперь вам нужно назначить час церемонии...

Шарль - Зачем? Какая церемония?.. О, нет, нет! Она останется со мной, не так ли?

Священник – Это необходимо, сын мой.

Шарль – Хорошо. Пишите:

"Я хочу, чтобы ее похоронили в подвенечном платье и венце, в белых туфлях. Волосы распустите по плечам. Должно быть три гроба: один - дубовый, другой - красного дерева, третий – свинцовый. Ни о чём со мной не говорите, у меня хватит сил. Сверху накройте большим куском зеленого бархата. Такова моя воля. Исполните».

Оме - По-моему, бархат - это лишнее. К тому же, расходы...

Шарль - Вас это не касается! Оставьте меня в покое! Вы не любите её! Убирайтесь!..

Священник - Вспомните о бренности всего земного. Господь всемогущ и милосерд; мы должны не только безропотно подчиняться его воле, но и возблагодарить его.

Шарль (*уходя*) – Я ненавижу вашего Господа!

Священник – Это в вас говорит дух противоречия...

Автор Бовари был уже далеко. Он быстро шагал между рядов постриженных кустарников и оградой. Он скрежетал зубами, и, глядя на небо, проклинал его. Вокруг не шелохнулся ни один листок. Моросил дождь. Ворот у Шарля был распахнут, он продрог. Вернувшись домой, он уселся на кухне.

В шесть часов на площади что-то загромыхало: это приехала "Ласточка".

Прижавшись лбом к стеклу, Шарль смотрел, как один за другим выходили из нее пассажиры. Фелисите положила ему в гостиную матрас. Он лег и заснул.

Будучи философом, мсье Оме уважал мертвецов. Вот почему, не тая обиды на бедного Шарля, он взял с собой три книги и папку с бумагой для заметок и пришел к нему вечером, чтобы совершить ночное бдение около покойницы.

Там он застал аббата Бурнизьена. Кровать выставили из алькова; в изголовье горели две большие свечи.

Оме - Жаль несчастную... Такая молодая!..

Священник - Нам остается только молиться за нее.

Оме - Но ведь одно из двух: либо она упокоилась «в благодати», как выражается церковь, и в таком случае наши молитвы ей ни к чему, либо она умерла без покаяния (кажется, я употребляю настоящий богословский термин), и тогда...

Священник - Молиться все-таки надо...

Оме - Но если Бог сам ведает о наших нуждах, зачем служить мессу?

Священник - Как зачем!? Так вы, стало быть, не христианин?

Оме - Простите!.. Я преклоняюсь перед христианством. Прежде всего, оно освободило рабов, оно дало миру новую мораль.

Священник - Да я не о том! Все тексты...

Оме - Ох, уж эти ваши тексты! Почитайте историю! Всем известно, что их подделали иезуиты.

Автор Вошел Бовари и, подойдя к кровати, медленно отдернул полог.

Голова Эммы склонилась к правому плечу. Уголок губ приоткрылся и зиял черной дырой. Большие пальцы впились в ладони, ресницы точно посыпаны белой пылью, а глаза подернула мутная пленка, похожая на тонкую паутину. Между грудью и коленями одеяло провисло, а от колен поднималось к ступням. И Шарлю показалось, что на Эмму давит какая-то страшная тяжесть, какой-то непомерный груз.

Оме - Послушайте, друг мой, подите к себе. Это зрелище причиняет вам боль.

Шарль (*уходя*) – Хорошо... Хорошо...

Оме – Так вот, досточтимый аббат, почитайте лучше Вольтера!

Священник – А вы почитайте «Письма португальских, польских и немецких евреев к Вольтеру» аббата Гене! Какая дерзость!..

Оме – Какая тупость!.. Почитайте Гольбаха, "Энциклопедию"!

Священник - Почитайте «Смысл христианства» Жан-Жак-Огюста Николя!

Автор Тут опять вошел Бовари. Непреодолимое влечение притягивало его, он то и дело поднимался наверх.

Чтобы лучше видеть покойницу, он становился напротив и погружался в созерцание, до того глубокое, что боли в эти минуты не чувствовал.

Шарль Существует же каталепсия!.. Чудеса магнетизма!.. Быть может, если захотеть всем существом своим, то удастся ее воскресить. Эмма!.. Эмма!..

Автор Рано утром приехала г-жа Бовари-мать. Шарль обнял ее и снова заплакал горькими слезами. Она, как и фармацевт, попыталась убедить его в дороговизне предстоящих похорон. Шарля это вывело из себя. Старуха живо осеклась и даже вызвалась сейчас же поехать в город и купить все, что нужно.

Шарль до вечера пробыл один; Берту увели к мадам Оме; Фелисите сидела наверху с тетушкой Лефрансуа.

В девять часов пришел Оме (оба дня он без усталости сновал по площади) и принес камфары, росного ладана и ароматических трав. Еще он прихватил банку с хлором для устранения миазмов. Тем временем служанка, мадам Лефрансуа и старуха Бовари закончили облачать Эмму - они опустили длинную жёсткую вуаль, и она закрыла ее всю, до атласных туфель.

Фелисите – Ах, моя бедная хозяйка! Бедная хозяйка!..

Вдова - Поглядите, какая она снова миленькая! Так и кажется, что вот-вот встанет.

Автор Все три женщины склонились над ней, чтобы надеть венок.

Для этого пришлось слегка приподнять голову, и тут изо рта у покойницы хлынула, точно рвота, черная жидкость.

Вдова - Ах, боже мой, платье! Осторожней! Мсье Оме, помогите нам! Вы случайно не боитесь?

Оме - Боюсь? Да, как же! Я такого навиделся в центральной больнице, когда изучал фармацевтику! Мы варили пунш в анатомическом театре! Небытие философа не страшит. И, как я не раз говорил, мой труп я завещаю клинике, с целью впоследствии послужить науке.

Священник (*входя*) - Как себя чувствует мсье Бовари?

Оме – Плохо...

Священник – Видите ли, - слишком свежо потрясение...

Оме - Вам хорошо так говорить: вы не рискуете потерять любимую жену. Обходиться без женщин!.. Это противоестественно! Как мы не раз видели, многие преступления...

Священник – Чепуха! Да как же, по вашему, женатый человек может, например, сохранить тайну исповеди?..

Оме - Слышите? Собака воеет...

Священник - Говорят, что они чуют покойников... Это как и пчёлы: если кто умрет, они сей же час покидают улей.

Оме – Признаться, я б с удовольствием подкрепился!

Священник – Я тоже не откажусь. В конце концов мы с вами поладим!

Автор Приехал папаша Руо. Увидев черное сукно у входной двери, он упал в обморок на площади. Придя в себя, он разрыдался и бросился в объятия Шарля.

Папаша Руо - Дочь моя! Эмма! Дитя мое! Объясните мне...

Шарль – Я не знаю, не знаю! Это какое-то проклятие!..

Оме - Все эти ужасные подробности ни к чему. Я сам осведомлю мсье Руо. Поймите, все мы бренны. Примем же это с достоинством, философски, черт возьми!

Шарль - Да, да... будем тверды!..

Папаша Руо - Гром и молния на Господа!.. Я буду тверд! Я провожу ее до могилы. За мной очередь, понимаете? Похоронил жену... потом сына, теперь дочь!..

Автор Зазвонил колокол. Все было готово. Должно было тронуться в последний путь.

.....

Однажды, после похорон Эммы, бродя без цели по дому, Шарль поднялся на чердак и наткнулся на клочок смятой бумаги. Он развернул его...

Шарль - "Мужайтесь, Эмма, мужайтесь! Я не хочу быть несчастьем всей вашей жизни!"

Автор Это было письмо Родольфа - оно завалилось за сундук, и пролежало там, до тех пор, пока ветер, подувший в слуховое окно, не отнёс его к двери. Шарль замер, разинув рот от изумления, на том самом месте, где когда-то Эмма, такая же бледная, как он сейчас, в порыве отчаяния хотела покончить с собой. Наконец, на второй странице, внизу, он разглядел едва заметную прописную букву Р.

Шарль – Р... Кто бы это мог быть?..

Автор Он припомнил, как Родольф сначала ухаживал за Эммой, как потом внезапно исчез и ту странную напряжённость при их редких встречах. Однако уважительный тон письма ввёл Шарля в заблуждение.

Шарль - Он, должно быть, обожал её. Все мужчины, конечно, страстно её желали.

Автор От этого она стала казаться ему еще прекраснее. Теперь он испытывал постоянное неистовое желание, которое отчаянно и безмерно жгло его, оттого что его нельзя было утолить.

Шарль Чтобы угодить ей, как будто она ожила, я изменил свои привычки: купил себе лаковые ботинки, стал носить белые галстуки, фабрил усы и по ее примеру подписывал векселя.

Автор Она совращала его из гроба.

Шарль У фармацевта были замечательные идеи решения усыпальницы Эммы. Сначала он предложил барабан колонны с драпировкой, потом - пирамиду, потом - храм Весты - богини домашнего очага, нечто вроде ротонды... или же "груды руин". И во всех его проектах неизменно фигурировала плакучая ива в качестве обязательной эмблемы печали.

Автор Оме отправился с Шарлем в Руан и там они, захватив с собой живописца по имени Вофрилар, друга Бриду, так и сыпавшего каламбурами, пошли посмотреть усыпальницы в мастерской надгробий.

Шарль Ознакомившись с сотней проектов, составив смету и потом еще раз съездив в Руан, я остановился на мавзолее, на котором с двух сторон должен был быть водружён "гений с угасшим факелом".

Автор Шарль, то ли из уважения к памяти жены, то ли потому, что задержка обследования доставляла ему что-то вроде сладострастия, все еще не открывал потайной ячейки того палисандрового стола, на котором Эмма обычно писала. Наконец однажды он подсел к столу, повернул ключ и нажал пружину. Там находились все письма Леона. На этот раз никаких сомнений! Он прочитал все до последней буквы, обыскал все уголки, все шкафы, все ящики, смотрел за обоями... Он рыдал, выл, он

обезумел от ужаса. Случайно он наткнулся на какую-то коробку и ногой вышиб у нее дно. Оттуда выскочил портрет Родольфа, и высыпался ворох любовных писем.

Оме Его уныние всем бросалось в глаза. Он целыми днями сидел дома, никого не принимал, даже отказывался осматривать больных. Тогда все решили, что он "заперся, чтобы спиваться".

Автор Однако иной раз кто-нибудь из любопытных заглядывал через изгородь в сад и с изумлением наблюдал за хмурым человеком с отросшей бородой, одетым в грязное платье, который бродил по дорожкам и плакал навзрыд.

Шарль В летние вечера я брал с собой дочку и шел на кладбище. Возвращались мы поздно вечером, когда на всей площади было освещено только одно окошко у Бине.

Автор Между тем он еще не вполне наслаждался своим горем - ему не с кем было поделиться. Изредка он захаживал к тетушке Лефрансуа только для того, чтобы поговорить о ней. Но трактирщица слушала его вполуха - у нее были свои печали.

Вдова Лере открыл постоянный двор "Фаворитки коммерции", а Ивер, который славился как отличный исполнитель любых поручений, требовал прибавки и все грозил перейти к "конкуренту".

Автор Как-то раз Шарль отправился на рынок в Аргейль продавать лошадь, - больше ему продавать было нечего, - и встретил там Родольфа.

Увидев друг друга, оба побледнели. После смерти Эммы Родольф прислал только свою визитную карточку, и теперь он

пробормотал что-то в свое оправдание, но потом до того осмелел, что даже пригласил Шарля (был жаркий августовский день) распить в кабачке бутылочку пива.

Шарль Он сидел напротив меня и, облокотившись на стол, пожевывал свою сигару, болтал, а я смотрел ему в лицо и думал, что это вот и есть тот самый человек, которого она любила.

Шарль Мне показалось, будто я снова её вижу... Это было восхитительно! Мне захотелось стать этим человеком.

Родольф Я говорил о земледелии, скотоводстве, об удобрениях, затыкая общими фразами все щели, в которые мог просочиться малейший намек. Шарль не слушал. Я наблюдал, как на его лице отражаются воспоминания: щеки у него багровели, ноздри раздувались, губы дрожали...

Автор Была даже минута, когда Шарль так жутко посмотрел на Родольфа, что у того промелькнуло нечто похожее на испуг, и он умолк. Но мгновенье спустя черты Шарля вновь приняли то же выражение мрачной усталости.

Шарль - Я на вас больше не сержусь...

Автор Родольф онемел. А Шарль, обхватив голову руками, повторил слабым голосом, голосом человека, смирившегося со своим бесконечным горем:

Шарль - Нет, я на вас больше не сержусь!.. Это ошибка судьбы!

Родольф Получается, что этой судьбой управлял я, и сейчас я думал о Шарле, думал о том, что нельзя быть таким благодушным в его положении, что он смешон и даже немного ничтожен.

Автор На другой день Шарль вышел в сад и сел на скамейку в беседке. Через решетку пробивались солнечные лучи, на песке вычерчивали свою тень листья дикого винограда, благоухал жасмин, небо было безоблачно, вокруг цветущих лилий гудели шпанские мухи, и Шарль задохнулся, как юноша, от прилива любви, переполнившей его скорбное сердце.

В семь часов пришла дочка звать его обедать. Она не видела его целый день. Голова у него была запрокинута, веки опущены, рот открыт, в руках он держал длинную прядь черных волос Эммы.

Берта - Папа, папа иди же!..

Автор Думая, что он шутит, она тихонько толкнула его. Он рухнул наземь. Он был мертв.

Сутки с половиной спустя приехал по просьбе аптекаря мсье Каниве. Он вскрыл труп и никакого заболевания не обнаружил.

После распродажи имущества осталось двенадцать франков семьдесят пять сантимов, которых мадемуазель Бовари хватило на то, чтобы доехать до бабушки. Старуха умерла в том же году, дедушку Руо разбил паралич, - Берту взяла к себе тетка. Она очень нуждалась и, чтобы заработать на жизнь, ей пришлось поступить на прядильную фабрику.

После смерти Бовари в Ионвиле сменилось уже три врача – всех их заткнул за пояс мсье Оме. Пациентов у него до чёрта. Власти смотрят на него сквозь пальцы, общественное мнение покрывает его.

Недавно он получил орден Почетного легиона.

